

Эльке Файн и др.

От Потсдама до Воркуты

Тюрьма НКВД/МГБ/КГБ
Потсдам-Нойер Гартен в
зеркале воспоминаний
немецких и российских
заключённых

Совместная публикация Бранденбургского
национального бюро политического образования и
Общества поддержки Санкт-Петербургского
«Мемориала» (Берлин)

Eine Publikation der
Brandenburgischen
Landeszentrale für
politische Bildung

Бывшая тюрьма НКВД/МГБ/КГБ в Потсдаме – Нойер Гартен (1997)

Эльке Файн, Нина Леонард, Йенс Нидерхут,
Анке Хёне, Андреас Декер
(Elke Fein, Nina Leonhard, Jens Niederhut,
Anke Höhne, Andreas Decker)

От Потсдама до Воркуты

Тюрьма НКВД/МГБ/КГБ Потсдам-Нойер
Гартен в зеркале воспоминаний немецких и
российских заключённых

Копирайт 2002

Бранденбургское национальное бюро
политического образования, 1999

Перевод Дарьи Новаторовой, 2020

Перевод биографий, сносок и дополнений,
редакция перевода и визуальное оформление
Екатерины Гамолиной

При поддержке MEMORIAL Deutschland e. V.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	7
Предисловие	8
<i>Вениамин Иофе</i> Дух Аушвица, Колымы и Хиросимы	14
<i>Эльке Файн (Elke Fein)</i> Потсдам-Нойер Гартен – тюрьма в «запретном городе»	17
<i>Нина Леонард (Nina Leonhard)</i> Заключённые тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен	37
<i>Йенс Нидерхут (Jens Niederhut)</i> Следственный изолятор тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен. Допросы и вынесение приговоров	50
<i>Анке Хёне (Anke Höhne)</i> Повседневная жизнь заключённых в тюрьме Потсдам-Нойер Гартен	72
<i>Андреас Декер (Andreas Decker)</i> От Потсдама до Воркуты. Дальнейшие места заключения и жизнь после него	91
<i>Ута Герлант (Uta Gerlant)</i> «Мы служили Советскому Союзу». Служащие советских войск в ГДР как заключённые тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен	119

Приложения

Краткие биографии бывших заключённых тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен	131
Список сокращений	143
Библиография	144
Архивы	150
Иллюстрации	150
Об авторах	152

Предисловие к русскому изданию

За последние 35 лет перед российским читателем, благодаря публикации тысяч документов и сотен книг воспоминаний, смогла наконец предстать страшная картина советского ГУЛАГа.

Книга «От Потсдама до Воркуты» – плод кропотливого труда немецких исследователей. Она основана на изучении малоизвестных архивных документов и опросах бывших заключённых из Германии. В ней нам открывается история немецкой части ГУЛАГа, а точнее «немецких ворот» в него. От тюрьмы и трибунала в Потсдаме путь этих людей неизбежно вёл на Восток, в Воркуту.

Их личные истории и бытовые подробности ареста, тюремного быта, допросов и вынесения приговора, на мой взгляд, самая интересная часть книги.

Бывшая тюрьма в Потсдаме давно превратилась в мрачный музей коммунистических репрессий, однако в её истории осталось немало тайн. Они хранятся за семью печатями в доме на Лубянке и, как справедливо заметила координаторка проекта, Эльке Файн, «сейчас нельзя предсказать изменения такого положения дел».

Особенно скупы сведения о советских узниках Потсдама. Возможно, публикацию книги на русском языке заметят потомки этих людей и поделятся хранящимися в семейных архивах свидетельствами.

*Андрей Рихтер,
сын бывшего заключённого тюрьмы в Потсдаме*

Предисловие

История тюрьмы секретных служб Советского Союза в бывшем военном городке №7 до настоящего момента являлась неизвестной главой потсдамского прошлого. С момента её реквизиции в августе 1945 года до вывода советских войск территория между Пфинстбергом (*Pfingstberg*) и Нойер Гартенем (*Neuer Garten*) была военным районом, куда имели доступ лишь некоторые жители Потсдама. Лишь в августе 1994 года появилась возможность подробно исследовать эту часть послевоенной истории.

Под бывшей тюрьмой НКВД/МГБ/КГБ Потсдам-Нойер Гартен подразумевается следственный изолятор (или следственная тюрьма), и её необходимо отличать от штрафной тюрьмы и советского «специального лагеря» в советской оккупационной зоне (СОЗ) и ГДР. Это отличие имеет существенное значение для источников, доступных и использованных при написании этой книги. Значительная часть документов из московских архивов о спецлагерях в СОЗ и ГДР, которые подчинялись советскому Министерству внутренних дел (НКВД/МВД), были рассекречены в начале 1990 годов. Соответственно, появилось большое количество источников в немецком переводе.¹ Совсем иная ситуация со следственными изоляторами, которые с 1946 года подчинялись советскому Министерству государственной безопасности (МГБ). Эти документы до сегодняшнего дня являются практически полностью секретной информацией, что, конечно, связано с тем, что бывший КГБ в российском переходном процессе остался относительно незатронутым в плане структур и персонала. Новая секретная служба ФСБ по-прежнему считает себя хранительницей жизненно важных государственных тайн. Сейчас нельзя предсказать изменения такого положения дел.² Помимо вторичных источников о секретной службе, где нет практически никакой информации о Потсдаме, в нашем исследовании о тюрьме Потсдам-Нойер

¹ Ср. изданный в 1998 г. двухтомник под редакцией Mironenko/Niethammer/von Plato «Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945-1950». (Цитируемые здесь и далее источники указаны в сносках в сокращённой форме. Полные названия приведены в списке литературы в конце книги).

² Это подтверждает и исследователь истории советских спецслужб, сотрудник Научно-информационного и образовательного центра «Мемориал» в Москве, Никита Петров.

Гартен мы полагались исключительно на воспоминания немецких и российских современников. Некоторые из них – бывшие заключённые, в то время как другие – тогдашние служащие и чиновники советской секретной службы и Советской военной администрации в Германии (СВАГ).

Настоящая книга основана на материалах выставки «От Потсдама до Воркуты» – совместного проекта Общества поддержки Санкт-Петербургского «Мемориала» (сейчас – MEMORIAL Deutschland e. V. – прим. ред.) с его «Проектной группой тюрьмы КГБ» и Научно-информационным центром «Мемориал» (Санкт-Петербург). Немецко-российская выставка впервые была открыта осенью 1997 года в здании бывшей тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен на улице Ляйстиковштрассе, 1. В соответствии с задачами «Мемориала», целью выставки было освещение трагической истории этого места и жертв советского правосудия на оккупированной территории, а также содействие в борьбе против нарушения прав человека в настоящее время. За время работы выставки многие бывшие заключённые поделились с нами своими историями. На этой основе мы подготовили проект интервью, результаты которого представлены в настоящей книге.

Интервью современников

Выбор респондентов осуществлялся следующим образом. Мы провели интервью со всеми известными нам осенью 1998 года бывшими немецкими заключёнными тюрьмы на улице Ляйстиковштрассе 1 с их согласия. В общей сложности это были 28 человек (20 мужчин и 8 женщин). Все они являлись заключёнными тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен в промежутке между 1946 и 1952/1953 годами. Частично контакты с этими людьми были установлены во время посещения ими выставки в 1997 году, частично – при содействии Потсдамского музея, частично – через объявление в газете «*Stacheldraht*».³ Эти 28 интервью длились от двух до четырёх часов и записывались с августа по ноябрь 1998 года в квартирах рассказчиков (за некоторыми исключениями).⁴

³ Журнал «*Stacheldraht*» издаётся Федерацией жертв сталинских репрессий в округе Берлин-Бранденбург (*Bund der Stalinistisch Verfolgten e. V., Landesverband Berlin-Brandenburg*) и Союзом ассоциаций жертв коммунистической тирании (*Union der Opferverbände kommunistischer Gewaltherrschaft*).

⁴ Интервью были наполовину структурированы, использовалось тематическое руководство. Все интервью записаны на плёнку.

Были поставлены следующие цели:

- собрать, углубить и конкретизировать информацию о здании относительно его использования советской секретной службой;
- представить систему политических репрессий советской власти на примере послевоенных судеб немцев, которые некоторое время были заключёнными тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен, и
- показать это время в зеркале индивидуального опыта заключённых, сделав их личные истории известными широкой общественности.

Обработка интервью проводилась на основе систематических критериев и анкет, чтобы иметь возможность сделать сравнительный анализ судеб бывших заключённых. Полученные свидетельства составляют главную часть четырёх центральных докладов (3-6) этой книги. Кроме того, были использованы ответы из дополнительной анкеты. Таким образом, вся информация об опыте заключённых тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен основывается на 28 интервью. Мы полагаемся на их достоверность, не имея возможности её проверить. Воспоминания респондентов склонны к обобщениям и очень часто совпадают; несовпадения и противоречия были минимальны и незначительны. Однако в конечном итоге интервью наших респондентов можно рассматривать как репрезентативные, хотя из-за большого количества прошедших лет мы могли опросить только самых молодых из тогдашних заключённых. В текстах использованы цитаты из интервью, в случаях, когда наши респонденты давали на то письменное согласие. Некоторые пожелали скрыть свои имена, их анонимность была сохранена. Наряду с личным опытом бывших заключённых, в книгу были включены разговоры с теми, кто в исследуемый период времени работали переводчиками при советской секретной службе. Сотрудники Научного информационного центра «Мемориал» (Санкт-Петербург) смогли провести с ними интервью. Один бывший следственный судья, с которым уже договорились о сотрудничестве, к сожалению, в последний момент отказался от разговора с «Мемориалом».

Структура

Этой книге предшествует обращение Вениамина Викторовича Иофе, директора НИЦ «Мемориал», которым он приветствовал посетителей открытия выставки 4 октября 1997 года. Начинает книгу обзор истории района Нойер Гартен, в котором с 1945 по 1994 годы располагался так называемый «военный городок №7» советской секретной службы, к которому относилась следственная тюрьма на улице Ляйстиковштрассе. Далее следуют четыре исследования, основанные на результатах интервью с современниками: Нина Леонхард рассматривает вопрос о том, кем были заключённые этой тюрьмы и по каким причинам этих людей задержали. Имелся ли какой-то особенный «профиль» бывших заключённых? Йенс Нидерхут описывает далее практику допросов в тюрьме Потсдам-Нойер Гартен на примерах опыта наших респондентов и исследует полученные ими приговоры. Статья Анке Хёне посвящена тюремной жизни заключённых на улице Ляйстиковштрассе, которую многие из них в ретроспективе описывали как худшее время их жизни. Андреас Декер обозревает дальнейшие судьбы заключённых после их пребывания в тюрьме Нойер Гартен. Все наши респонденты были переведены в другие тюрьмы и лагеря. Некоторые остались на территории СОЗ/ГДР, многих перевели в Советский Союз, чаще всего в Воркуту. В заключение книги, статья Уты Герлант рассказывает о судьбах советских граждан, которые также были заключёнными тюрьмы на Ляйстиковштрассе. До настоящего момента о них известно крайне мало. Мы рады, что обществу «Мемориал» (Санкт-Петербург) удалось получить некоторые сведения об этих людях из компетентных архивов секретных служб. В приложении содержатся краткие биографии бывших немецких и российских заключённых, в случае если они давали на то своё согласие. Именной указатель завершает книгу.

Благодарности

К настоящему моменту в истории здания остаётся ещё много открытых вопросов: сколько человек прошло через следственную тюрьму на Ляйстиковштрассе? Сколько заключённых в среднем содержались в её стенах? Являются ли воспоминания наших респондентов также релевантными для повседневной жизни и условий заключения в более поздние годы? Что происходило там в период между 1953 годом и выводом

российских войск в 1994 году, о чём за исключением отрывочных сведений можно только строить догадки? На эти и другие вопросы можно будет точно ответить только после полного рассекречивания российских архивов. Несмотря на это, Общество поддержки Санкт-Петербургского «Мемориала» (Берлин) и Научный информационный центр «Мемориал» совместно с другими партнёрами продолжают работу по выяснению истории тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен. Мы благодарим за сотрудничество всех наших спонсоров и сторонников, без которых публикация этой книги была бы невозможна. Однако прежде всего мы благодарны бывшим заключённым тюрьмы на Ляйстиковштрассе, которые письменно и устно поделились с нами своими историями. Мы также благодарим за консультации Хорста Герлофф (Horst Gerloff), Дитера Ротер (Dieter Rother) и Гаральда Штрунца (Harald Strunz) (Федерация жертв сталинских репрессий) и Виктора Горинья (Viktor Gorunia) (Союз жертв сталинизма).

За финансовую поддержку проекта мы благодарим Министерство юстиции, федеральных и европейских дел земли Бранденбург, в частности, д-ра Хельмута Домке (Helmut Domke), и собственника здания на Ляйстиковштрассе – Евангелическое общество помощи Потсдама. Мы получили существенную поддержку от сообщества «Fördergemeinschaft Lindenstraße 54» и неоценимую помощь от музея Потсдама (отдел истории) в лице Ханнеса Виттенберга (Hannes Wittenberg). Особая благодарность лекторам Флориану Хандхаммеру (Florian Hundhammer), Уте Герлант, Петеру Эрлеру, Барбаре Кеттнакер (Barbara Kettacker) и д-ру Рихарду Бухнеру (Dr. Richard Buchner) за критическую экспертизу рукописи, а также Бодо Вегеманну (Bodo Wegemann) за ценные комментарии и предложения. Мы надеемся, что эта книга привлечёт интерес общественности к зданию бывшей тюрьмы, для того чтобы удалось сделать его местом памяти и встреч, также как и предостережением против нарушений прав человека в настоящее время.

*Берлин, май 1999 г.
От имени проектной группы,
Эльке Файн*

Посетители выставки «От Потсдама до Воркуты», 4.10.1997

Вениамин Иофе

Дух Аушвица, Колымы и Хиросимы⁵

Приветственное слово посетителям открытия выставки «От Потсдама до Воркуты» 4 октября 1997 года

Дамы и господа! Дорогие друзья!

Когда мы устраиваем выставку на историческую тему, то всегда существует надежда, что она не только продемонстрирует какие-то новые факты из истории нашего времени, даст возможность поделиться открытиями и находками, но, что более важно, позволит сформулировать в образной форме новые аспекты понимания исторического прошлого и тем самым поможет нам более правильно оценивать сегодняшние события. И мне кажется, что эта выставка такую возможность нам даёт.

Когда в первые послереволюционные годы в России коммунистический режим начал находить поддержку у некоторых крайних националистов и черносотенцев старой России, это казалось исторической странностью. Когда Сталин и Гитлер в 1939 году заключили между собой союз, это вызвало недоумение у большинства европейцев. Однако уже в первые послевоенные годы стали известны факты участия бывших функционеров НСДАП в работе СЕПГ, а в Советской России начались преследования народов исключительно по национальному признаку. А когда после краха коммунистической системы в странах Восточного блока, особенно в России и в Восточной Германии, стали развиваться националистические экстремистские течения, находящие поддержку у наслед-

⁵ Выступление на открытии выставки «От Потсдама до Воркуты». Подготовлена совместно НИЦ «Мемориал» (СПб.) и Обществом поддержки Санкт-Петербургского «Мемориала» (Берлин). 5.10.1997–9.11.1997. Экспозиция была развёрнута в здании бывшей тюрьмы КГБ (Потсдамский следственный изолятор). За время работы выставки её посетило более 3 тыс. человек.

ников коммунистических партий, стало ясно, что между национал-социалистическим и коммунистическим режимами существует некоторое внутреннее родство. Это общее, что роднит столь разные по политической риторике течения общественной мысли, может быть названо тоталитарным сознанием. Чем дальше, тем ясней, что именно тоталитарное сознание является той основой, на которой базируются тоталитарные государства, а идеологические системы, которыми они при этом пользуются, имеют вторичный характер.

Неподалёку отсюда находится музей дворца Цецилиенхоф, где в 1945 году были подписаны Потсдамские соглашения, определившие судьбу послевоенной Европы. Этот музей утверждает нас в мысли, что тоталитарное зло может быть побеждено вооружённой силой. Сегодня мы знаем, что это не так, вооружённым путём может быть побеждена лишь армия тоталитарного государства, а само тоталитарное сознание должно быть изжито совсем другими путями. И наша выставка, мы надеемся, сможет в этом убедить, мы рассматриваем её как необходимую коррекцию тезиса, утверждаемого Цецилиенхофом. В 1945 году, помимо окончания войны, имели место ещё три важных события, оказавшие влияние на всю последующую жизнь. Союзные войска, войдя на территорию Германии, обнаружили существование лагерей массового уничтожения; в Италии на польском языке была издана книга («Справедливость советская»), которая на основе опросов поляков, освобождённых из заключения в СССР в 1941–1942 годах, достоверно раскрыла чудовищную систему ГУЛАГа в СССР, и, наконец, в сентябре 1945 года была сброшена атомная бомба на Хиросиму. Эти три слова – Освенцим, Колыма и Хиросима – служат символами кризиса основных направлений политической мысли XX века, кризиса, который не разрешён и сегодня. Мы видим, что тоталитарное сознание торжествует среди победителей не меньше, чем среди побеждённых, и это требует от нас совсем иных решений, чем те, которые казались очевидными в 1945 году.

Разумеется, у нас нет ответов на вопрос о путях преодоления тоталитарного сознания, но мы считаем, что первый шаг – это правильно понять проблему, и для этого мы приглашаем вас сюда. Здесь вы познакомитесь не только с устройством механизма насилия и его историей, но и увидите лица жертв тоталитаризма – открытые хорошие лица русских и немецких юношей, прошедших через тюрьму в Потсдаме. Эти лица убедительно доказывают, что истинный враг любой тоталитарной системы – человеческая личность как таковая. И последнее. Наши страны, Россия

и Германия, более, чем какие-либо другие, претерпели от тоталитарного наваждения XX века. Я думаю, что и решение должно быть найдено нами. Поэтому меня особенно радует и то, что выставка наша открыта в нужном месте – в Потсдаме, и то, что мы сделали её вместе.

Эльке Файн (*Elke Fein*)

Потсдам-Нойер Гартен – тюрьма в «запретном городе»⁶

Об истории предместья Науенер до 1945 года

Там, где сегодня расположено потсдамское предместье Науен (*Nauen* *Vorstadt*), из которого в 1945 году для «военного городка №7» была выделена территория между Нойер Гартеном и Пфингстбергом (*Pfingstberg*), в XVIII веке ещё находились виноградники богатых потсдамских горожан. Сегодня об этом напоминают только названия Большой и Малой Виноградной улиц (*Große und Kleine Weinmeisterstraße*).

Развитие района началось во времена кайзера Фридриха Вильгельма II с разбивки Нового сада (*Neuer Garten*) и постройки Мраморного дворца между 1787 и 1794 годами. Его преемник Фридрих Вильгельм III в 1826-1827 годах разместил здесь русскую колонию Александровка с русской православной церковью Александра Невского, построенной для 12 российских певцов, членов потсдамского гарнизона, и их семей. Тем самым он также отметил прусско-российский союз против Наполеона в 1813-1815 годах. В середине 19 века, во времена Фридриха Вильгельма IV, район на севере Потсдама между Святым озером (*Heiliger See*) и Пфингстбергом (тогда Юденбергом (*Judenberg*), названным так в честь находящегося здесь с 1743 года кладбища еврейской общины), после дальнейшей застройки, стал городским районом Науенер Форштадт (*Nauen* *Vorstadt* – предместье Науен). Своё название он получил от построенных ещё в 18-м веке городских ворот (*Nauen* *Tor*) на улице Науен (*Nauen*). Улица Гроссе Вайнмайстерштрассе (*Große Weinmeisterstraße*) получила своё название в 1807 году. Сегодняшняя улица Ам Нойен Гартен (*Am Neuen Garten – У Нового Сада*) ещё в 1853 году называлась «дорогой к Бертини», по названию одного местного ресторана на Юнгфернзее

⁶ Я выражаю особую благодарность Ханнесу Виттенбергу за иллюстрации к этому тексту, а также за многочисленные предложения и подсказки по его содержанию, Йенсу Нидерхуту за его исследование литературы о советских секретных службах в Потсдаме и Бодо Вегеманну за экспертные советы и внимательные и тщательные обзоры этого текста.

(*Jungfernsee*), и до 1945 года называлась Альбрехтштрассе (*Albrechtstraße*) (в честь принца Фридриха Генриха Альбрехта, 1809-1872 гг.).

Застройка района представительными городскими виллами особенно ускорила после основания империи в 1871 году. В то время, среди прочих, появились виллы семьи фон Бисмарк (Альбрехтштрассе 8), фон Оппен (Хёенштрассе 2) и фон Мирбах (Альбрехтштрассе 15). Кроме этого многие, частично связанные между собой благотворительные организации придали району его особенный характер. К ним относятся «Фонд Борхерта» (*Borchert-Stiftung*) для дочерей служащих (Альбрехтштрассе 6), «Фонд Йоханнахайм» (*Johannaheim-Stiftung*) для обучения обездоленных девушек (Альбрехтштрассе 12), «Фонд Августы Виктории Пфлингстхаус» (*Auguste Viktoria Pfingsthaus Stiftung*) Евангелического общества помощи (Гроссе Вайнмайстерштрассе 49, место сегодняшнего Общества пятидесятников) и «Общество кайзерши Августы» (*Kaiserin-Augusta-Stiftung*) для дочерей военных и членов общества Красного креста (Альбрехтштрассе 19/24)⁷.

Уже в 1839 году вилла Квандт (*Villa Quandt*) была местопребыванием «Общества Баумгартен» (*Baumgartensche Stiftung*) (Гроссе Вайнмайстерштрассе 47/48). В 1841 году кайзер Фридрих Вильгельм IV приобрёл этот участок вместе со зданием, где до 1945 года жил принц Оскар, сын кайзера Вильгельма II. И участок, и здание сегодня принадлежат бранденбургскому Обществу замков и садов. Другие здания Евангелического общества помощи также были построены в этот период⁸.

⁷ См. Wernicke 1997: 3.

⁸ Albrechtstraße 17/18, Große Weinmeisterstraße 22/23, Mirbachstraße 1, 2.

Печать (знак) Евангелического общества помощи Потсдама

Евангелическое общество помощи было основано 28 мая 1888 года под покровительством кронпринцессы Августы-Виктории. Его задачей была социальная помощь жителям Берлина и Бранденбурга, оказавшимся в чрезвычайных ситуациях. Здание Евангелического общества помощи, ставшее позже тюрьмой, было построено на тогдашней Мирбахштрассе 1 (*Mirbachstraße 1*) в 1916-м году. До 1945 года здесь находилось бюро Евангелического общества помощи женщинам, а также служебные квартиры руководящих им пасторов. Также здесь частично располагалась редакция евангелической газеты «Vote». Евангелическое общество помощи женщинам, первоначально диаконическая организация евангелических дам «от общества для общества», с самого начала считалась важной организацией женской поддержки также и за пределами муниципалитета. В 1933 году общество было переименовано в «Национальную помощь женщинам» (*Reichsfrauenhilfe*)⁹.

Многие жители евангелических районов Нойер Гартен во времена Третьего рейха оставались близки Исповедующей церкви (*Bekennende Kirche*).¹⁰ Георг-Сигизмунд фон Оппен входил в число офицеров, участвовавших в покушении на Гитлера 20 июля 1944 года. Его отец Рудольф

⁹ Подробнее об истории Евангелического общества помощи: Mubes 1988.

¹⁰ См. Bethge 1995.

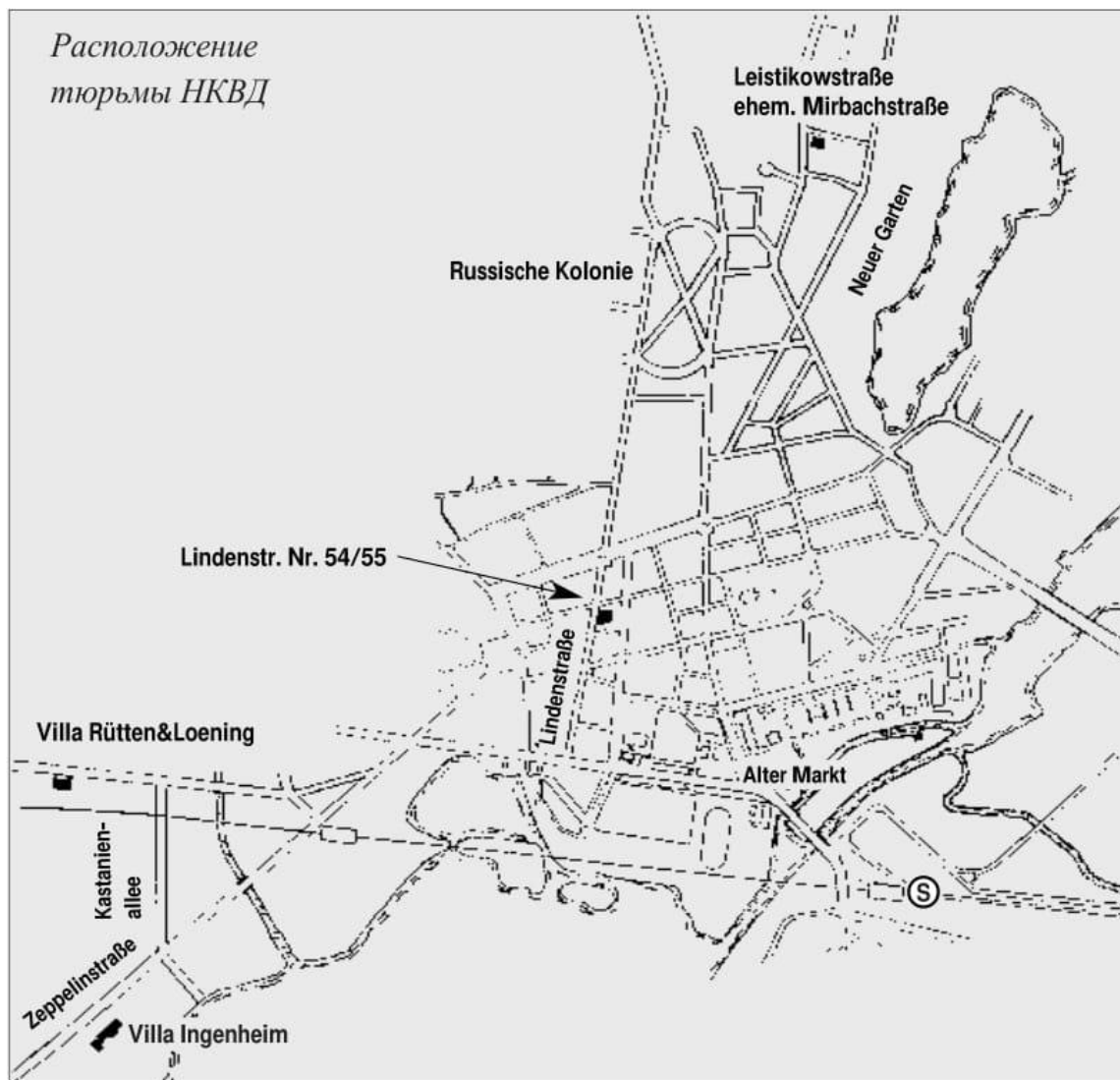
фон Оппен вместе со своей семьёй жил на Хёенштрассе 2. В разрушенном сегодня доме семьи Шиллинг фон Канштат (*Schilling von Canstatt*) (Гроссе Вайнмайстерштрассе 8) проходило много подпольных встреч «заговорщиков 20 июля». Среди частых гостей этого дома были Фритц-Дитлоф фон дер Шуленбург (*Fritz-Dietlof von der Schulenburg*), Эвальд Хайнрих фон Кляйст-Шменцин (*Ewald Heinrich von Kleist-Schmenzin*), Вольф Ульрих фон Хассель (*Wolf Ulrich von Hassel*), Людвиг фон Хаммерштайн (*Ludwig von Hammerstein*), Георг-Сигизмунд фон Оппен (*Georg-Sigismund von Oppen*) и Вернер фон Хефтен (*Werner von Haeften*). Мэди фон Шиллинг (*Mady von Schilling*) рассказывала: «Стало обыкновением, что моя сестра и я по субботам готовили целую кастрюлю горохового супа. Потом приходили наши друзья, многие из них были из 9 и 178 полков (...). Только немногие знали, что у этих встреч был особый смысл. Во время этих вечеров некоторые тайно встречались, и под предлогом выпить особенно хорошую бутылку скрывались в подвале. Наш отец и моя сестра, к счастью, ничего не знали о настоящей цели этих встреч».¹¹

Военный городок №7 советской секретной службы

Внешнее преобразование района

Предместье Науен пережило военные годы невредимым. Отчуждение территории, однако, произошло сразу же после Потсдамской конференции, которую победители провели с 17 июля по 2 августа 1945 года в находящемся поблизости дворце Цецилиенхоф в Нойер Гартене. В составе советской делегации в Потсдаме вместе со Сталиным был его начальник секретной службы и народный комиссар внутренних дел Лаврентий Павлович Берия. Предположительно, по его предложению управление районом Нойер Гартен в августе 1945 года было передано советской военной администрации в Германии (СВАГ).

¹¹ Цит. по Reich 1994: 52.

Через несколько дней после окончания Потсдамской конференции началось выселение жителей из их домов между улицами Гроссер Вайнмайстерштрассе и Альбрехтштрассе (Ам Нойер Гартен).¹² Тогдашние жители этих кварталов, как например Габриэле фон Мирбах (*Gabriele von Mirbach*), а также многолетние члены Евангелического общества помощи, рассказывают, что им дали всего несколько часов, чтобы покинуть свои квартиры, и они пытались вывезти самые ценные вещи на ручных тележках и колясках.¹³

¹² Некоторые улицы были переименованы по административному распоряжению в 1945 году. См. илл. стр. 35.

¹³ На эту тему в настоящее время существуют различные кинодокументы, некоторые уже были показаны по телевидению.

Наружная стена и гауптвахта (улица Нойер Гартен)

Потом район окружили стеной около двух метров в высоту и расставили КПП. В Нойер Гартене в послевоенные годы появился своего рода «маленький Советский Союз» (*Wernicke*), с собственной инфраструктурой, русифицированными и переименованными улицами (см. илл. на стр. 24). Большая часть вилл использовалась оккупантами и, соответственно, по меньшей мере внутри, частично была перестроена. Исключения составляли лишь некоторые дома, к примеру, вилла Мирбахов, представительный интерьер которой сохранён до сегодняшнего дня. Предположительно, вилла использовалась ими как гостевой дом для приёмов.¹⁴

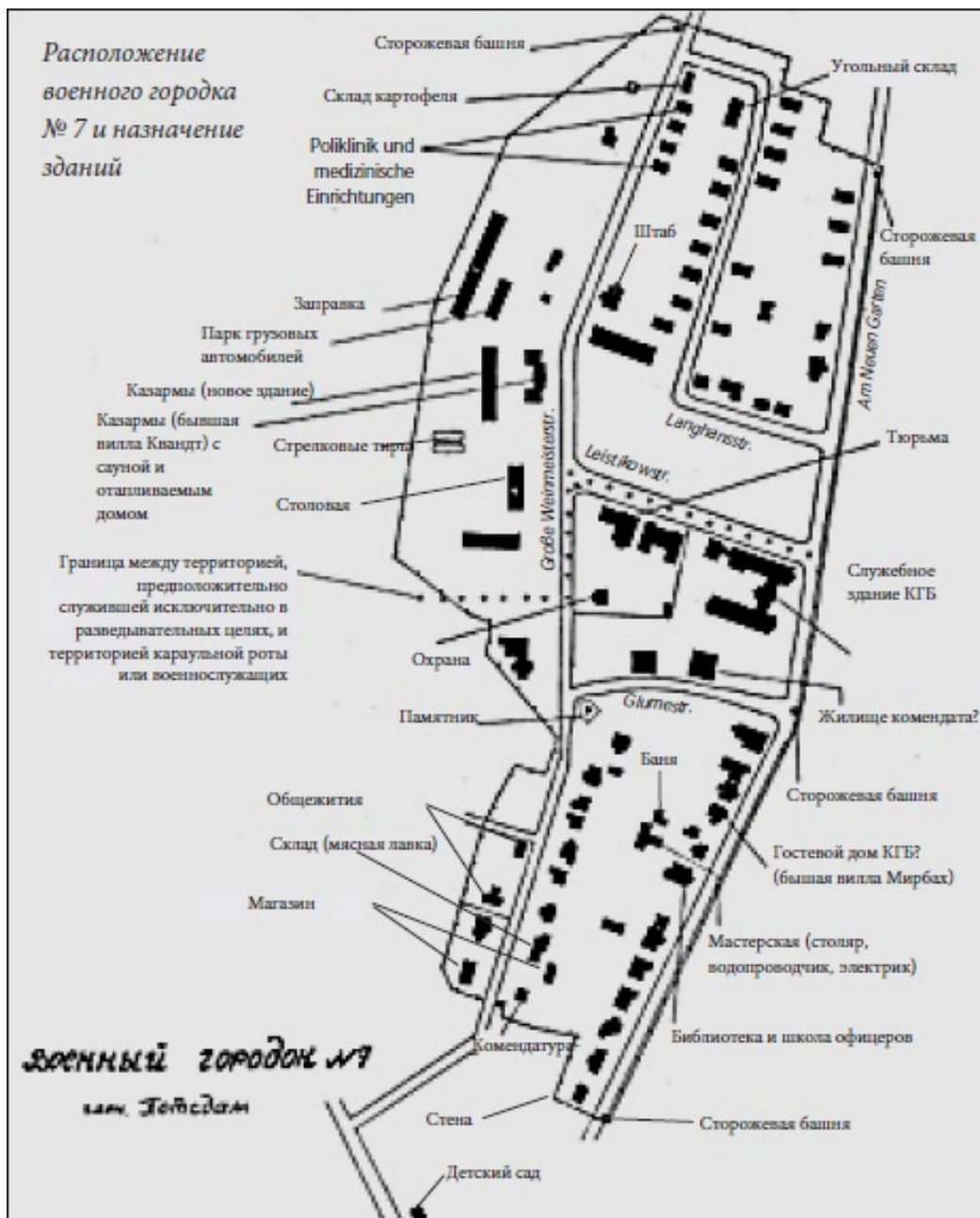
¹⁴ Ср., например, Габриэле фон Мирбах в телевизионном документальном фильме Клауса Винцера (IA, 1995).

Замурованный вход в церковь пятидесятников, Гроссе Вайнмайстерштрассе, август 1994 г.

В Потсдаме проживало около 15.000 служащих советской армии. Военный городок №7, однако, вместе с его комфортабельными домами, наряду с функциональным использованием был предназначен исключительно для высших офицеров и их семей. За исключением охраны, чьи казармы располагались в пределах охраняемой зоны (за бывшей виллой Квандт), рядовые солдаты жили в казармах за территорией городка.

Нойер Гартен с 1945 по 1952 год был одним из закрытых для немецкого населения парков развлечений («Центральный парк культуры и отдыха»). С открытием музея и выставки во дворце Цецилиенхоф в 1952-м году парк вновь был открыт для посетителей, за исключением Мраморного дворца, в котором размещался клуб советских офицеров и который был открыт только в 1961-м году как музей армии.

Обозначение улиц в Военном городке № 7

Bis 1945	Nach 1945	Russische Bezeichnung
Albrechtstraße	Am Neuen Garten	Улица Библиотечная (Bibliotheksstraße)
Cecilienstraße	Gurnestraße	Улица Мошечная (Pflasterstraße)
Große Weinmeisterstraße	Große Weinmeisterstraße	Улица Центральная (Hauptstraße)
Langhansstraße	Langhansstraße	Улица Зеленая (Grüne Straße)
Mirbachstraße	Leistikowstraße	Улица Спортивная (Straße des Sports)

«Наше дело правое, мы победим!» (вход в Центральный парк культуры и отдыха ГСОВГ, Нойер Гартен, 1948 год)

Структура советских секретных служб в Потсдаме

О том, что происходило в так называемом советском военном городке №7, можно делать только неполные и частично проверенные предположения. Первоначально здесь находилась высшая администрация различных войск группы советских военных сил в Германии, вероятно, до своего переезда в Вюнсдорф (*Wünsdorf*) в 1946-м году.¹⁵ Прежде всего, однако, отсюда управлялись различные организационные единицы советских спецслужб: военной разведки (ГРУ/РУ), Министерства внутренних дел (МВД) и Министерства государственной безопасности (МГБ). Весной 1947 года центры МВД и МГБ переехали в закрытую зону Берлин-Карлсхорст (*Berlin-Karlshorst*).¹⁶ Но потсдамская база продолжала использоваться различными службами, выполняя задачи военной разведки и контрразведки.

¹⁵ Arlt 1998: 595 и 612. Бывшая переводчица, опрошенная «Мемориалом», которая прибыла в Потсдам только в августе 1947 года, называет район Нойер Гартен местом расположения группы вооружённых сил и Смерша. Архив НИЦ «Мемориал», Санкт-Петербург.

¹⁶ Foitzik 1998: 130.

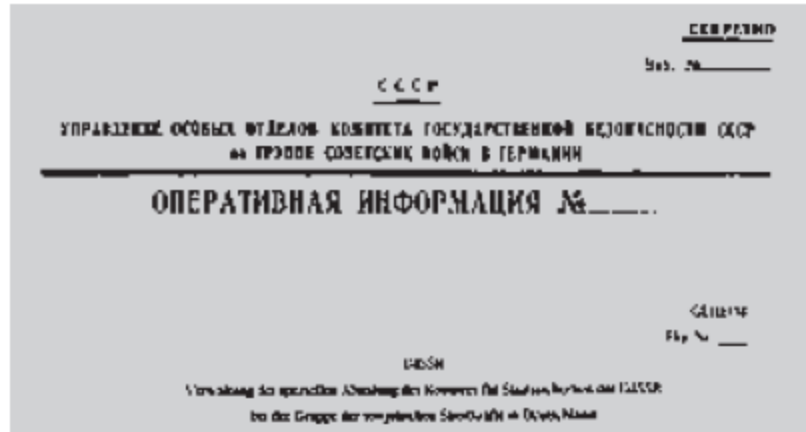

Советский солдат на фоне памятника погибшим во время войны членам разведслужб Смерш, Гроссе Вайнмайстеритрассе / угол Глумештрассе

После окончания войны здесь разместились секретные структуры трёх советских народных комиссариатов: Наркомата внутренних дел НКВД (с 1946 года Министерство внутренних дел) под руководством Лаврентия Бери, Наркомата государственной безопасности НКГБ под руководством Всеволода Меркулова (с 1946 – МГБ) и Наркомата обороны, которым руководил лично Сталин. Наркомату обороны подчинялся военный отдел контрразведки, который сначала назывался просто «особый отдел», но в 1943-1946 гг. носил название «Смерш» (смерть шпионам).

В 1946-м году Смерш в качестве третьего центрального учреждения контрразведки (так называемая линия III, военная оборона) вошёл в состав министерства государственной безопасности (МГБ) и тогдашний руководитель Смерша Виктор С. Абакумов стал министром ГБ. Большинство советских секретных служб и служб безопасности в советской оккупационной зоне до ноября 1946 года подчинялись, однако, генерал-полковнику Ивану А. Серову. Серов одновременно был заместителем Главноначальствующего по делам гражданской администрации – к ним относилось также выявление и арест «шпионов, диверсантов, террористов и других активных элементов на территориях, оккупированных

Красной армией» – и уполномоченным НКВД СССР по группе советских оккупационных войск в Германии. Таким образом, он командовал всеми оперативными сотрудниками НКВД, НКГБ и военной контрразведкой в советской оккупационной зоне.¹⁷

Официальная «шапка» писем КГБ из военного городка №7: «Управление особых отделов Комитета государственной безопасности СССР по Группе советских войск в Германии»

Согласно сведениям Бэйлей и др., после окончания войны Серов дал задание «группе офицеров Смерша построить в Потсдаме штаб-квартиру управления контрразведки (УКР) ГСОВГ».¹⁸ Бывший переводчик Смерша Ч. рассказывал в присутствии сотрудника «Мемориала», что штаб-квартира Смерша сначала располагалась на вилле Рюттен и Лёнинг¹⁹ (*Rütten & Loening*) на тогдашней Викториаштрассе (см. илл. стр. 33). Об этом же свидетельствуют рассказы двух опрошенных нами бывших заключённых, которых задержали в конце 1945 – начале 1946 года. Сначала их содержали на упомянутой вилле, там же происходили допросы и приговоры, прежде чем их перевезли на Ляйстиковштрассе. Предположительно в начале 1947 года службы контрразведки переехали в закрытую зону в Нойер Гартен, где они построили штаб-квартиру в здании «Фонда Августы» (Ам Нойен Гартен 30-32). На старых советских картах оно обозначено как «главное здание». Присутствие «особого отдела» и Смерша в военном городке №7 подтверждается различными

¹⁷ См. Foitzik 1998: 120f. О Серове также см. Petrov 1998a.

¹⁸ Bailey/Kondraschow/Murphy 1997: 57.

¹⁹ Вилла Рюттен и Лёнинг, названная так в честь находившегося здесь издательства, расположена по адресу Гешвистер-Шоль-Штр. 54 (*Geschwister-Scholl-Str. 54*) (тогда Викториаштрассе); сегодня в этом здании работает вальдорфская школа.

находками и разрушенными в настоящее время памятниками (см. илл. стр. 26).

В более поздние годы, согласно бланку письма, найденному в здании «Фонда Августы» сразу после вывода российских войск в 1994-м году, служба контрразведки была снова переименована в «особый отдел»; однако после 1954 года она называлась «Особый отдел КГБ при группе советских войск в Германии».

Несколько восточнее закрытой территории, там, где сегодня расположен окружное военное управление потсдамского округа (Берлинерштрассе угол Хубмольдтбрюке), находился гараж КГБ и его предшественников. «Оперативный сектор» советского МГБ на бранденбургской земле также до начала 1950 годов располагался за пределами военного городка, скорее всего, на южном конце Кастаниеналлее (*Kastanienallee*).²⁰

Центр репрессий военного городка №7

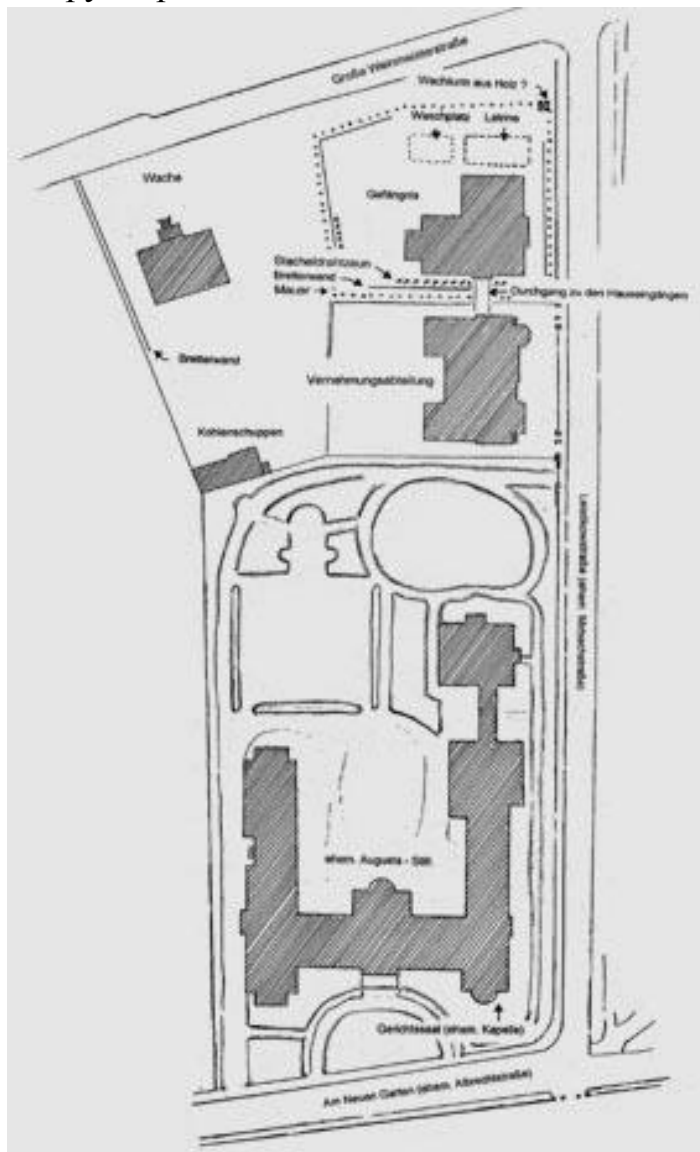
Тюрьма на Ляйстиковштрассе 1 была частью закрытого комплекса, включавшего в себя ещё несколько зданий на улицах Ляйстиковштрассе и Гроссе-Вайнмайстерштрассе, и окружённого дополнительной стеной, а также трёхметровым деревянным забором, типичным для исправительных лагерей советского ГУЛАГа. К закрытому комплексу относились оба соседних здания на Ляйстиковштрассе 2/3 и Гроссе-Вайнмайстерштрассе 17 (здание охраны), из которых первое также некогда принадлежало Евангелическому обществу помощи.

На Ляйстиковштрассе 2/3 предположительно располагался следственный отдел. Здесь, чаще всего на первом этаже, происходили допросы. В подвале находились душевые кабины, которыми время от времени могли пользоваться некоторые заключённые²¹. Несколько современников рассказывали о несохранившемся до сегодняшнего дня «переходе» между тюрьмой и зданием для допросов. Один из бывших заключённых полагает, что он сидел в одиночной камере в здании охраны (*Wachgebäude*) и там же (на первом этаже) выслушал свой приговор. В

²⁰ Со слов бывшей переводчицы «Мемориалу». (Буквально: «в большом дворце или вилле на берегу озера».) См. илл. стр. 21.

²¹ См. статью Анке Хёне в этой книге.

других случаях это происходило на первом этаже здания на Ляйстиковштрассе 2 или в «главном здании» («Фонд Августы»), а именно – в бывшей часовне, чьи церковные скамьи и витражи вспоминают многие заключённые; реже – в самом здании тюрьмы.²² Одна современница рассказывает, что сначала её отвели в главное здание и обыскали, прежде чем увести в камеру тюрьмы.

План центра репрессий на Ляйстиковштрассе

²² См. статью Йенса Нидерхута в этой книге.

Ляйстиковитрассе 1 – От дома священника до тюрьмы

В то время как другие здания огороженной территории по крайней мере внешне оставались нетронутыми, дом Евангелического общества помощи женщинам перестроили, и серо-коричневая окраска была самым незначительным из изменений. Двери и многие из больших окон были полностью или до узких щелей замурованы и укреплены толстыми железными решётками. В подвале дома, предположительно в 1945 или 1946 году, построили камеры и карцер, «меблировка» которых состояла только из деревянных нар. Изначальные санузелы, кроме маленькой ванной на втором этаже, исчезли; сохранившиеся до сегодняшнего дня душевые кабинки и коллективные туалеты на первом этаже были, вероятно, построены в 1953 году на месте бывших кухонных помещений. Предназначались ли они для заключённых изначально, точно не ясно. До этого для санитарных нужд использовалось отхожее место позади здания тюрьмы и – с весны 1948 года – водопроводная вода (для мытья). Ещё раньше чаще всего мылись с помощью «быстрого ополаскивания» питьевой водой в камере.²³

Кухня в период 1945-1953 гг., о котором вспоминают некоторые опрошенные нами бывшие заключённые, очевидно все ещё использовалась, поскольку очевидцы, чьи камеры прилегали к ней, рассказывают о постоянном запахе угля. Также в то время, должно быть, ещё использовали старые, выложенные кафельной плиткой печи виллы, по меньшей мере тогда, когда имелся уголь, так вспоминает одна из заключённых. Эти печи сегодня можно увидеть только в немногих помещениях верхних этажей. Вместо них в верхних этажах (скорее всего, в начале 1950 годов) была построена новая система отопления, чьи трубы до сих пор видны. Однако камеры в подвале всё равно не обогревались.

²³ Из интервью с Гердой Мюллер.

Открытка с видом на здание Евангелического общества помощи Потсдама, расположенного на тогдашней Мирбахштрассе 1, до его конфискации войсками советской секретной службы

Стены на первом этаже, как и в подвальных камерах, были выкрашены до уровня груди в обычные для российских и советских тюрем светло-зелёный или серо-голубой цвета. Деревянная лестница в центре здания, которая вела оттуда на чердак и чьё тогдашнее расположение на верхнем этаже все ещё

просматривается, была демонтирована; очевидно, использовалась только лестничная клетка, о чём вспоминают бывшие заключённые. Оригинальная крыша с мансардой, вероятно, была уничтожена во время пожара в конце 1940-начале 1950 гг. Ещё в 1948 году, как вспоминают некоторые заключённые, на чердаке располагалось оборудованное медицинское помещение, где принимал врач. Один из задержанных в 1953 году подтвердил, что уже тогда существовала сохранившаяся до сегодняшнего дня кровля из асбеста.²⁴

О многих строительных изменениях можно только догадываться, не имея возможности взглянуть на строительные акты, которые были утеряны предположительно во время поспешного выезда из здания Евангелического общества в августе 1945 года.

²⁴ Из интервью с Клаусом Хоффманном. Неясно, относятся ли воспоминания двух респондентов, находившихся здесь в заключении в 1951 и 1952 годах и сообщающих «перегретой камере прямо под крышей», к верхнему этажу или чердаку.

Функции тюрьмы

Здание на Ляйстиковштрассе использовалось советскими службами безопасности для содержания задержанных с конца лета 1945 года. В период между августом 1945 и весной 1947 года здесь, согласно свидетельствам современников, содержались только уже приговорённые к депортации или казни, помимо опрошенных молодых немцев также члены армии Власова, русские эмигранты, которые были политически и (или) социально активны в эмиграции, и граждане других государств, обвинённые, как правило, в шпионаже. С весны 1947 года здание использовалось как следственный изолятор военной контрразведки при группе советских войск для всей территории СОЗ/ГДР за исключением восточного Берлина. Немецкие граждане (из ГДР и ФРГ) содержались здесь до 1953 года. Их допрашивали в одном из зданий, приговаривали и в большинстве случаев через несколько недель отправляли в места лишения свободы в СОЗ/ГДР или в Советском Союзе²⁵.

Плакат-поздравление с днём рождения от сотрудников Потсдамского штрафного изолятора» коллеге по имени Евгений Николаевич Кириллов (военный городок №7, вероятно 1977 год)

²⁵ См. статью Андреаса Декера.

О времени с 1953 года можно сказать очень немного, по причине крайне ограниченного доступа к архивам российских секретных служб. По прекращении юрисдикции советских военных трибуналов в отношении немецких граждан в 1955 году тюрьма с большой вероятностью использовалась прежде всего для внутренней советской военной юстиции. К примеру, тогда заключёнными стали военнослужащие, осуждённые за дисциплинарные правонарушения, включая попытки к дезертирству²⁶. Известные нам потсдамские приговоры позднего времени выносились военным трибуналом с номером 75092.

Насколько долго здание на Ляйстиковштрассе 1 использовалось как тюрьма, точно не известно. Самые поздние планы и надписи на дверях указывают на то, что в последнее время здание служило кладовой. Сотрудники Евангелического общества, которые в сентябре 1994 года впервые получили возможность посетить здание, нашли в некоторых верхних помещениях бумагу для принтера, ампулы с химическими веществами и противогазы. Возможно, функции этой тюрьмы в начале 1980 годов были переданы более просторной военной тюрьме, расположенной в бывших уланских казармах на потсдамской Егераллее (*Jägerallee*). Однако пока соответствующие документы российской секретной службы остаются под замком, на эти вопросы невозможно ответить достоверно.

²⁶ Об одном из таких случаев свидетельствует найденный после освобождения следственный лист с информацией о личности дезертира. Архив Потсдамского музея, исторический отдел. См. статью Уты Герлант в этой книге.

Это же можно сказать и об истории военного городка в целом. По сведениям Бэйлей и др., главный потсдамский квартал советских, а с 1992 года – российских секретных служб был в эксплуатации до лета 1994

*Незадолго до вывода войск: погрузка контейнеров
(Ляйстиковштрассе 1, лето 1994)*

года, когда последний солдат вооружённых сил СНГ покинул Германию²⁷. Как именно распределялись обязанности различных секретных подразделений, действующих в Потсдаме, и как они изменились за почти пять десятилетий, остаётся неизвестным. Многие свидетельствуют о том, что непосредственно в послевоенный период смежные структуры находились в различных местах Потсдама. Так бывшее здание суда на Линденштрассе 54 в период с августа 1945 по 1952 год служило штаб-квартирой советского военного трибунала (оперативного сектора СВАГ)²⁸, тогда как слушания военных трибуналов проводились на Викториаштрассе и позже на Ляйстиковштрассе. В то же время, один из опрошенных нами бывших заключённых Ляйстиковштрассе выслушал свой приговор на Линденштрассе.

²⁷ Bailey/Kondraschow/Murphy 1997: 57.

²⁸ Интервью «Мемориала» с бывшим советским офицером, который работал переводчиком в СВАГ до 1950 года. Об истории здания на Линденштрассе 54, см. также Wernicke 1991.

После вывода российских военнослужащих в 1994 году

Пока территория использовалась воинскими частями Красной армии и вооружёнными силами СНГ, здесь также были размещены подразделения преемника КГБ²⁹ и кадры военной разведки ГРУ. Они покинули Потсдам последними в первой половине августа 1994 года вместе с последними воинскими частями.

Походные приказы отдавались только за 24 часа до запланированного вывода, поэтому крупные вещи и оборудование были оставлены. Каждому офицеру было разрешено заполнить личными вещами только один контейнер. Контейнеры затем погружались на железную дорогу и отправлялись. Очевидно, выезд осуществлялся в суете, поскольку первые потсдамцы, вошедшие потом в здание, обнаружили на столе даже остатки торта. Среди находок потсдамского музея были также удостоверения, фотографии, акты, предметы быта и свидетельства русской «культуры импровизации», которые усиливали впечатление «маленького кусочка Советского Союза» в Потсдаме.

Официальная передача 16 гектаров (около 180.000 м²) территории Федеративной Республике Германия состоялась 15 августа 1994 года (протокол о передаче). До весны 1995 года Федеральное бюро недвижимости провело ряд исследований, учитывая что владельцы имеют определённые права потребовать «возмещение ущерба». Земля и здания в 1945 году не были экспроприированы, а лишь конфискованы. Владельцы получали регулярную арендную плату от магистрата города Потсдама по заявлению оккупационных властей и по-прежнему находились в земельного реестре. Поэтому возвращение имущества владельцам в 1994 году не было проблемой. До конца февраля 1995 года большая часть из примерно 110 домов и построек была передана Федеральным бюро недвижимости обратно владельцам. 28 февраля 1995 года город Потсдам снова взял на себя ответственность за территорию. Для горожан территория была открыта 3 апреля 1995 года. По решению Потсдамского го-

²⁹ После распада Советского Союза в конце 1991 года КГБ был заменён Агентством федеральной безопасности, АФБ. Служба внутренней разведки Российской Федерации первоначально находилась в Министерстве безопасности (МБ РФ), а с 1992 года – в Федеральной службе контрразведки (ФСК).

родского совета от декабря 1994 года, местность сохранили в виде отдельного городка (городского ансамбля)³⁰. Между тем некоторые здания уже разрушены, за другими нет надлежащего ухода или они остаются в состоянии 1939 года. Однако во многих зданиях уже идёт реставрация. Это говорит о том, что район Нойер Гартен, скорее всего, скоро снова будет востребованным жилым районом в зелёной части города. 10 мая 1996 года городской парламент принял также решение о запрете на изменения на бывшей огороженной территории, которое запрещает дальнейший снос существующих там объектов.³¹

Так и здание Евангелического общества помощи на Ляйстиковштрассе в феврале 1995 года вернулось к своим прежним владельцам. Хотя первые посетители, и среди них бывшие заключённые тюрьмы, сняли двери камер и немедленно распилили решётки на окнах, аутентичное состояние здания не оставляет сомнений в его бывшем предназначении.³²

Евангелическое общество помощи как владелец и инициативная группа, созданная из представителей различных заинтересованных организаций и граждан в связи с проведением в конце 1997 года выставки «От Потсдама до Воркуты», стремятся сохранить здание для политико-исторического образования и в качестве предупреждения о последствиях нарушения прав человека во всём мире.

³⁰ Amtsblatt der Stadt Potsdam vom 22.12.1994. Решение о подготовке плана развития № 48 "Am Neuen Garten". В соответствии с этим, «низкая плотность и большие зелёные внутренние кварталы с большими деревьями» являются «характерными для этого района и их следует сберечь для будущего», также обеспечив жильё на этой территории.

³¹ Amtsblatt für die Stadt Potsdam vom 23.05.1996.

³² Ср. экспертное заключение двух независимых историков Уве Данкерта и Клауса Бестляйна от 9.10.1994 (Archiv des EKH, Potsdam).

Нина Леонхард (Nina Leonhard)

Заключённые тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен

Характеристики заключённых

Кем же были заключённые тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен и из каких местностей они туда попали?

Заключённые, с которыми нам удалось поговорить³³, за редким исключением, происходили или проживали в СОЗ/ГДР (кроме Берлина). Большинство было из земли Бранденбург, часто из самого Потсдамского округа, или из Саксонии, прежде всего из Дрездена, Лейпцига или соседних районов. Однако некоторые после войны жили в западных зонах оккупации или в Западном Берлине, и на момент задержания случайно оказались в советской оккупационной зоне. К примеру, Герхард Пенцель, родившийся и выросший в Дрездене, из-за своего ранения по окончании войны находился в лазарете в Госларе, который был оккупирован английскими войсками. Позже он получил право на проживание в Госларе, однако часто закупал в СОЗ инструменты для одной фирмы. В марте 1948 года его задержали.

Что касается социального происхождения опрошенных, то здесь наблюдается разнородная картина: часть из них происходит из рабочей и мастерской среды, другие – из среднего класса. Лишь немногие происходят из семей высших слоёв общества (университетские преподаватели, госслужащие-управленцы, офицеры, и т. п.), которые как основа бывшего «буржуазно-капиталистического» режима были особенно враждебны строительству нового социалистического общества после введения советской оккупации. Предположение, что представителей последней группы окажется больше всего среди задержанных, в результате нашего опроса не подтвердилось.

³³ Утверждения в этой и следующих трёх статьях основаны на результатах интервью с 28 бывшими заключёнными тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен.

Следовательно, социальное происхождение не позволяет делать выводы о возможном «социальном профиле» арестованных, а лишь усиливает впечатление случайности.

То же самое можно сказать и об образовании. Большинство закончили училище; средняя школа и высшее образование, как в случае Вольфганга Вольрабе, были скорее исключением. В противоположность многим другим Вольрабе, которого арестовали в 1951 году во время учёбы на инженера, после возвращения из Воркуты смог продолжить и закончить своё образование.³⁴

Ханнс-Хеннинг Саркамм и Херманн Шлютер в молодости

Нередко арестованными были молодые люди 15-16 лет. Однако опрошенные нами бывшие заключённые на момент своего задержания были, как правило, в возрасте от 18 до 25 лет. Часто к этому времени они уже окончили своё образование и работали.

Задержанные были немедленно отстранены от учёбы или работы, лишены контактов с семьёй. Чаще всего наши собеседники на момент задержания были относительно молоды, ещё не женаты и не имели детей. В случае одной влюблённой пары запланированная свадьба была отложена более чем на 10 лет по причине задержания обоих. Эдит Виршин была вынуждена оставить своего трёхлетнего сына со свекровью. Софи-

³⁴ См. статью Андреаса Декера в этой книге.

Луизе Майзе разлучили с полуторагодовалой дочерью, которая выросла у её сестры и только спустя много лет узнала, кто её настоящая мать.

Причина или повод для ареста

Значение нацистского прошлого

В первое послевоенное время многие задержания в советской оккупационной зоне проходили в контексте «мер по денацификации» оккупационных властей. Указом СВАГ от 26 февраля 1948 года «денацификация» была официально закончена.³⁵ Более половины наших респондентов были арестованы после этой даты. Однако не только в этих случаях, но и при более ранних задержаниях нацистское прошлое для ареста или преследования лиц, занимавших второстепенные должности, играло лишь незначительную роль.³⁶

Почти все наши респонденты, родившиеся в 1920-е годы, в национал-социалистический период входили в молодёжную нацистскую организацию, что в те времена было распространено и относится в целом ко всей этой возрастной группе. Многие, вероятно, получили национал-социалистическое воспитание и со стороны родителей. В отличие от интернированных в первый послевоенный период взрослых немцев, которым, как правило, было инкриминировано «чётко отслеживаемое нацистское прошлое»³⁷, в случае ареста молодых людей этот критерий задержания кажется едва ли убедительным.³⁸

У двоих опрошенных нами бывших заключённых тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен непосредственно после войны были интернированы родители по причине их национал-социалистического прошлого. В одном случае отец умер через год, в другом – был отпущен в 1948 году на свободу. Однако по словам их детей, это не имело никакого влияния на их собственное задержание и не играло никакой роли также и на их допросах.

³⁵ Об отдельных фазах денацификации в СОЗ см., например, Wilmes and Erlер 1997: 32f.

³⁶ Напротив, особенно в первые послевоенные месяцы, предполагаемая деятельность «вервольфов» иногда становилась предметом допросов – см. статью Йенса Нидерхута в этой книге.

³⁷ Kerseboom/Niethammer 1998.

³⁸ См. von Plato 1998.

Все мужчины призывного возраста служили рядовыми в период войны. Иногда значение имел их арест западными оккупационными силами (подозрение в шпионаже)³⁹. Однако, как правило, личное участие в боевых действиях не играло никакой роли.⁴⁰ Исключение – Вольфганг Беккер из Брауншвайга. В августе 1947 года Беккер по дороге к родственникам переночевал в Галле, где был задержан по доносу соседа по комнате, с которым накануне вечером говорил о своём военном прошлом.

«Я был [во время войны] членом егерского батальона Гослара. Это также была причина моего задержания, потому что они специально учитывали "егерей Гослара" единственной карательной организацией Вермахта, хотя это – организация Вермахта, а не СС. Соответственно они решили, что я был в СС. Это, однако, неправда».

Поскольку Беккера не отправили для военнопленных⁴¹, в конечном итоге подозрение в шпионаже на американцев, а не его военное прошлое кажется решающим мотивом его ареста.

Также и при задержании Софии Луизы Майзе её служба при главнокомандующем Вермахта в Берлине очевидно усиливала подозрения. Решающей причиной для задержания, однако, вероятно послужило её частое пребывание в западных зонах оккупации, а также донос её бывшей коллеги, уже находившейся в заключении.⁴²

Герхард Пенцель так описывает зависимость между национал-социалистическим прошлым и задержанием (март 1947 года): «Третьим рейхом они вообще не интересовались. Только в общем времени Вермахта и тем, где я служил во время войны. Их интересовало следующее: ты против или не против их системы. Любое сопротивление системе должно было быть сломлено и если возможно, с самого начала задушено в зародыше. Их девизом было "лучше десять невиновных в тюрьме, чем один пропущенный виновный на свободе"».

³⁹ Но не доносы.

⁴⁰ Об этом подробнее в следующей части.

⁴¹ Согласно приказу № 00315 от 18 апреля 1945 года начальника секретной службы Берии, который служил НКВД в 1945-1946 годах основанием для ареста и заключения в специальные лагеря, все члены СС, СА и фольксштурма, а также «персонал тюрем, концентрационных лагерей, военных комендатур, военных прокуратур и судов» должны были быть отправлены в лагеря для военнопленных. Точную формулировку см. в von Plato 1998: 26f.

⁴² Ср. ниже.

Герхард Пенцель

Антисоветские акции

Говоря о заключённых Ляйстковштрассе в Потсдаме, нас сбивает с толку следующее наблюдение: только очень незначительное меньшинство действительно принимало участие в акциях⁴³, направленные против режима советской оккупации и ГДР. Один из наших респондентов вспоминает: «Я ездил в Берлин, на Потсдамерплац, там была граница. Там стояли студенты, можно было получить бесплатную газету, там был телеграф и всё остальное. Каждые три-четыре недели я приезжал в Берлин. Там можно было посмотреть кино, купить себе первую рубашку, буги-вуги туфли и так далее. Я зарабатывал 30 марок, а курс был 1:5, 1:6, 1:4. Теперь вы знаете, что оставалось. Нужно было только пойти по

улице от Потсдамерплац, и тогда вы всё получали – а иначе никак. Так всё как-то и началось. Я кое-с кем познакомился, кто был из Группы борьбы против бесчеловечности. И всё немножко закрутилось. Я получил листовки и стал их распространять и расклеивать. Не особенно много. Получали небольшую партию, чтобы их можно было расклеить также и на стене дома. Получали газеты, чтобы раздать их дальше».

Те, кто не одобрял политики советских оккупационных властей и СЕПГ и были настроены против них, часто принадлежали в группам, которые, к примеру, распространяли листовки, писали антисоветские лозунги на стенах домов или делали фотографии советской военной техники и записывали номера советского военного транспорта и передавали их контактам на Западе.

«Мы были группой людей, которые поставили перед собой цель: мы не хотели разделённой Германии, мы не хотели режима советской оккупационной власти, и мы хотели попробовать, можем ли мы, даже если мы ставим себя против надвигающегося режима, что-то сделать для людей.

⁴³ «Антисоветские» взгляды или высказывания в их число не входят.

Мы никого не убивали, никого не ранили, ничего ни у кого не отбирали. Мы были идеалистами». ⁴⁴

Х. В. был одним из 28 мужчин и женщин, входивших в «группу Тешнера», арестованных и судимых в 1948 году: «Один из нас, живший на Западе, организовал эту группу. Он нашёл меня. Тогда было так, что перемещённые из восточных областей старались снова найтись, если они были оторваны, с друзьями или родственниками. Курсировали списки, что было запрещено. По этим спискам некоторые родственники, т. е. родители или братья или сестры, находили друг друга».

То, что существовала эта группа, организованная молодым Дитером Тешнером (*Dieter Teschner*) из Силезии и проводившая акции против советского оккупационного режима, не вызывает сомнений. Однако не все арестованные в связи с этим люди на самом деле являлись активными членами этой группы. Кристина Шмидт-Кенше, к примеру, познакомилась с Тешнером и была приглашена им в группу, потому что он знал её брата. Она отказалась, однако позже её арестовали вместе с другими, поскольку её имя было в записной книжке Тешнера, которую он имел при себе в момент задержания.

Рут К. арестовали из-за помолвки с Йоханнесом О., которого задержали за несколько дней до этого как участника «группы Тешнера». Йоханнес О. дружил с Тешнером, однако ничего не знал о его шпионской деятельности для западных разведслужб.

Подозрительное совпадение

На самом деле, подавляющее большинство опрошенных нами бывших заключённых тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен не были замешаны ни в шпионаже, ни в другой антисоветской деятельности – и в основном до самого своего задержания не знали ничего о подобных действиях.

Для того, чтобы быть задержанным и осуждённым, достаточно было одного подозрения, что человек выступает против политики СВАГ или СЕПГ и готовит или осуществляет оппозиционные акции. Подозрение возникало легко. Достаточно вступить в контакт с человеком или группой лиц, которые были под подозрением у советских спецслужб или уже

⁴⁴ Из интервью с Хансом Вальтером.

арестованы, – к примеру, если это член семьи, знакомый или деловой партнёр, если имя и адрес были найдены в вещах другого задержанного, как в случае с Гердой Мюллер: «Меня попросили указать дорогу, соседнюю улицу, где-то в мае 1947 года. И я сказала, "ах, вы знаете, пока я вам все это объясню... нам по пути, идёмте вместе. (...) Когда мы туда пришли, я ещё спросила, "куда вам теперь?". И он ответил, что возвращается обратно в зону американской оккупации. И я тогда я ему ещё сказала, "Тогда напишите мне, как вы перешли границу". Ну и так у него оказался мой адрес. Позже он просто сказал мне, что был жестоко избит, и рассказал им, что хотел завербовать меня (для американской секретной службы). Нас было четверо, трое мужчин и я, кого вместе приговорили – ни один не знал другого, это была просто глупость! Но нет, мы были уже "группой лиц" ...».

Подозреваемыми становились также те, кто имел контакт с родственниками или знакомыми в Западной Германии и (или) кто ездил туда. К примеру, 19-летняя жительница Дрездена была арестована в 1947 году по возвращению из Падерборна (британская зона оккупации) как «шпионка». Там она узнавала о возможности получения дальнейшего образования. Также подозрительно советская контрразведка относилась к людям, жившим в Западной Германии и по личным или деловым мотивам приезжавшим в СОЗ/ГДР.

Один из бывших заключённых вспоминает: «Я жил в Госларе. Ездил в Эрфурт и искал коллегу по работе, который чуть раньше ездил в советскую оккупационную зону и не вернулся назад. Здесь в Госларе я был в госпитале, и меня выпустили на английском пропускным пункте, у меня была служебная карточка на английском и на немецком. В Эрфурте я был у знакомого, и там меня задержали. Пришли русские в штатском, ничего не спросив посадили в машину и повезли в Веймар. "Ты шпион! Мы всё знаем. Ты шпион!"».

Петер Зееле после войны нашёл работу водителем советского чиновника в Потсдаме. Когда его брали на работу, он промолчал, что до этого провёл несколько месяцев в американской тюрьме для военнопленных. Это стало причиной, почему в 1951 году его обвинили в работе на американскую секретную службу.

С другой стороны, контакты и с советской секретной службой также становились опасными, если человек не был готов к сотрудничеству с ними,

как в случае Марии Фрикер: «Я работала уже два или три года в советском "генеральском" магазине в Потсдаме. Однажды, в 1950-м году, какой-то русский офицер забрал меня из магазина и отвёз в какой-то дом для допроса. Там меня допросили, а под конец я должна была подписать бумагу о том, что я буду работать на русскую секретную службу. Тогда нам уже было известно, что если не подписываешь такую бумагу, то тебя не выпустят. Я подписала».

Однако вместо того, чтобы шпионить за своими знакомыми, в чём она обязалась своей подписью, Мария Фрикер сбежала в Западный Берлин. Но несколько месяцев спустя её арестовали в Потсдаме.

Те, кто имел связи с западной прессой, также считались подозрительными лицами. «Я был в Ораниенбурге, навещал товарища по войне. Там я наткнулся на пункт контроля и был задержан, якобы из-за несовпадения в моих документах: удостоверение личности со старым лейпцигским адресом, студенческий билет с адресом в Западном Берлине. Я жил в Западном Берлине, работал в пресс-службе Технического университета, и для них всё было понятно: "это шпион от прессы".

В то время в ГДР был приведён в исполнение первый смертный приговор по "Закону об охране и поддержании мира", вслед за чем последовали протестные акции и митинги, в которых участвовал Эрнст Ройтер, организованные среди прочего пресс-службой Технического университета. Я всего лишь распространял абонементы на студенческую газету, но это их не интересовало».⁴⁵

Часто к задержанию приводили доносы, как в случае Карла Хеберляйна: «Я работал шофёром в городе Эберсвальд и по работе должен был два-три раза в неделю ездить на грузовике в Потсдам, забирать одежду. И поскольку я всегда проезжал через Западный Берлин, все бюро тётушек-дядюшек просило, "привези мне сельди, привези мне шины для велосипеда", и так далее. Всё это я забирал по дороге туда. Обрато, когда грузовик был полон, мне нужно было объезжать Берлин, нельзя было заезжать в Западный Берлин. Я покупал всё на Гезундбруннен, на углу Бадштрассе. Там были разбиты палатки. Люди приходили из советской зоны и закупались.

⁴⁵ Из интервью с Вольфгангом Вольрабе.

Один знакомый как-то навестил меня и сказал "слушай, ты здесь, и вы работаете с русскими" и так далее, и "я тебе кое-кого пришлю". Короче, однажды появился этот кто-то и он хотел знать, какие подразделения расквартированы в Эберсвальде и так далее. Я сказал, "знаешь, я не имею никакого представления об этом, сходи сам посмотри". И по этой причине он на меня донёс – или я так думаю – и меня задержали. Он тоже должен был быть арестован.

Но может быть, это был другой человек – он метил на моё место, и состоял в СЕПГ, я точно знаю. Он также был активным членом профсоюза, который тогда только формировался. Но профсоюз и был партией. И мне кажется, там что-то произошло. «Хеберляйн привозит бананы, шёлковые чулки и велосипедные детали, и что там ещё люди привозили, селёдку, маргарин».

Ханс-Рудольф Вернер, арестованный в 1948-м году, вспоминает: «...на смертном одре сосед моих родителей, плача, признался им, что донёс на меня. Но поскольку мои родители тоже уже умерли, я не знаю, в связи с чем он на меня донёс. Я могу это так себе представить: в доме жил радио техник-конструктор, и он проворачивал всякие торговые махинации с русскими. Очевидно, потом он где-то заврался. В какой-то момент у него начались проблемы. А когда кого-то хватали, люди начинали называть имена, вы сами знаете методы работы. "Кого ты ещё знаешь?" и так далее, и возможно в этой связи... Меня забрали прямо из постели. Однажды, где-то в середине ночи, я проснулся и увидел дуло пистолета. Надо мной стоял русский офицер и немец. Они хотели задать несколько вопросов. Мне пришлось одеться, и они меня увели».

Обстоятельства ареста

В большинстве случаев имена и адреса задержанных были известны до ареста. Их забирали прицельно, позже с помощью народной полиции и восточногерманской секретной службы. Многих забирали из дома, часто под предлогом, что им только хотят задать несколько вопросов.

«В дверь позвонили. Мои родители спали. Было, кажется, в районе шести утра. Мой отец открыл дверь, там стоял советский офицер и переводчик, и они спросили, можно ли поговорить со мной. В эту же минуту они прошли в спальню, разбудили меня и сказали родителям, которые

были ошеломлены, что они хотели бы забрать меня на допрос в комендатуру, и этот допрос будет длиться полчаса или три четверти часа. Этот допрос в полчаса превратился в пять лет».⁴⁶

Карл Хеберляйн

Часто задержания проводились на месте работы или учёбы. Карл Хеберляйн рассказывает: «В 1949 году я не вернулся с работы домой. Я был на работе, и пришёл человек в штатском, он был не из народной полиции, а сотрудник штази. Он пришёл к нам в депо и сказал мне, "Вы должны последовать за мной". Я ответил, "С какой стати?" - "Необходимо разъяснить несколько вопросов". Я сказал: "Тогда мне нужно сначала переодеться". Он отпустил меня, я переоделся. В это время пришёл наш слесарь и говорит: "Куда ты собираешься?". Я говорю: "Вот мой бумажник. Не знаю, почему, но у меня какое-то нехорошее предчувствие". Я вышел и сказал, "Можем идти?". Снаружи на улице стоял мерседес со шторками на окнах. Тогда я понял, что происходит. Там сидели два офицера... и тот, в гражданском, тоже сел к ним».

Других забирали прямо на дороге и увозили. «Когда я приехала в Потсдам на вокзал, меня никто не задержал. Но позже два офицера вывели меня из трамвая. Они поджидали на моей остановке. Когда я их увидела, хотела быстро вернуться назад, но они вытащили меня оттуда».⁴⁷

С Гердой Мюллер случилось что-то похожее: «Они не арестовали меня на танцплощадке. Но они знали, что я там была [в местном танцевальном клубе]. Я вышла оттуда, и тогда они сказали, что я должна последовать за ними, только на пять минут, им необходимо кое-что спросить, всего на пять минут. Когда я их увидела, с пистолетами, мне ничего другого не оставалась, как пойти за ними».

⁴⁶ Из интервью с Германом Шлютером.

⁴⁷ Из интервью с Марией Фрикер.

Иногда задержания были случайными, к примеру, во время проверки удостоверения личности или на пунктах контроля.

«Я ещё во время учёбы работал на восточную прессу как фотограф. Однажды я получил задание, сфотографировать открытие одного здания – и к нему написать небольшой текст, чтобы не была немая история. Я поехал туда. Сделал несколько снимков и ехал обратно. Фотоаппарат свободно висел у меня за плечами, что было раньше таким обычным, на велосипеде так или иначе не повезёшь сумку или что-либо ещё. Недалеко от Ораниенбурга ко мне подошли несколько русских, которые там маршировали, это был район гарнизона, и арестовали меня. Они забрали фотоаппарат с кассетой.

Я подумал, ну что со мной может произойти? Когда они проявят плёнку, они увидят, что на ней. Ничего секретного я не фотографировал. Я тогда ещё не знал, мне было только 18 лет, что у русских такие строгие правила, что фотографировать нельзя ничего».⁴⁸

В момент ареста самому задержанному часто было неясно, что происходит. С одной стороны, было мало известно о совершённом правонарушении. С другой, нередко людей заманивали под безобидными предложениями.

«1 мая 1948 года кто-то из народной полиции ГДР появился на пороге нашей двери и попросил меня сходить с ним вместе в участок, потому что одного моего знакомого арестовали, и я должен был его опознать. Это был мой приятель, живший где-то в другом месте, но время от времени появлявшийся в Дрездене, когда у него были там дела, и мы общались. Он был моим военным товарищем. У него не было удостоверения с собой, и я должен был сказать, он ли это. Всё остальное произошло быстро. Ниже по улице народный полицейский вдруг исчез и трое мужчин в штатском затолкали меня в машину, которая уже там стояла, и мы уехали прочь».⁴⁹

Когда человек видел автомобиль, было уже поздно. Софи-Луизе Майзе вспоминает: «Днём, где-то в районе часа, к нам позвонили. Это было 28 ноября 1947 года, в пятницу, накануне первого адвента. Это был полицейский, он сказал, что я должна сходить в жилищный комитет, потому

⁴⁸ Из интервью с Клаусом Хоффманном.

⁴⁹ Из интервью с Йоханнесом О.

что там были какие-то сложности с разрешением на проживание, и так далее. Так было и раньше, и я сказала, что мы только что поели, но мне надо будет сразу же вернуться, потому что надо уложить детей спать, но я могу сходить туда за полчаса в промежутке. И я пошла с ним. Парень знал, конечно, что происходит, что русские хотят меня задержать – но больше ничего мне не сказал.

Софи-Луизе Майзе

Я пришла (в жилищный комитет), и какая-то машинистка мне сказала: "Это было придумано специально для вас". Я хотела пойти назад, но там стояла машина с человеком в форме и с человеком в штатском, и последний спросил меня, не могла бы я показать им дорогу к Ратуше, иными словами, не могла бы я поехать с ними на машине и показать им дорогу. Я села и подумала, ну конечно, я быстрее вернусь домой. Мы жили рядом с Ратушей. Это они, конечно, узнали раньше от полиции. Но я села к ним и ни о чем таком не думала. Зла на себя за это. Когда я сказала, теперь надо повернуть сюда, он сказал классические слова "Шофёр знает дорогу". Мы ехали в тишине через Дрезден, потом на Радебойль в такой "русской экскурсии". Это было как приключение. Ни о чем плохом я ещё не думала».

Поводы для ареста с течением времени

В СОЗ/ГДР немецких граждан судили советской военной юстицией с 1945 по 1955 год. Что касается причин для задержания, в этот период не было никаких принципиальных изменений. Однако заметно, что из семи опрошенных, арестованных после основания ГДР, трое принимали участие в антисоветских акциях, в то время как среди задержанных до 1949 года таких было 2 из 21 человека. Остальные четверо, арестованные после 1949 года, или имели контакты с прессой или работали на оккупационную власть и дали повод усомниться в их лояльности. Число тех, кто в самом деле вёл себя «враждебно по отношению к режиму», к примеру, раздавал листовки, после 1949 года заметно выше.

Рассказы современников – бывших заключённых тюрьмы на Ляйстиковштрассе – позволяют предположить, что после основания ГДР было меньше случайных арестов. Даже если в конечном счёте рассматривать задержания и приговоры как незаконные, а подавляющее большинство задержанных было невиновно (в смысле обвинения), создаётся впечатление, что с конца 1949 года аресты больше не были столь произвольными.

Йенс Нидерхут (Jens Niederhut)

Следственная тюрьма Потсдам-Нойер Гартен

Допросы и приговоры

Что происходило с задержанными после ареста? Не всех сразу помещали в тюрьму Нойер Гартен. Большинство (22 из 28) из наших опрошенных сначала побывали в других местах заключения в советской оккупационной зоне/ГДР. Те, кого арестовывали вдалеке от Потсдама, часто сначала попадали в тюрьмы или так называемые «подвалы ГПУ» в провинциальных городах, а в некоторых случаях там же были судимы, прежде чем их переводили на Ляйстиковштрассе.

В 1945-1946 годах в подвале дома 2 на Ляйстиковштрассе содержались приговорённые к смертной казни, которые ожидали решения по своим ходатайствам о помиловании, в том время как следственные и судебные слушания проводились на Викториаштрассе (*Viktoriastraße*). Помилованных позже переводили в специальные лагеря, а тех, кому отказали в помиловании, отправляли к месту казни.

В этот период жертвами советских органов безопасности стали многие потсдамские учащиеся, чья судьба представлена здесь в качестве примера. Однако здесь также были заключены представители буржуазной оппозиции, должностные лица национал-социалистического периода и солдаты русской «армии Власова». С 1947 года здание на Ляйстиковштрассе 1 служило следственным изолятором военной контрразведки (УКР). С 1947 по 1955 год наряду с советскими военными здесь содержались многочисленные немецкие граждане, обвинённые в шпионаже на западные разведслужбы. В это же время была закрыта тюрьма на Викториаштрассе. На Ляйстиковштрассе 2, а также в соседнем здании Фонда Августы в эти годы заседал военный трибунал. После его приговора задержанных переводили в другие тюрьмы в СОЗ/ГДР или депортировали в Советский Союз.

Самое позднее с 1955 года тюрьма использовалась только для служащих советских войск.

В ожидании исполнения приговора. Смертные приговоры потсдамским учащимся (1945-1946 гг.)

В 1945-1946 гг. в советских органах безопасности в Потсдаме существовал страх перед немецким партизанским движением под названием «Вервольф»⁵⁰. Эта угроза в 1945 году на субъективный взгляд оккупантов должна была казаться серьёзнее, чем она видится сегодня. В последние месяцы войны глава партийной канцелярии НСДАП Мартин Борман и райхсфюрер СС Генрих Гиммлер распорядились создать так называемую организацию «Вервольф», это стало последней задачей для министра пропаганды Йозефа Геббельса. Его призывы к партизанской войне за вражеской линией в измученной и отрезвлённой войной Германии нашли однако лишь немногих серьёзных сторонников. Межрегиональной сетью организация «Вервольф» так и не стала.⁵¹ Так как Советский Союз недавно сам провёл удачную партизанскую войну на своей земле, которая нанесла немецкому Вермахту существенный ущерб, то теперь он опасался, что нацистское партизанское движение может нанести Красной Армии сопоставимый урон.⁵²

В Потсдаме страх перед «вервольфами» привёл к многочисленным произвольным арестам молодых людей.⁵³ В декабре 1945 года потсдамские старшеклассники Йоахим Дуглас, Клаус Тауер, Герман Шлютер и Клаус Эйлерт были арестованы и помещены в бывшую виллу Рюттен/ Лёнинг на Викториаштрассе 54. Там в 1945-1946 году находилась тюрьма военной контрразведки СМЕРШ⁵⁴. Другая группа потсдамских школьников, среди прочих и Хайнц Шволлиус, были задержаны в январе 1946. Всем

⁵⁰ См. прежде всего Hass 1994 и Possekkel 1998: 61.

⁵¹ Единственной эффективной операцией «Вервольфа» было убийство мэра Ахена, господина Оппенхофа, произошедшее 25 марта 1945 года. Отдельные нападения, листовки и радиопередача «Вервольф», существовавшая по крайней мере в начале апреля 1945 года, – всё это усиливало опасения союзников.

⁵² См. доклад от 22.6.1945 г. уполномоченного НКВД в Германии, Серова, адресованный Берии: напечатан в Mironenko/Niethammer/von Plato 1998, Bd. 2: 196-198.

⁵³ См. Wernicke 1991: 23, а также Prieß 1997: 122.

⁵⁴ Это сообщил бывший переводчик Ш. сотруднику «Мемориала» Санкт-Петербург.

было от 15 до 17 лет. Советская секретная службами обвинила молодых людей в создании незаконной организации, направленной против Советского Союза. Герман Шлютер рассказывает: «А потом был этот вопрос, о незаконной организации «Вервольф». Один приятель сказал, будто у меня был пистолет, которого у меня никогда не было. Они хотели выдать признание, но нельзя было сказать ничего, потому что ты действительно ничего не сделал».

Хайнц Шволлиус

Хайнц Шволлиус так описывает свой первый допрос: «Меня фактически сразу на первом допросе спросили, где Гитлер. Я должен был, наконец, сказать, где Гитлер. Я сказал, откуда я могу это знать. Я вообще ни разу не был в Берлине, я был в Линдау на озере Боден в конце войны. Это ничем не помогло».

В том же месте, где проводилось следствие, потсдамские молодые люди были осуждены военным трибуналом 16-й воздушной армии. Герман Шлютер так описывает процесс: «22 января 1946 года собрался военный трибунал и нам зачитали приговор. "Враждебные действия против Советского Союза". А поскольку нас было много школьников, то нас обвинили в организации так называемой группировки. Она называлось, конечно, «Вервольф». Этого было достаточно, чтобы нас приговорили к смертной казни, к смерти через расстрел. Потом нам сказали, что мы ещё можем написать прошение о помиловании на имя президента Калинина, что мы и сделали».

Шлютер и его друзья были осуждены по статье 58-8 (террористические акты, направленные против представителей советской власти) и 58-11 (организационная деятельность, направленная на подготовку или совершение контрреволюционных преступлений) Уголовного кодекса РСФСР, тот же приговор спустя шесть недель получила «группа» Хайнца Шволлиуса. Через несколько дней их перевели в тюрьму на Ляйстиковштрассе.

Отпечатки пальцев Хайнца Шволлуса, снятые во время ареста

«Пару дней спустя нас привели на тогдашнюю Мирбахштрассе. Нас перевозили на грузовиках. Мы не знали, куда нас везут и думали, что мы едем куда-то, где нас всех расстреляют одной группой. Я сидел в конце машине, это был крытый грузовик, и поскольку я был потсдамцем, я смог по деревьям и фасадам зданий определить, куда мы едем, и что дорога окончилась в закрытой зоне Потсдам-Нойер Гартен»⁵⁵.

В подвале здания на Ляйстиковштрассе 2 школьника неделями ожидали исполнения приговора. Они не знали, что смертные приговоры требуют подтверждения Военным советом Группы советских оккупационных войск в Германии и что председатель Верховного Совета СССР, Михаил Калинин, ещё вынесет им решение о помиловании. Шлютер был помилован 18 апреля 1946 года: «Внезапно дверь открылась, и кто-то назвал моё имя и имена двух школьников из Гросрашена (Нидерлаузиц). Нам сказали выйти, и мы не успели даже попрощаться. Нас повели по подвальному коридору, и когда я вышел на дневной свет, мне было трудно

⁵⁵ Из интервью с Германом Шлютером.

что-то рассмотреть. Потом я увидел, что иду рядом с грузовиком, крытым брезентом, и единственное, о чём я смог подумать, было: Герман, надеюсь, тебя не посадят в этот грузовик. Меня завели в здание (на второй этаж Ляйстиковштрассе 2), в большую комнату. В глубине стоял зелёный стол. За ним сидели два или три советских офицера, к ним же присоединились мои охранники, которые меня туда привели. Потом они зачитали имена, моё имя и имена обоих старшеклассников из Гросрашена. Дальше было сказано: "Шлютер, Герман, вы преступник, но советское правительство вас помиловало и приговорило к 20 годам трудового лагеря. Если вы будете хорошо работать, вы не будете сидеть 20 лет, вы не будете сидеть 18 лет, я не знаю, как долго вы будете там сидеть. Пожалуйста, подпишите"».

Герман Шлютер был самым младшим в своей группе. Вероятно, поэтому его помиловали. Йоахим Дуглас, Клаус Тауер и Клаус Эйлерт в тот же самый день были вывезены и расстреляны. Также и Хайнц Шволлиус, самый младший в своей группе, был приговорён к 10 годам трудового лагеря. В целом помилование объявлялось лишь в немногих случаях. Известно, что 1945-1946 годах были приведены в исполнение смертные приговоры 14 потсдамских учащихся⁵⁶.

Следственный изолятор Потсдам-Нойер Гартен (с 1947 года)

В течение 1946 года бывший дом священника на Ляйстиковштрассе 1 был сильно перестроен. Помещения в подвале и на первом этаже были переоборудованы в камеры, вероятно, с весны 1947 года, после предположительного переезда службы военной контрразведки в военный городок №7⁵⁷. С этого же времени заключённых допрашивали и приговаривали также на Ляйстиковштрассе. Первый приговор, вынесенный против немецкого гражданина на Ляйстиковштрассе, был озвучен 28 августа 1947 года, последний – в марте 1952 года⁵⁸. По меньшей мере до весны

⁵⁶ Prieß 1997: 126.

⁵⁷ 20.3.1947 К. М. был арестован и отправлен через несколько дней в тюрьму Потсдам-Нойер Гартен. Его камера находилась в подвале на Ляйстиковштрассе 1.

⁵⁸ Первый известный приговор был вынесен Герхарду Пенцелю и Эдите Виршин, последний – Петеру Зееле.

1953 года немецкие граждане содержались на Ляйстиковштрассе⁵⁹, возможно также и до 1955 года, когда ответственность распоряжения военных трибуналов перестали распространяться на граждан Германии.

Опрошенные нами бывшие заключённые были арестованы на всей территории советской оккупационной зоны, а затем, часто после многодневного пребывания в других местах заключения, были переведены на Ляйстиковштрассе, что говорит о надрегиональном значении этой тюрьмы⁶⁰.

Ханс-Хеннинг Саркамм так описывает своё пребывание в тюрьме Эберсвальдер: «Сначала нас привезли в подвал – нам так казалось – какой-то фабрики, где мы провели несколько часов и ночью были разбужены советскими людьми в форме. Потом нас привели в штаб-квартиру НКВД⁶¹ в Эберсвальде. Моё первое впечатление: ночью там везде сияли яркие лампы. Мы были связаны вместе по рукам и ногам. Затем нам было сказано подняться по высокой, крутой лестнице. Наверху стоял подполковник и ещё два человека в форме, которые командовали нам

⁵⁹ Последним известным немецким заключённым был Клаус Хоффманн, находившийся на Ляйстиковштрассе до марта 1953 года.

⁶⁰ См. карту на стр. 46.

⁶¹ В 1946 году НКВД был переименован в Министерство внутренних дел СССР (МВД). Многие немцы и советские граждане продолжали использовать старую аббревиатуру.

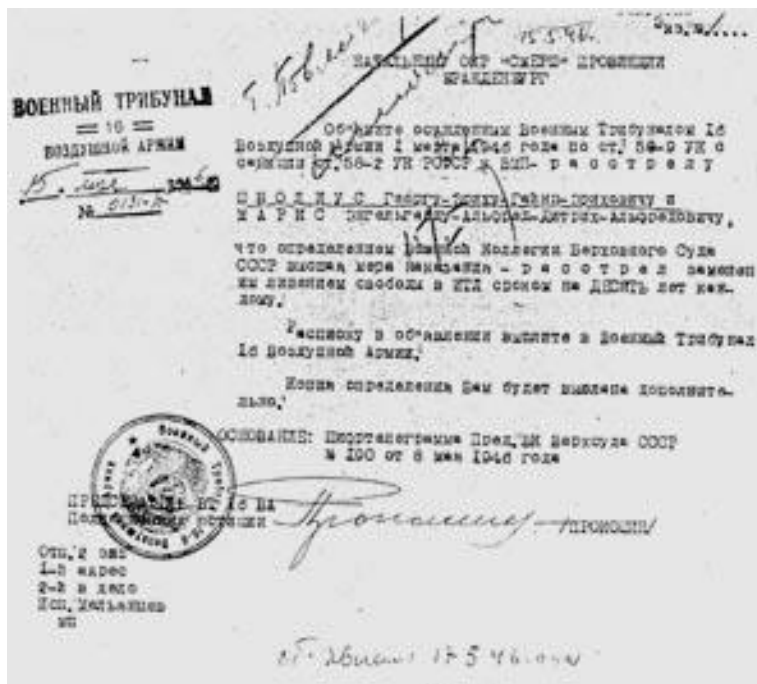
"Вперёд! Проходите!". Когда мы с большим трудом поднялись туда, подполковник быстро поднял ногу и толкнул моего соседа в живот, и мы оба упали снова вниз по лестнице. Это было наше первое впечатление, в чьи руки мы попали и где мы находимся».

Заключённых в большинстве случаев привозили в Потсдам на грузовиках, с завязанными глазами. В следственном изоляторе на Ляйстиковштрассе для большинства из них начиналось время постоянных многочисленных допросов.

Истерия из-за «вервольфов» в 1947 году уже значительно ослабла, также и преследование нацистских преступников больше не было в центре внимания. Вместо этого советские органы безопасности преследовали противников политики СЕПГ и СВАГ, а также реальных и предполагаемых террористов и агентов западных спецслужб⁶².

В следственном изоляторе Потсдам-Нойер Гартен контрразведка занималась, прежде всего, предполагаемыми шпионами и агентами западных организаций. Приговоры против социал-демократов или буржуазной оппозиции нам не известны. Почти все опрошенные нами бывшие заключённые были осуждены и приговорены за шпионаж.

Из приговора Хайнцу Шволлмусу (10 лет ИТЛ, §§ 58-8, 58-9 и 58-11

⁶² См. Naimark 1997: 479.

Часть бывших заключённых в самом деле работала на западные секретные службы или на организации вроде «Боевой группы против бесчеловечности» (*Kampfgruppe gegen Unmenschlichkeit, KgU*)⁶³. Один из наших опрошенных раздавал листовки «Боевой группы», другой работал на британскую спецслужбу. Члены так называемой «группы Тешнера» записывали номера советских военных автомобилей и передавали их западной разведке.

Часто советские органы безопасности произвольно арестовывали друзей и родственников подозреваемых. К примеру, Герхард Пенцель был задержан, когда разыскивал в Эрфурте пропавшего и уже арестованного коллегу по работе. Его сестру Эдит Виршин, чей адрес Пенцель имел при себе, немного позже тоже арестовали. Также при задержании Дитера Тешнера советская секретная служба арестовала нескольких случайных людей. Когда Тешнер был в советской оккупационной зоне, он часто навещал своего знакомого Йоханнеса О. в Дрездене. О. был арестован, так же, как и его невеста, выступившая в роли «почтальона», и его брат.

В конечном итоге, 28 человек сидели на скамье подсудимых, именуемые «группой Тешнера», при том что часть из них никогда не видела друг друга. «На самом деле я была в приподнятом настроении, потому что я не имела ничего общего с этой группой. Я даже не знала никого из них, пока мы все не познакомились во время процесса»⁶⁴.

«Было такое ощущение, что эта довольно большая группа людей была собрана, по-видимому, произвольно. Большую часть людей я вообще не знал»⁶⁵.

Все они были осуждены; приговор варьировался между 15 и 25 годами трудового лагеря.

Любой контакт с учреждениями западных оккупационных властей расценивался советской секретной службой как свидетельство шпионской деятельности. Ханс-Хеннинг Саркамм, к примеру, после войны некото-

⁶³ О деятельности американских секретных служб в СОЗ см. Bailey 1997, Reese 1992; о «Боевой группе против бесчеловечности» см. Merz 1987.

⁶⁴ Из интервью с Кристиной Шмидт-Кенше. О «группе Тешнер» см. статью Нины Леонхард в этой книге.

⁶⁵ Из интервью с Х. В.

рое время работал в «Специальном сервисе/развлечениях» (*Special Service/Entertainment*) американских войск в качестве повара в Титания-Палас в Берлине – из-за этой работы он считался шпионом. Время от времени офицеры, проводившие допрос, возвращались назад ко времени Второй мировой войны, чтобы придумать антисоветскую деятельность. Вернер Донат был в американском плену: «Моя ситуация была немного особенной, поскольку я был в американском плену и потом меня обменяли в 1944 году, я вернулся обратно в немецкую армию. И это, конечно, послужило причиной считать, будто я был завербован американцами против немецкого Вермахта и в конечном итоге - против Советского Союза».

Вольфганга Беккера, который во время войны был отмечен Железным крестом I. класса, следователь спросил, сколько русских он убил, чтобы получить этот знак отличия. Беккер не отвечал и его избили. Карл Хеберляйн, среди прочего, был обвинён в краже советской собственности: «Я спросил, "почему?" – "Ну как же? Вы были как солдат отправлены в Россию, и там вы наверняка однажды украли хотя бы одно яйцо у крестьян"».

Методы допроса: физическое и психологическое давление

Допросы проходили чаще всего в здании на Ляйстиковштрассе 2, но также на верхнем этаже здания с камерами на Ляйстиковштрассе 1. Допросы вёл офицер следствия, чаще всего в присутствии переводчика; только в некоторых случаях допрашивающий офицер так хорошо говорил по-немецки, что переводчик был не нужен.

«Когда надо было идти на допрос, арестованного забирали из камеры и выводили. Перед зданием находилось два поста. Надо было пройти между обоими и войти в здание допросов»⁶⁶.

«Происходило всё так. Вас выводили и сначала ставили к стене, всегда лицом к стене. Потом дверь закрывали, и надо было идти перед постом.

⁶⁶ Из интервью с Герхардом Пенцелем.

И если вдруг кто-то шёл навстречу, они давали знак, и надо было немедленно снова повернуться к стене, лицом к стене, чтобы ты не видел, кто был тот второй»⁶⁷.

Бывшее здание допросов, Ляйстиковитрассе 2, справа от него - тюрьма

Допросы длились много часов. Чаще всего они начинались в 23 часа или даже в полночь, и продолжались до раннего утра. В чрезвычайных случаях арестованных допрашивали по 18 часов без перерыва. Ночные допросы изматывали заключённых, особенно потому, что было строго запрещено спать в дневное время (т. е. с 6 утра до 22 часов) или даже просто лежать на деревянном настиле⁶⁸. Помимо лишения сна были и другие изматывающие тактики, направленные на то, чтобы заставить подозреваемых дать показания.

«Когда арестанта приводили в комнату для допросов, допрашиваемый офицер – советский капитан – сначала ел и сидел в тишине. Арестованный сидел один напротив него на стуле. Потом офицер курил сигарету. Он выжидал и не говорил ни слова. И потом – должно быть, он был очень болен – он выдвигал ящик письменного стола и плевал туда. Сидели ночами на допросе, от двух до четырёх часов. Потом заводили обратно в камеру, но после шести или семи часов уже нельзя было больше лежать на лежанке, нужно было бодрствовать, хотя ты был очень уставшим»⁶⁹.

⁶⁷ Из интервью с Хансом-Рудольфом Вернером.

⁶⁸ См. статью Анке Хёне в этой книге.

⁶⁹ Из интервью с Х. В.

Ханс-Рудольф Вернер так описывает тактику своих следователей: «Сначала вы шли туда и не знали, что происходит. Вас оставляли в неизвестности. Возможно, затем, чтобы помешать вам спать. В дневное время вам запрещалось сидеть или лежать где-то. Вы должны были постоянно стоять или двигаться, ходить кругами с четырьмя человеками на паре квадратных метров. И часто ночами вас потом вызывали. Но допрашивали не каждый раз. Могло быть и так, что вас просто вызвали, и вы стоите два, три часа в комнате для допросов, без права сесть, и потом вас снова уводили. Два часа спустя за вами снова приходили».

Несколько бывших заключённых рассказывают об одном переводчике, офицере по имени Гольдфа(р)б (*Goldfa(r)b*)⁷⁰. Его описывают как образованного человека, превосходно говорившего по-немецки. В памяти бывших арестованных остался его цинизм. Эдит Виршин, которую задержали по обвинению в пособничестве шпионской деятельности её брата, описывает следующее: «В июле у меня был День рождения. Мой брат обратился с просьбой, ему хотелось поздравить меня на День рождения. Не могли бы мы встретиться в комнате для допросов. И Гольдфа(р)б, я этого никогда не забуду, повёл меня в День рождения на допрос, среди ночи. Я пришла в комнату, где он всегда был, где он меня допрашивал. Меня немного допрашивали, я ничего не знала. Гольдфа(р)б сидел, я никогда не забуду, за столом полностью накрытым едой, и он сидел, нога за ногу, и ел перед моими глазами. И тогда я подумала на моем углу стула, ты можешь есть столько, сколько хочешь. И даже если я здесь замертво упаду со стула, от тебя я не возьму ни куска хлеба. И это ему как-то помешало. Он ни о чём меня не спросил, ни о чём. Он оставил меня там сидеть и набивал себе брюхо. Да, я истощала тогда, это логично. Я подумала, у меня тоже есть гордость. Я ничего не сделала, и если ты думаешь, будто соблазнишь меня тем, что стоит на столе... ну нет! Я так скажу, через три четверти часа меня забрали и увели в камеру, и на этом было все. Он меня ничего не спросил, но я знала, что это было в мой День рождения».

Гольдфа(р)б в резкой форме объяснил её брату Герхарду Пенцелю, почему его пришлось изъять из обращения: «Он сказал: "Если у тебя есть

⁷⁰ Другие бывшие заключённые вспоминают переводчика по имени Гольдштайн (*Goldstein*) или Гольдберг (*Goldberg*) и описывают его очень похоже. Так что, вероятно, под Гольдфа(р)бом и этими двумя имеется в виду один и тот же человек.

бочка мёда и ты положишь в неё ложку дерьма, что тогда будет?" – я ответил: "Да, бочка мёда тогда испортится". 'Видишь, вот ты и есть та ложка дерьма'.⁷¹

Но были и другие возможности надавить на заключённых. Например, им угрожали задержать и посадить их родственников. Один бывший заключённый рассказывает, что самым страшным испытанием для него было, когда офицер на допросе подозвал его к окну, и тот увидел внизу во дворе свою маму, не зная, что с ней теперь будет. Тоже самое произошло с Урсулой Шольц, чью маму даже задержали в тюрьме на два дня. У неё произошёл нервный срыв, когда она увидела свою мать во дворе. Допрашивающий Софи-Луизе Майзе офицер сообщил ей, что её родителей уже арестовали и будут допрашивать. Однако в приведённых примерах с родственниками ничего не сделали.

Если лишения сна и психологического давления было недостаточно, тогда признания из многих арестованных выбивали. Репертуар допрашивающих офицеров и переводчиков варьировался от случайных ударов до жестокого избиения жертвы: «Меня допрашивали в очень резкой манере. А именно, переводчик стоял позади меня, пока мне задавали вопросы. Через несколько секунд, пока я думал и уже хотел ответить, я получал от него удар резиновой дубинкой или мешком с песком – не игрушечный, но сильный удар по затылку. Как следствие, все мысли и формулировки исчезали». ⁷²

Во многих случаях допрашивающие офицеры заходили слишком далеко, чтобы добиться признания: «И тогда они скрутили газету, подожгли её и – "врешь, врешь!" – всё время в лицо горячей газетой. Сожжённые брови, сожжённые губы, сожжённые руки... Но самое страшное было сидеть на бутылке. С крышкой, с проволочной крышкой, как у пивных бутылок... Просто так свободно сидеть на пивной бутылке, и анус действительно разорвётся. Сидеть, пока не скажешь правду. А правда – это то, что они хотят услышать». ⁷³

⁷¹ Как в русской поговорке про ложку дёгтя в бочке мёда.

⁷² Из интервью с Хансом-Хеннингом Саркаммом.

⁷³ Из интервью с Хайнцем Шволлиусом.

Тем не менее, силовые методы допроса, вероятно, применялись очень произвольно. Некоторые заключённые подчёркивают корректное поведение допрашивающих: «Мне нельзя было спать днями, а ночами меня допрашивали, что через какое-то время было тяжело выносить, но в остальном меня никто не оскорблял, не насилдовал и не бил».⁷⁴

Некоторым угрожали применением силы, но только на словах: «Нет, со мной обращались хорошо. Не били... Только один раз в начале ко мне подошли, они всегда говорили: "Ты лжёшь", и один офицер стал напротив меня и поднёс кулак к моему лицу, но бить меня никто не бил».⁷⁵

«Я не помню, чтобы меня били. Но однажды допрашивающий офицер угрожал мне кочергой, сказал, что он будет бить меня по ступням этой кочергой, но потом он не стал этого делать».⁷⁶

По какой причине некоторых заключённых били, а других нет, остаётся непонятным. Влияние гендерного или возрастного фактора на обращение точно не прослеживается. Вероятно, применение силы зависело от конкретного офицера на допросе.

Другим способом пыток был карцер. Один из них – приблизительно один квадратный метр площадью – можно и сегодня увидеть на Ляйстиковштрассе. Многие заключённые рассказывают о вариантах «душный карцер» и «карцер с водой».

«На допросе я вела себя немного нахально. Переводчики переводили неправильно. Я сказала: "Мне не нужен переводчик, они всё равно неправильно переводят". Потом, я сама знала русский, я была переводчицей. Вслед за этим офицер сказал: "Если тебе так не нравится, то мы хотим посмотреть, не заговоришь ли ты иначе". Меня отправили в карцер, я получила пять дней в карцере. Четыре дня я не спала и ничего не ела. Мне нельзя было наклоняться и каждый раз, когда надзиратель проверял, и я немного наклонилась, он стучал ногами по двери. Я стояла лицом к двери и справа от меня, я это хорошо помню, я всё время искала воду. У меня уже были галлюцинации, я всё время слышала капли воды и всё время искала воду. На четвёртый день рано утром солдат дал мне

⁷⁴ Из интервью с Х. В.

⁷⁵ Из интервью с Эдит Виршин.

⁷⁶ Из интервью с Х. В.

чашку чая. Потом в течение дня у меня образовались такие бугры на теле, что они вытащили меня оттуда. Я только ещё слышала, как солдат говорил женщинам в камере, "только не давайте ей воды". Мне можно было пить только по каплям. Потом пришёл врач и стал давать мне чай по глотку».⁷⁷

Также и Урсула Шольц должна была два дня простоять в карцере. Её показаний следователям было недостаточно. В пространстве в ширину плеч на высоте бедра была металлическая труба, так чтобы невозможно было сесть на корточки. «Спереди была решётка, и за ней лампа. И если ты немного наклонялся, лампа светила прямо в лицо. Я должна была раздеться и стоять там в одном белье».

Имфрид Кермес испытал на себе карцер с водой. Он должен был провести там три дня. «Нельзя было сесть, только стоять. Внутри был вентилятор и вода пошла сверху, как из душа. Я стоял в одном белье. Нельзя было даже прислониться, просто свободно стоять».

Некоторых заключённых тем или иным способом унижали, в том числе самых молодых из них. Хайнц Шволиус, которому на момент задержания было 16 лет, рассказывает о следующем инциденте: «Однажды меня так сильно избил переводчица, что я упал без сознания на пол, а когда открыл глаза, она стояла надо мной с расставленными ногами и мочилась, с криком "ты немецкая свинья, ты никогда больше не будешь трахать немецких женщин, на это ты можешь рассчитывать!" И потом ещё и ещё. Это было для меня совершенно невообразимо!».

Признания

Тактика офицеров допроса в большинстве случаев приводила к быстрому успеху. Изнурённые лишением сна и бесконечными обвинениями, запуганные побоями и пытками, в уверенности, что даже у невиновных нет шанса быть оправданными, задержанные желали лишь одного: избежать допросов. Мысль, что может быть ещё хуже, спустя несколько месяцев, проведённых на Ляйстиковштрассе, казалась невообразимой. Заключённые делали признания, выдавая даже имена знакомых. Тот, кому

⁷⁷ Из интервью с Марией Фрикер.

не в чем было признаваться, потому что он случайно попал в руки секретных служб, нередко выдумывал ложные сведения, чтобы что-нибудь внести в протокол, чтобы офицер допроса был доволен и чтобы выиграть хотя бы короткую передышку.

«В конечном итоге заключённые придумывали легенду, факт, историю. Безумие здесь заключается в том, что и сам арестованный, и следователь в конечном итоге верили в это. Истории заучивались наизусть и проговаривались вслух в камере, так как будто учишь стихи. Потом спрашивали товарищей по камере: "Досюда сходится?", чтобы не запутаться в противоречиях»⁷⁸.

Также и Ханс-Рудольф Вернер, вследствие доноса подозреваемый в шпионаже, был настолько изнурён методами допроса, что был готов «признаться»: «Я был рад, когда я уловил нить того, что они от меня вообще хотели. В этом подвале через какое-то время ты уже настолько вымотан, что готов признать, будто твоя мать никогда не жила. Поэтому я был рад, что нашёл тему, где я мог им что-то сообщить, просто чтобы выйти оттуда. Потому что в этот момент человек считает, что пропал так или иначе. Ты просто пытаешься как-нибудь так завернуть, чтобы выйти из этого подвала. А там чёрт знает, что дальше получится. В любом случае ты хотя бы выйдешь отсюда».

Было опасно, если человек запутывался в противоречиях выдуманных историй или даже признавался, что всё выдумал, чтобы избежать побоев или получить возможность проспать всю ночь.

«Мой следователь, который у меня был в Потсдаме, ударял иногда линейкой с острой кромкой по лицу или по шее, но это было нормально. В этом не было ничего особенного, потому что мы знали и другое. Он вызывал меня каждую ночь. И когда он уже долго так меня нервировал, я подумал, ну хорошо, я тебе что-нибудь расскажу. Рассказать у нас значило – сказку рассказать. И я ему рассказал, что в 1948 году под Плауэном перевёл через границу русского офицера. Он подпрыгнул и был счастлив, потому что он наконец-то что-то от меня услышал, и он настроил 20 страниц формата А4, а когда закончил к утру, в четыре, он

⁷⁸ Из интервью с Йоахимом Ланге, также см. Scholmer 1963: 17.

мне сказал: "Теперь подпиши". Тогда я ему сказал: "Один момент, написать я этого не могу. Если у вас существует хоть немного порядка, вы можете проверить, что в 1948 году я ещё был в военном плену"»⁷⁹.

Последовавшее наказание было столь же неизбежным, сколь и жестоким. Допрашивающий офицер был заменён, его сменщик захотел добиться результата. «Этот бил страшно. Вскоре у меня было невероятно раздутое лицо. Поскольку это тоже не помогло, он стал забивать гвозди мне в руку. У него были такие маленькие клинья, которые он вкручивал под ногти. Это, конечно, была реакция на то, что я их провёл. Но я себе сказал, расскажешь ты что-то или нет, они будут мучить тебя в любом случае. И поскольку тут ничего не сделать, потом они сдались»⁸⁰.

Почти каждый смирялся со своей судьбой и подписывал протокол, не зная достоверно, правильно ли перевёл переводчик, который сам часто плохо владел немецким. «Допрос длился всю ночь. Допрашивающий офицер писал все время. К утру переводчик кое-как перевёл, и надо было подписать каждую страницу. И на этом всё»⁸¹.

Многие задержанные подчёркивают, что следователи знали об их невиновности. Софи-Луизе Майзе, которую задержали после доноса, была обвинена в шпионаже и подготовке вооружённого восстания. Долгое время она отрицала все обвинения, но в конце концов подписала протокол с уличающими признаниями. Майзе описывает последние допросы следующим образом: «Однажды ночью, приблизительно в три часа утра, следователь вдруг сказал: "Как ты вообще попала во всю эту историю? (т. е. о подозрении в шпионаже). Как ты могла бы из неё вылезти? Я тебе верю, я тебе верю, сказал он, но как ты могла в неё вляпаться?».

В тот момент, когда двери следственного изолятора закрывались за задержанными, приговор «виновен» уже был вынесен. Одна бывшая заключённая была арестована в Дрездене после возвращения из британской зоны. Долгое время она отрицала, что якобы работала на британскую секретную службу. «И потом как-то переводчик сказал мне: "Подпишите. Так или иначе вы не выйдете отсюда. Подпишите, вы только облегчите всё, так вы сможете отправиться отсюда в лагерь."».

⁷⁹ Интервью с Ирмафридом Кермессом.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Интервьюируемая пожелала скрыть своё имя.

Как показывает опыт Герхарда Пенцеля, аргументы и доказательства, которые могли бы оправдать задержанного, никого не заботили: «Когда я сказал: "Я могу назвать вам свидетелей, которые утверждают обратное". Гольдфа(р)б ответил: "Я тебе кое-что скажу: нам не нужны свидетели. Назови свидетелей, которые помогут обвинению, тех можно привести. Но свидетелей, которые тебя оправдают, нам не надо"».

На пике «большого террора» 1936-1938 годов в Советском Союзе, НКВД хвасталось тем, что они перевыполнили определённую норму. Эти плановые нормы определялись в Москве и потом исполнялись органами секретной службы на местах.⁸² Существовали ли подобные квоты для советской оккупационной зоны, до сегодняшнего дня неизвестно. Весьма вероятно, однако, что только в исключительных случаях советские органы безопасности имели намерение выяснить вину или невиновность задержанных. Почти не известны примеры, чтобы задержанных после нескольких дней допроса отпускали, и они могли свободно вернуться домой. История одного задержанного, который был арестован НКВД уже весной 1945 года и после недельного допроса был отпущен на свободу, очевидно, исключительна.⁸³

Характерной чертой следственных методов советских органов безопасности было сочетание произвола и бюрократии. Хотя аргументы отсутствовали и сами допрашивающие частично знали о невиновности задержанных, советские офицеры настаивали на подписании каждого протокола. Приговор мог быть вынесен только тогда, когда было предоставлено фактическое признание или другие признательные показания в достаточном количестве.

«Шпион» и «двойной агент»

Иногда советская секретная служба пыталась получить информацию другими способами. Некоторым заключённым было предложено завербоваться и этим избежать приговора. Те, кто шпионили за своими сокамерниками, могли надеяться на различные послабления заключения.⁸⁴

⁸² См. Müller/ Osterloh 1995: 14 и Conquest 1992: 301.

⁸³ Интервьюируемая пожелала остаться неизвестной.

⁸⁴ См. также статью Анке Хёне в этой книге.

«Как-то раз меня позвали к этому капитану. Он сказал: "Ну, господин О., сегодня я хочу обсудить кое-что другое. Я заметил, с вами можно разговаривать. Вы умный человек, у вас голова на плечах. У вас есть возможность скоро отсюда выйти. Хотите вы с нами работать?". Я вдруг получил несколько бутербродов с мясным салатом, чашку чая, мне было позволено выкурить сигарету. Меня бы перевели в другую камеру, где я бы подслушивал соседей. Поскольку я отказался, меня избили и потом сказали: "Молодой человек, вы об этом ещё серьёзно пожалеете"»⁸⁵.

Другой заключённой даже обещали свободу: «Потом мне сказали, "мы можем вас освободить, если вы обязуетесь на нас работать". Так они говорили многим. Но я отказалась, для этого образ врага был ещё слишком силён»⁸⁶.

Другие соглашались и покупали этим себе несколько сигарет или даже свободу. Сколько таких предложений было сделано, и как далеко заходили спецслужбы, чтобы таким способом рекрутировать агентов, конечно, не известно. Вполне вероятно, однако, что так они использовали возможность одновременно вербовать шпионов в советской зоне оккупации и подавлять агентов противника⁸⁷.

Слушания и вынесение приговора

Длительность заключения на Ляйстиковштрассе варьировалась в диапазоне от трёх до семи месяцев. В среднем арестованные были заперты на Ляйстиковштрассе по пять месяцев. Когда следствие было завершено, мог собираться военный трибунал.

Слушания военного трибунала не соблюдали никаких правовых норм: часто подсудимые не могли сказать ничего или им было позволено высказаться лишь ограниченно. Свидетелей защиты не заслушивали. Также не были разрешены и защитники. Слушания на Ляйстиковштрассе проходили в закрытом режиме. Частично подсудимым просто сообщали о заранее вынесенном приговоре⁸⁸.

⁸⁵ Интервьюируемая пожелала остаться неизвестной.

⁸⁶ Интервьюируемая пожелала остаться неизвестной.

⁸⁷ См. Bailey 1997: 58.

⁸⁸ Например, при вынесении приговоров специальным трибуналом в Москве.

«Я сошла вниз по лестнице. Я оказалась – нас всегда водили в сопровождении солдат – в помещении типа прачечной. Оно выглядело как угловая комната, наверняка раньше было что-то вроде прачечной. Небольшое помещение, там стоял маленький стол, за ним сидел человек в униформе, у него был лист бумаги. Я стояла, он назвал моё имя и говорит: «Вы приговорены по статье 58-2 и осуждены на 20 лет трудовых и исправительных лагерей». Это он сказал частично на немецком, частично на русском. "Подпишите". И я подписала»⁸⁹.

В часовне Августинов проводились судебные слушания. Многие заключённые выслушали здесь свои приговоры.

Обычно процессы были несколько более детальными. Процесс против 28 предполагаемых членов так называемой «группы Тешнера» длился больше часа.

«На процессе было три офицера в форме – старшины или старшие лейтенанты – и мы сидели двумя рядами друг рядом с другом. Офицеры сидели за столом и зачитывали обвинение, которое переводил переводчик. Через час-полтора обвиняемые получили 10, 20 или 25 лет исправительно-трудовых лагерей»⁹⁰.

В 1946 году приговоры – тогда ещё на Викториаштрассе 54 – выносились военным трибуналом 16 воздушной армии, которая в тот момент, по-видимому, была размещена в Потсдаме. С 1948 по 1952 приговоры выносились трибуналом № 48240, в разных городах советской оккупационной зоны/ГДР. Также некоторые приговоры были вынесены военным трибуналом земли Бранденбург.

Основой для приговоров во всех случаях была статья 58 советского Уголовного кодекса РСФСР. Эта статья уже тогда была символом произвола

⁸⁹ Из интервью с Софи-Луизе Майзе.

⁹⁰ Из интервью с Х. В.

советского правопорядка, потому что её можно было настолько широко интерпретировать, что возможно было применять почти для каждого случая. Александр Солженицын описывает статью 58 так: «Великая, могучая, обильная, разветвлённая, разнообразная, всеподметающая Пятьдесят Восьмая, исчерпывающая мир не так даже в формулировках своих пунктов, сколько в их диалектическом и широчайшем истолковании. Кто из нас не изведal на себе её всеохватывающих объятий? Воистину, нет такого проступка, помысла, действия или бездействия под небесами, которые не могли бы быть покараны дланью Пятьдесят Восьмой статьи».⁹¹

За одним исключением, все опрошенные нами бывшие заключённые, приговорённые после 1946 года, обвинялись по статье 58-6 УК, т.е. «шпионаж». Даже Софи-Луизе Майзе, которой вменяли в вину подготовку вооружённого восстания (статья 58-2), сначала подозревали в шпионаже. Это говорит о том, что в тюрьме Потсдам-Нойер Гартен – по крайней мере в отношении немецких граждан – военная контрразведка советской секретной службы прежде всего занималась «шпионскими делами».

Однако большинство приговоров выносились не только по шпионажу, но и в связи с другими па-

раграфами статьи 58, например, параграфы 58-9 (саботаж), 58-10 (анти-советская пропаганда и агитация) и 58-11 (членство в незаконных организациях).

⁹¹ (Архипелаг ГУЛАГ, т.1, гл. 2).

Наши респонденты получили от 10 до 25 лет исправительно-трудовых лагерей. Также случались и смертные приговоры, за исключением промежутка между маем 1947 года и январём 1950 года. Об этом свидетельствует пример потсдамских школьников, которым были вынесены смертные приговоры ещё на Викториаштрассе, но в исполнение их привели по большей части позже. После 1950 года смертные приговоры снова выносились. Одного из задержанных осудили на смертную казнь в 1950 году за шпионаж на британскую секретную службу, но позже это наказание заменили 25 годами лагеря. Другая заключённая тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен в 1952 году была приговорена к смертной казни за сотрудничество с «Боевой группой против бесчеловечности», но позже приговор также был заменён 25 годами трудовых лагерей.

Влияние возраста на наказание можно представить лишь приблизительно, поскольку из группы предполагаемых «вервольфов» самые младшие были отправлены в лагерь, в то время как смертные приговоры старших осуждённых были исполнены. Кажется, однако, что женщины в целом получали несколько более мягкое наказание. Так, среди наших респондентов только одна женщина получила 25 лет лагерей, другие были приговорены к 10 и 20 годам. Мужчины за некоторым исключением получили 25 лет лагерей. В остальном же нельзя выделить какую-либо специфику наказания в зависимости от пола подсудимого.

После вынесения приговора

Что значило для молодых людей получить 15 или 25 лет принудительных работ, лучше описать словами самих бывших заключённых. Многие не могли осознать приговор, который отправлял их на годы в Сибирь: «Когда нас приговорили, мы не восприняли приговор всерьёз. Я даже помню, как мы шли через двор и громко смеялись. 15 лет – этого никто не мог себе представить!»⁹².

О другой реакции рассказывает Карл Хеберляйн, которого приговорили к 25 годам: «В камере мы сначала шутили, когда кто-то приходил, и мы спрашивали: "Ну, сколько ты получил? 25? Так много? Да, должно быть,

⁹² Из интервью с Кристиной Шмидт-Кенше.

ты что-то сделал". Кто бы мог подумать тогда... что мы все получим по 25 лет».

Для задержанных приговор означал конец их пребывания в тюрьме Потсдам-Нойер Гартен. Теперь они попадали в сборные камеры, прежде чем для них, через несколько недель ожидания, начиналась одиссея по тюрьмам и лагерям Германии или Советского Союза.

Анке Хёне (Anke Höhne)

Повседневная жизнь в тюрьме Потсдам-Нойер Гартен

«Построено в самые тяжёлые времена для Германии» – так было написано на табличке у входа в здание на Ляйстиковштрассе 1. Об этом помнят многие бывшие заключённые. Для арестованных недели и даже месяцы, проведённые в тюрьме Нойер Гартен, стали самым тяжёлым временем их жизни. Какими же были условия содержания в этой тюрьме?

Прибытие

Попадая в тюрьму Потсдам-Нойер Гартен многие задержанные не знали, где они очутились. Кто был знаком с местностью и по дороге мог взглянуть из окна машины, знал, что «путешествие» закончилось в жилом районе Нойер Гартен в Потсдаме. Как рассказывает один бывший заключённый, хотя его привезли в тюрьму Нойер Гартен в открытой машине, в Потсдаме офицер приказал ему нагнуть голову.

В самом здании заключённые догадывались о своём местонахождении, прислушиваясь к стенам камер или отопительным трубам: «Мирбахштрассе, мы это знали, слышали стук. В подвале мы слышали скрип трамваев. Они ездили где-то недалеко по косой. И тогда мы поняли: мы на Мирбахштрассе».⁹³

Женщинам по прибытию в тюрьму был особенно неприятен обыск, который проводили русские охранники-мужчины. К примеру, Софи-Луизе Майзе вспоминает: «При аресте я успела только надеть пальто моей сестры. Там внутри была шёлковая шаль, ключи от дома и пара перчаток, пара кожаных перчаток. Это всё были хорошие вещи по тем временам. Нормальные носки, чулки. Был ноябрь, холодно. В Дрездене⁹⁴ мне всё это можно было оставить. Когда я вышла из машины в Потсдаме, там

⁹³ Из интервью с Карлом Хеберляйном.

⁹⁴ Дрезденская тюрьма предварительного заключения стала первой тюрьмой, куда доставили Софи-Луизе Майзе.

были, вероятно, другие порядки у людей, не знаю точно. Там стояла колонна, как мне кажется, солдат. Много солдат: шесть справа и шесть или семь слева. Мы вышли из этого грузовика, спустились – и это было как стриптиз: у меня вдруг забрали перчатки, шарф, платок, ремень. Я знала, что на мне оставалось только пальто – всё, всё забрали. Они отобрали у меня всё. Потом мы поднялись по лестнице, и там нас встретил дежурный, сержант досмотра. Он сказал, что я должна раздеться. Он хотел провести досмотр. Я начала раздеваться, дальше и дальше, и всё спрашивала: "Ну, теперь всё?" Надо ли мне снимать панталоны или брюки, или что тогда на мне было, чулки. Да, я должна была снять. Я сняла. И когда я хотела снять и бюстгальтер, он сказал: "Не надо". Но теперь я всё равно сняла! Сняла всё и потрясла грудью».

Эдит Виршин привезли в Потсдам ночью и с завязанными глазами. Она тоже тогда не знала, где находится. Сразу по прибытии её обыскали: «Это было самое страшное для меня. Один сидел за столом, офицер, и вокруг него русские с [оружием]. И я должна была раздеться догола перед всеми этими людьми. Потом надо было присесть, на случай если что-то спрятала – я потом узнала, зачем это было. А они вынули резинку из трусиков, вынули всё из юбки. Со страха я развязала все узлы на одежде. Мне подали знак, чтобы я одевалась обратно, и потом меня повели в подвал. Там я сидела».

Размещение

Заключённых размещали в камерах в подвале, на первом или втором этаже здания на Ляйстиковштрассе 1. Тем не менее, есть основания полагать, что в первой фазе существования следственной тюрьмы НКВД арестованных держали ещё в соседнем здании (Ляйстиковштрассе 2), и только с конца 1946 виллу Евангелического сообщества помощи стали использовать как главную тюрьму.⁹⁵ Софи-Луизе Майзе, арестованная в ноябре 1947 года, рассказывает о только что построенных камерах в подвале: «Они были очень новые, всё новое. Можно было заметить грязь от строительного цемента или нечто в этом роде. Камеры в подвале, должно быть, построили в начале 1948, нет, в конце 1947 года».

⁹⁵ См. статью Йенса Нидерхута в этой книге.

Как правило, задержанные проводили первое время в одиночных камерах, и только после распределения, т. е. через несколько недель или месяцев, по завершении фазы допросов, их помещали к остальным заключённым.

Внутри камеры почти всё пространство занимал настил⁹⁶, на котором задержанные спали на голом дереве – как правило, без покрывала⁹⁷. В углу стояло ведро (параша) для отправления нужды, его выносили ежедневно после пробуждения. Как ведро использовались, среди прочего, «проржавевшие банки»⁹⁸, стаканы⁹⁹ или даже канистры для бензина¹⁰⁰.

Зарешёченное окно камеры второго этажа, Ляйстиковитрассе 1

Если в камере когда-либо имелось окно, оно затем было замуровано или забито досками, чтобы задержанные не могли видеть солнечный свет, не говоря уже о том, чтобы что-то рассмотреть. Днём и ночью горела электрическая лампочка. Связанные с такими условиями мучения описывает Ханс Вальтер: «Всё время в камере горел свет, и это было мучением, потому что лампочки находились рядом с дверью, а покрытие было из

⁹⁶ Эти деревянные настилы и сегодня можно увидеть в подвале здания.

⁹⁷ Об одеяле на ночь или даже соломенном мешке для сна сообщают преимущественно заключённые-женщины.

⁹⁸ Из последующего письменного опроса.

⁹⁹ Со слов госпожи К. в последующем письменном опросе.

¹⁰⁰ Из последующего письменного интервью с Вольфгангом Вольрабе.

олова, так что свет становился ещё ярче. Мы должны были всегда спать головой к двери, чтобы дежурный мог пересчитать головы. Получалось, что ты всё время смотришь на этот яркий свет. Что было особенно неприятно, так как это высота настила. Днём нельзя лежать, только сидеть или двигаться по камере. И вот ты садишься на этот настил, а ноги не касаются пола; получалось, что через очень короткое время ноги опухали».

Камера в подвале, Ляйстиковитрассе 1

Днём нельзя было спать. Запрет на сон особенно тяжело давался заключённым, которых неделями водили на допрос каждый вечер и приводили назад в камеры только ранним утром, как раз перед подъёмом.

«Когда будили очень рано, нельзя было больше ложиться и спать. Самое большее – можно было сидеть на настиле. Надо было всё время бодрствовать. А это трудно, когда тебя ночами допрашивают и приводят назад, может быть, в четыре или в пять, а потом ты ещё, наверное, не можешь заснуть из-за волнения. И потом приходил дежурный и приносил жидкий суп... и так называемый кофе.... После этого уже было не уснуть. Дежурный проверял. Я думаю, было распоряжение, во всяком случае для тех, кто только что прибыл, чтобы не давать человеку спать».¹⁰¹

¹⁰¹ Интервьюер пожелал остаться неизвестным.

Камеры, куда приводили, как правило, после вынесения приговора, часто были переполнены так, что заключённые спали на настиле плотно прижавшись и днями практически не могли двигаться из-за недостатка места.

«Ночами мы все должны были одинаково повернуться, мы не могли лежать нормально. И ходить по камере мог только один, чтобы мы имели возможность немного двигаться».¹⁰²

Другой бывший заключённый также рассказывает о стеснённых условиях сна: «Мы лежали на земле и на настиле практически как сардины [в банке]».

У женщин дела обстояли не лучше. Кристина Шмидт-Кенше упоминает о существовании покрывала: руки должны были лежать на нём или рядом с телом, чтобы их видели патрулирующие солдаты. «Мы получали соломенный матрас и покрывало, которые у нас утром забирали. Ночью нельзя было класть руки под одеяло. Мы должны были ночами так лежать, руки наружу, в противном случае нас будили».¹⁰³

Случалось также, что изначально предоставляемое женщинам покрывало и матрас потом забрали: «Я только начала привыкать к матрасу – я ещё не знала, что это было приятно. Два, три дня спустя пришёл дежурный и спросил, уж не думаю ли, что я на курорте. Я сказала ему: "Нет, точно не на курорте". И тогда он сказал, что теперь должен забрать матрас. Только когда я попаду на курорт, тогда получу матрас обратно».¹⁰⁴

Все, кого держали в подвале, жалуются на давящий холод в камерах даже летом, в то время как в том же здании другие задохнулись от жары. Такая экстремальная разница в температурах и связанная с этим физическая нагрузка кажется преднамеренно созданной.

«В подвале было очень холодно. В летней одежде, а я был арестован в июле, я там замерзал. Когда через 12-14 дней меня перевели в большее помещение, где были другие заключённые, у меня случился шок. Когда дежурный открыл дверь, оттуда хлынул поток невероятно горячего воздуха, и мне надо было войти внутрь. Он даже подтолкнул меня, потому

¹⁰² Из интервью с Карлом Хаберляйном.

¹⁰³ Из интервью с Кристиной Шмидт-Кенше.

¹⁰⁴ Из интервью с Гердой Мюллер.

что я колебался. Внутри сидели довольно бледные люди в одном белье. Там было слишком жарко. Там было много людей, хотя помещение не было переполнено, просто было очень жарко. Наверное, это помещение находилось прямо под крышей. Я ещё помню, как дежурные, должно быть, на второй день, принесли ведро с водой и шваброй, и мы были рады и использовали всю воду, чтобы смочить пол и охладить его. Пол тоже высох невероятно быстро. И это было плохо».¹⁰⁵

Аналогичные условия описывает Ирмфрид Кермесс: «Следователь как-то спросил меня: "Что, вам не нравится ваша камера?", – потому что он заметил, что я замёрз. Я ответил: "Нет". Он спросил: "Хотите, переведём вас в тёплую камеру?" Я сказал: "Да". Меня перевели в камеру наверху. Её, наверное, дополнительно обогревали, потому что там мы лежали на полу. Через несколько часов там было так жарко, что мы с трудом дышали. Мы сидели голые по пояс и пот лился ручьями».

Как рассказывает Клаус Хофман, труд заключённых тоже использовался для отопления: два или три раза в день они должны были растапливать котёл углём. Однажды в качестве награды за особо старательно выполненную работу (он вынимал раскалённый уголь из печи, чтобы уменьшить давление жара), ему позволили взять с чердака уже свалявшийся хлеб и пакеты с махоркой. Вероятно, что оригинальные кафельные печи ещё существовали тогда в камерах на первом этаже, их растапливали из коридора.¹⁰⁶ Они не сохранились до наших дней.

Гигиенические условия

В то время как двое бывших заключённых подчёркивают, что в следственной тюрьме не было никаких паразитов,¹⁰⁷ многие другие упоминают катастрофические гигиенические условия, особенно в первые годы: блохи, клопы и вши были частью повседневности, как и чудовищный запах от ведра. Санитарные узлы находились в крайне удручающем состоянии. Хайнц Шволлиус, бывший заключённым тюрьмы на Ляйстиковштрассе с января по март 1946 года, рассказывает: «Без возможности помыться или получить необходимую медицинскую помощь, мы прозябали там, как прокажённые. С чесоткой и педикулёзом, почти съеденные

¹⁰⁵ Интервьюируемый пожелал остаться неназванным.

¹⁰⁶ Из интервью с Хансом Вальтером.

¹⁰⁷ По сведениям Йоханнеса О. и Карла Хеберляйна.

клопами и вшами, провоцировавшими серьёзные раны, мы буквально гнили живо. С течением времени раны становились такими сильными, что гной тёк по телу, когда мы шевелились».

Герман Шлютер, заключённый тюрьмы НКВД в то же время, пережил нечто похожее: «Это прозябание в камере было само по себе плохо, потому что мы не могли помыться и нам не стригли волосы. Из-за таких условий – никакого дневного света и так далее – у нас развились чесотка и загноившиеся фурункулы, и из-за вшей и царапин всё тело было покрыто экземами».

Так вспоминает Хорст Шюлер свою камеру в потсдамской тюрьме на Линденштрассе.

Ведро на переднем плане для отправления нужды, деревянный настил справа – место для сна, которое было запрещено использовать днём. Перед маленьким окном на высоте двух метров находился деревянный затвор, который оставлял только крошечный просвет наружу.

Для отправления нужды заключённые должны были пользоваться ведром в камере. Сначала эти вёдра выливали охранники, как рассказывает Херман Шлютер: «Один раз в день открывалась дверь, кричали "параша!". Ведро нужно было поставить рядом со входом. Дверь закрывалась и через 10 минут открывалась снова, и надо было забрать ведро обратно».

В более поздний период ведро по утрам должны были выливать сами задержанные. В конце сороковых годов построили туалеты и помещения для мытья. Это подтверждает Герда Мюллер, попавшая в тюрьму на Ляйстиковштрассе в ноябре 1947 года: «весной 1948 года был построен

«туалетный флигель в саду». Заключённым отводилось 10 минут на туалет и мытьё.¹⁰⁸ Это санитарная постройка сегодня больше не существует, но фундамент ещё виден.

Обращение с заключёнными относительно ухода за телом зависело от произвола дежурных, как показывает следующий пример: в то время как Ханс Вальтер рассказывает, что его водили в душ каждые десять дней, Кристина Шмидт-Кенше, арестованная в то же время и находившаяся в следственной тюрьме на Ляйстиковштрассе три месяца, вспоминает, что за всё время ей удалось помыться только один раз: «Однажды они вывели меня из подвала на первый этаж в помещение с чем-то вроде ванны. Там я единственный раз за все три месяца смогла помыться с мылом мои вещи и себя саму. В тот раз здание показалось мне частным домом, дверь на первом этаже выглядела как квартирная».

Для большинства заключённых либо никогда не было возможности помыться, либо их водили в душ очень редко. «Мыться без проточной воды было приключением. Кроме небольшого количества питьевой воды, воды больше не было, а бак служил одновременно миской. Во дворе были туалеты. Время, которое тебе давали на отправление нужды, полностью зависело от настроения дежурного».¹⁰⁹

Всё время в тюрьме заключённые носили ту одежду, которая на них была в день задержания. Со временем она так изнашивалась, что заключённые ходили в грязных обносках.

«Мы жили в прогнившей одежде, которая была на тебе в день задержания. Постирать её было нельзя. Помню только: по утрам мы получали ведро с водой, которое мы выливали с койки на пол внизу, и вытряхивали туда вещи, которые у нас были, чтобы утопить блох, потому что блохи не умеют плавать».¹¹⁰

После месяца в следственной тюрьме НКВД в Нойер Гартен Ханс Хеннинг Саркамм впервые получил возможность помыться. Он предполагает, что «допрашивающим офицерам стал невыносим зловонный запах, который я из моего подвала каждую ночь приносил в их комнату».¹¹¹

¹⁰⁸ Из интервью с Ирмфридом Кермесом.

¹⁰⁹ В последующем письменном опросе – Йоахим Ланге.

¹¹⁰ Из интервью с Хансом-Рудольфом Вернером.

¹¹¹ Ханс-Хеннинг Саркамм в последующем письменном опросе.

Мария Фрикер вспоминает, как сцарапывала известь со стен, чтобы почистить зубы.¹¹²

Медицинское обслуживание

Медицинское обслуживание заключённых, как вспоминает Хайнц Шволлиус, в начале 1946 года ещё не существовало, однако впоследствии было налажено. В то же время, двое респондентов вспоминают врачебные консультации. У одной респондентки из-за плохих гигиенических условий воспалились ноги, причиняя сильную боль.

«В оправдание русских надо сказать, что в чердачном помещении принимал врач, который был очень достойным. Когда во время одного из допросов я уже не могла больше сидеть, потому что ноги сильно болели, я встала, и офицер, проводивший допрос, спросил меня почему. Я ответила, "не могу больше сидеть". Он посмотрел на мои ноги и отправил меня к врачу, и врач оказался очень приличным. Он сказал, "мне всё равно, шпион вы или диверсант, для меня вы все пациенты". Он перевязал мне ноги сверху донизу, и они потом быстро зажили».¹¹³

Софи-Луизе Майзе не смогла из-за своего ареста завершить лечение зубов, которым она как раз занималась. За время заключения её даже вывезли за пределы тюрьмы к зубному врачу, который вырвал ей зубы. Кроме этого, из-за гранулярного туберкулёза её доставили в русский госпиталь.

«Я была звездой камеры, потому что железы раздулись и гноились. Каждые два дня приходил врач, и потом меня увезли. Это был перерыв в череде одинаковых дней».

Медицинское обслуживание, которое получили обе эти женщины, и другие упоминания врачей или санитаров¹¹⁴ не могут, однако, скрыть тот факт, что подавляющее большинство бывших заключённых на протяжении всего времени следствия не видели врача в глаза.

¹¹² Из последующего письменного интервью с Марией Фрикер. Она также сообщает, что использовала обрывки юбок в качестве гигиенических прокладок во время менструации.

¹¹³ Респондентка пожелала остаться неназванной.

¹¹⁴ Со слов Герды Мюллер, Йоханнеса и Рут К. (письменный опрос).

Почти все опрошенные нами бывшие заключённые имеют хронические заболевания и физические или психические недуги, вызванные годами недоедания, физически тяжёлой работой и гигиеническими и медицинскими условиями в следственных центрах, тюрьмах и лагерях в зоне советской оккупации/ ГДР, а также в советских лагерях.¹¹⁵ Среди хронических заболеваний, течение которых усугубилось в результате недостаточного или вообще отсутствующего лечения, упоминались следующие: гепатит и цирроз печени, заболевания почек, туберкулёз, тиф и дизентерия. Из-за плохого питания наблюдалось выпадение зубов в результате недостатка витаминов (цинга) и общая дистрофия (нарушение питания).

Нечеловеческие условия заключения (отсутствие естественного света, переполненные камеры или одиночное заключение, страдания от холода или жары в камерах, паразиты, недостаточное питание) шли рука об руку с мучительной неизвестностью собственной судьбы, неделями унижительных допросов с лишением сна, а также чрезвычайно суровыми приговорами в конце этого следствия, которые не были соразмерны совершённым правонарушениям (почти все были приговорены по меньшей мере к 20 годам трудового лагеря, некоторые даже к смертной казни). Всё это вызвало посттравматические синдромы, такие как кошмары, клаустрофобия, бессонница, депрессия и тревога, которыми часть опрошенных страдает до сегодняшнего дня.¹¹⁶

Распорядок дня

В шесть часов утра заключённых будили. Разносили пищу. Один раз в день выносили ведро. В остальном до обеда и ночных допросов, для тех, кто ещё не прошёл фазу допросов, день был не структурирован. Не было

¹¹⁵ Только трое опрошенных в ходе последующего письменного интервью заявили, что не страдали никакими заболеваниями, связанными с содержанием под стражей.

¹¹⁶ Годы тюремного или лагерного заключения стали причиной других хронических заболеваний, о которых здесь нельзя говорить подробно. Несчастные случаи на производстве, катастрофические условия труда и экстремальные климатические условия привели к заболеваниям у многих из опрошенных, от которых они страдают со времён лагерного заключения. Лечение, назначенное там, часто было недостаточным. Заключённые нередко страдали из-за повреждения позвоночника, онемения конечностей вследствие падения со строительных лесов, травмы глаз вследствие обвала шахты Воркуте. Также они жаловались на боли в спине, обморожения, снежную слепоту и обострение уже существующих болезней. Кроме того, имели место последствия насилия со стороны тюремного персонала, например, постоянные головные боли вследствие разбитого черепа, как это случилось с заключённым в тюрьме Баутцен. (Информация из последующего письменного интервью).

прогулок, почти никакого движения, никакой работы, нечего было читать¹¹⁷. Каждый был предоставлен самому себе. Некоторые дремали весь день, пытаясь компенсировать нехватку ночного сна днём, так чтобы охранники этого не заметили. Другие пытались занять себя, чтобы не позволять себе опуститься. Йоханнес О., к примеру, составил для себя точный дневной распорядок и часами повторял школьные знания. С помощью рыбных косточек, найденных в ухе, которую иногда разносили, он чертил математические уравнения на стенах камеры. Другие ногтями выдалбливали на стенах зарубки и считали по ним дни, проведённые в тюрьме.

Во время заключения в следственной тюрьме на Ляйстиковштрассе самым главным была воля не погибнуть. Герману Шлютеру¹¹⁸ в эти неопределённые часы ожидания силу придавали мысли о его семье и христианская вера: «Я вырос в верующей семье, моя вера в Бога давала мне в это трудное время поддержку и силы. Знание того, что моя семья волнуется за меня, давало мне дополнительную силу. Двое моих приятелей (которые выросли атеистами), попросили меня однажды: "Герман, ты не мог бы научить нас повторять "Отче наш"?" В этой камере смертников, наедине со своими страхами, они тоже искали поддержку. Мы все жили с мыслями о смертном приговоре. Несмотря на это мы цеплялись за малейшую надежду и молитвы придавали нам смелость. Мы нашли силу в условиях смертельной опасности».

Время в следственной тюрьме было прежде всего временем ожидания: «Мы практически просто сидели там и ждали транспорта, который нас увезёт. Чтобы было не так скучно, каждый из нас всё время делал небольшие доклады по своей специальности. Что ещё было делать? Нельзя же всё время пересказывать старые фильмы. Я помню одного сокамер-

¹¹⁷ См. также Müller 1997. Условия содержания в тюрьмах СОЗ/ГДР с 1945 по 1989 год характеризовались многообразной реорганизацией. Мюллер выделяет четыре периода режима содержания под стражей: 1945-1947; 1948-1955; 1956-1976 и 1977-1989. Также он подробно описывает особенности каждого тюремного режима. Например, труд заключённых стал частью повседневной тюремной жизни только с третьей фазы.

¹¹⁸ Герман Шлютер был арестован 15-летним подростком в Потсдаме в декабре 1945 года за то, что он вместе с другими одноклассниками отказался участвовать в уроках русского языка. Они были приговорены к смертной казни. Их обвинили в принадлежности к «вервольфам» и создании антисоветской группы. Герман Шлютер был самым молодым из четверых; его помиловали и приговорили к 20 годам лагерного заключения.

ника – у него лучше всего получалось, он был производителем термометров. Он нам в деталях рассказал, как делать термометры, а этого больше никто не знает»¹¹⁹.

В 22 часа, после того как звучал советский гимн, начиналось время сна.¹²⁰ Многие заключённые в это время с тревогой ожидали, что их сейчас снова поведут на допрос.

«[Даже если допросов не было], ты всё равно весь вечер ждал. (...) Мы обязаны были ложиться, днём нельзя было лежать. (...) Тогда мы научились, как можно спать сидя, так чтобы этого никто не заметил. А в десять ты должен был лечь и больше не мог заснуть, потому что ждал. И потом ты слышал, когда первый приходил, и снаружи открывалась внешняя решётка...»¹²¹.

Питание

Все заключённые описывали питание как недостаточное и дефицитное¹²², или, как сказал Ханс-Хеннинг Саркамм, «жалкое». Три раза в день еду передавали через окошко в двери камеры. Питание было не особенно разнообразным: хлеб, суп (из круп, рыбный или щи) и каша составляли основной рацион. Запивать можно было водой, тёплым чаем или кофе. Херман Шлютер вспоминает: «В двери камеры было отверстие, через которое передавали еду. По утрам это был глоток плохого кофе и этот советский хлеб, иногда ещё немного маргарина. Это был наш завтрак. Днём нам давали чаще всего суп из круп и вечером ещё кусок хлеба и что-нибудь попить, чай или кофе. В это время ни один солдат не

¹¹⁹ Из интервью с Клаусом Хоффманном.

¹²⁰ Из-за разницы во времени в Москве тогда была ровно полночь.

¹²¹ Из интервью с Карлом Хеберляйном.

¹²² См. также Jeske 1998. Автор не располагает стандартным рационом для заключённых НКВД в СОЗ/ДР, но можно предположить, что рацион был основан на нормах рациона, принятых в спецлагерях. В то же время есть данные о пайке заключённых в специальных лагерях в СОЗ/ДРГ. Так, паёк для заключённых спецлагеря первоначально исходил из нормы для военнопленных, изданной 31 мая 1945 года, и составлял 600 г хлеба, 90 г круп, 10 г макарон, 30 г мяса, 100 г рыбы, 15 г жира и 15 г масла, а также соль, томатную пасту, чай и перец. Кроме того, выдавались порции овощей: 600 г картофеля, 170 г капусты, 45 г моркови, 40 г свёклы, 30 г лука и 30 г специй. Но уже 6 сентября 1945 года эту норму сократили. И даже этот минимальный стандарт не соблюдали из-за несвоевременных поставок, нехватки топлива, транспортных проблем, воровства и присвоения пищевых и кухонных отходов, которые не были учтены

входил в камеру. Во время обедов отверстие в двери оставалось открытым, и советские солдаты могли смотреть, и если мы поели, мы должны были отдать чашки назад и тогда отверстие снова закрывалось».

По результатам интервью нельзя сказать, улучшилась или изменилась ли хоть как-то ситуация с питанием с течением времени с 1945 по 1952 год¹²³.

«Еда была такой, что ты не умирал с голоду, но и сытым никогда не был. Не могу сказать, чтобы я хоть раз был сыт в следственном изоляторе»¹²⁴.

Через такое окошко в двери камеры каждый день передавали еду

Голодные заключённые набрасывались на ту еду, которую приносили: «Да, мы ели там всё. Рыбные головы, кости, ничего не выбрасывалось из ухи. Ну да, еда была практически всё время одна и та же: суп и скользкий хлеб, 400 грамм или сколько там было. И ты пытался разделить крошки: это на обед, это на ужин. Только углерода всегда было достаточно!»¹²⁵.

Один бывший заключённый вспоминает, что он весил 160 фунтов, когда попал в следственный изолятор Нойер Гартен – полгода спустя он покинул его с весом 110 фунтов¹²⁶. Недостаточное и неправильное питание, вместе с недостатком движения, солнечного света и

нехваткой витаминов, приводили к недоеданию, истощению и острым болям в желудке.

Общение и занятия

¹²³ 1 ноября 1946 года норма пайка для заключённых спецлагеря была вновь резко сокращена. В суровую зиму 1946/47 г. ситуация с поставками ещё больше ухудшилась. См. Jeske 1998.

¹²⁴ Из интервью с Йоханнесом О.

¹²⁵ Из интервью с Карлом Хеберляйном.

¹²⁶ Респондент пожелал не называть своё имя.

Основным способом коммуникации заключённых с другими камерами был стук в стены. Почти все рассказывают о том, как использовали перестук для общения с «соседями». Вначале система перестука объяснялась новоприбывшим через громкое «Я стучу алфавит!»¹²⁷ – это означало: стук один раз значит «А», два раза – «В» и т. д.

«Что касается системы перестука, этому мы сами научились. Рядом со мной сидела одна женщина из Дрездена, Элли, в соседней камере. Она сказала: от А до L один раз коротко, и от М до Z два раза. Это были буквы. Так мы могли понимать друг друга. Таким образом выяснилось, что мой брат тоже сидит в этом здании, и что это вообще была причина для моего задержания. Когда русские, которые там служили, солдаты, приходили в эти катакомбы и достаточно близко подходили в своих сапогах к нашим камерам, мы слышали их и переставали стучать. А когда они уходили, стучали дальше».¹²⁸

Другим важным способом общения были секретные сообщения. С их помощью заключённые, в частности, обменивались информацией о вынесенных приговорах. Местом, где прятались секретные сообщения и где их передача казалась наиболее вероятной, было помещение для гигиенических процедур, куда заключённых водили по меньшей мере один раз в день.

«Раковина была важным информационным пунктом вот в каком случае: допустим, у тебя был сосед в камере, которого забрали на допрос. Если он не пришёл обратно – его увели "с вещами", как говорят русские, т. е. со всем вещами забрали. Это было верным признаком: если он не возвращается, его должно быть осудили и отправили в камеру для осуждённых. Туда приводили всех осуждённых. Информация состояла в следующем: когда кто-то шёл в суд, мы вешали на раковину одну определённую нить шерсти и любой другой ткани и вязали там узлы, пять лет – один узел. Охранники никогда не заходили внутрь. Так мы всегда узнавали, сколько получил тот, кого забрали из камеры на вынесение приговора. Человек тогда быстро становился находчивым».¹²⁹

Петля на нити означала «приговорён к смертной казни».¹³⁰

¹²⁷ Из интервью с Гердой Мюллер.

¹²⁸ Из интервью с Эдит Виршин.

¹²⁹ Из интервью с Хансом Вальтером.

¹³⁰ Респондент пожелал скрыть своё имя.

В камере можно было общаться со своими товарищами по несчастью – хотя постовые подозрительно наблюдали за этим и часто запрещали, но запрет имел силу только когда русские охранники находились поблизости от камеры и могли контролировать заключённых.

«В камере дремали, рассказывали что-нибудь, потому что те, кто находился там уже давно, конечно, хотели знать новости. Что нового в политике, например? Или же вот шлягеры».¹³¹

Софи-Луизе Майзе рассказывала своим соседкам по камере о фильмах и романах; Кристина Шмидт-Кенше сама придумывала свой роман как «способ убежать от реальности». Хотя все пытались провести день так хорошо, насколько это было возможно, но безнадежное и подавленное настроение даже общение с сокамерниками развеять не могло: «День проходил, вы рассказывали друг другу о школе или что вы вообще там наружи делали. Все друг друга призывали к смелости, но были также подавлены, ведь никто не знал своей судьбы, когда снова откроется дверь: расстреляют тебя или ты выйдешь наружу? В камерах было очень удручённое настроение».¹³²

Кроме того, заключённые должны были всё время быть начеку и не могли полностью доверять сокамерникам, потому что те могли быть шпионами. Для того, чтобы получить льготы от тюремных властей, некоторые заключённые шли на шпионаж за товарищами по несчастью и доносы.

«В камере нас было двое. Однажды моим соседом был г-н О., ему было уже около 50 лет, и он его задержали как шпиона. Когда ты приходил на допрос, и следователь прямо тебе говорил, что о тебе думает, ты начинал задумываться: откуда следователь знает это всё? Он мог это знать только от соседа по камере. Когда я потом вернулся в камеру, соседа перевели, и я больше его никогда не видел в тюрьме. Он сам мне рассказывал, что следователь давал ему еду и сигареты».¹³³

¹³¹ Респондент пожелал скрыть своё имя.

¹³² Из интервью с Германом Шлютером.

¹³³ Респондент пожелал скрыть своё имя.

Некоторые заключённые сначала не знали, что среди сокамерников были те, кто получал льготы за слежку и доносы. Йоханнес О. стал внимательным и сдержанным в своём поведении и в разговорах, только когда на допросе ему самому предложили шпионить за соседями.¹³⁴

Также и Герда Мюллер не могла бы сказать с уверенностью, что её соседка по камере не была шпионкой: «Но никто из нас не говорил о своём деле, поэтому никто не знал, что другая потом рассказывала на допросе».

Урсула Шольц во время своих первых дней в тюрьме была в камере вместе с женщиной, которая единственная имела настоящую подушку. Имея теперь опыт, Урсула Шольц обратила внимание на это удобство и высказала подозрение, мол, соседка получила подушку как доносчица: «Она должна была слушать, что ты скажешь в минуты первого страха и волнения, даже задавала некоторые вопросы».

Вынужденную праздность и неопределённость своей ситуации, а также того, что с ними произойдёт, заключённые следственного изолятора на Ляйстиковштрассе переносили особенно тяжело. Йоханнес О. так суммировал положение заключённых: «Либо ты сойдёшь с ума, либо погибнешь. Или пытаешься занять себя хоть чем-нибудь».

Клаус Хоффманн описал своё заключение как «ученичество», за время которого он узнал, как можно при помощи примитивных средств делать вещи для повседневного обихода или даже шахматные фигуры.

«Там в Потсдаме я научился разводить огонь, держать себя в чистоте без туалетной бумаги, шить, например: ведь не было таких вещей, как игла или нож. Шахматные фигуры мы катали из хлеба. Этим вещам я научился там. В Воркуте, в лагере, конечно, я позже научился ещё многому другому, но первые знания я получил в Потсдаме...».

Одна заключённая использовала время, чтобы выучиться от соседки, латышской немки, русскому языку. Герман Шлютер со своим товарищем по несчастью освежил школьные знания английского.

¹³⁴ См. статью Йенса Нидерхута в этой книге.

Необычные инциденты

Немногие бывшие заключённые рассказывают о необычных инцидентах, происходивших в следственном изоляторе во время их пребывания там. Наказания за слишком громкие разговоры для некоторых заключённых состояли в том, что они должны были часами стоять лицом к стене. В камере Герхарда Пенцеля был угол, который не просматривался из отверстия в двери. Когда он там скрывался, постовой немедленно приказывал ему выйти из этого угла.

К необычным и особенно страшным инцидентам необходимо отнести наказание карцером.

«Я тоже стоял там дважды, лечь было невозможно. Вы видели карцер, какого он размера – там нельзя даже нормально сесть. Но тебе не говорят, как долго ты будешь там стоять. Тебя просто запирают там и потом... Это была особая мера наказания: "сдохни или выживи!". Особенно, если вы им не говорили то, что они хотели услышать. Очевидно, им действительно платили в зависимости от количества осуждённых. И потом вы там стояли, и когда было обеденное время, вы ничего не получали. Они только похлопают этими жестяными мисками. Начинаешь сходить с ума... до стадии, когда уже практически в бреду ничего больше не хочется знать о еде, но незадолго до этого есть момент, когда вы практически безумны, когда вы ничего не слышите кроме стука оловянных мисок. Я знаю, это всё звучит преувеличено, но это всё так».¹³⁵

Через несколько дней или даже недель изоляции, лишённые пищи, физически и психически разрушенные люди представляли собой ужасную картину. Эдит Виршин рассказывает, что была вынуждена нести свою соседку по камере из водяного карцера, потому что охранники не хотели к ней прикасаться.

«Девушку, с которой мы вместе сидели, когда она снова что-то сделала, вывели из камеры. А потом однажды позвали меня. Я должна была пойти вниз, в здание, к карцеру. Они открыли дверь, и там лежала эта девушка, скрученная, на полу. Она была там, наверное, четыре недели или больше. В своих собственных испражнениях, в сапогах и в брюках, или панталонах. Они не хотели к ней притрагиваться, и я должна была

¹³⁵ Из интервью с Хансом-Рудольфом Вернером.

вытащить её из карцера. Она не могла ходить, вы можете представить. "Тащи её отсюда!". Там были очень примитивные охранники. В любом случае, я попробовала её вытащить. Она была полностью заброшенная, сырая. Они все время наливали воду в карцер, сверху. Я взяла её под мышки и вытащила её из её собственных испражнений. Это было в подвале, ступеньки из него были высокие. Как я потащу её наверх? Но да, я должна была тащить её по ступенькам. Русские так и не притронулись к ней. Мне пришлось всё делать самой».

Охранники

Отношения охранников к заключённым описывается последними как «нормальное» – можно, наверное, сказать: как соответствующее обстоятельствам.

«Каждые несколько минут охранники смотрели в окошко на двери, мы не всегда могли заметить это, но ты быстро развиваешься как заключённый и через какое-то время чувствуешь: "Осторожно, сейчас будут следить!". Охранники не входили в камеры. Они знали, что мы люди, которые приговорены к смертной казни, так что мы для них были самыми злостными преступниками. Понятно, они не искали с нами контакта – я бы даже сказал, в конечном итоге нас побаивались».¹³⁶

В то время как одни заключённые рассказывают, что у них были хорошие отношения с охранниками и они иногда даже получали от последних сигареты,¹³⁷ другие вспоминают садистское поведение надзирателей. Ханс Вальтер, страдавший от паралича, полученного на войне, делил камеру с заключённым, у которого был рассеянный склероз: «Мой паралич усилился, и сосед по камере, Фриц Вигель, он был из окрестностей Гарделеген-Хальденслебен, у него был рассеянный склероз. Мы оба были не в состоянии выносить парашу, и для постовых всегда было удовольствие, когда нас обоих по утрам водили в уборную и к раковине. Когда мы шли по лестнице вниз, сразу за дверью был забор из колючей проволоки, за ним деревянный забор. Самое плохое в камере было для нас то, что там был очень сухой воздух. По вечерам нельзя было громко говорить, смеяться, и мы пытались как можно более поверхностно дышать. Мы не получали достаточно воздуха и не могли спать. Это на нас

¹³⁶ Из интервью с Германом Шлютером.

¹³⁷ Из интервью с Ирмфридом Кермесом.

плохо влияло, когда шли по лестнице вниз и свежий воздух шёл навстречу. Я ещё мог себя как-то держать, но Фриц Вигель все время влетал в забор из проволоки. Рассеянный склероз был уже очень сильным. А охранники при этом всё время смеялись».

Некоторые заключённые рассказывают, что не слышали патрулирующих охранников, потому что у дверей в подвале либо лежал ковёр, либо солдаты носили валенки.

Большинство женщин подчёркивают корректное поведение охранников и тот факт, что охранники их не били. Однако случаи сексуальных домогательств были, но женщины, опрошенные нами, были в состоянии от них защититься.

«В нашей камере была печь, которую дежурный использовал очень редко. Открывал он её только дважды. После второго раза он мне сказал: "У тебя красивая фигура!". Я ответила: "Ты идиот". Потом он больше никогда не зажигал огонь».¹³⁸

Эдит Виршин вспоминает об одном эпизоде, когда однажды вечером трое совершенно пьяных офицеров пришли к ней в камеру и заставляли раздеваться. От страха по всему её телу появились синие пятна. Тогда офицеры спросили, не больна ли она, на что она ответила: «Да, очень больна». Офицеры выругались, но в конечном итоге оставили её в покое.

Многие заключённые считают время пребывания в следственном изоляторе НКВД в Нойер Гартен самой плохой частью их заключения, самым тяжёлым временем их жизни: бездействие днём, неопределённость дальнейшей судьбы, голод и холод, ночные допросы и лишение сна определяли жизнь заключённых на Ляйстиковштрассе. Не удивительно, что некоторые заключённые рассматривали начало лагерной жизни в Сибири как облегчение: «Я была рад, что пытка наконец закончилась. О лагерях уже рассказывали, это могло быть не так плохо. И уж точно это было не так плохо, как тюрьма, подвал».¹³⁹

¹³⁸ Из интервью с Герой Мюллер.

¹³⁹ Из интервью с Марией Фрикер.

Андреас Декер (Andreas Decker)

Из Потсдама в Воркуту: другие места заключения и жизнь после ареста

«Я поехал в Советский Союз не по своей воле. Моим бюро путешествий был не Интурист, а МГБ – Министерство государственной безопасности – уточню для тех, кому понятие Интурист более знакомо. МГБ гораздо дешевле. Я проехал тысячи километров, не заплатив ни копейки. Кто хочет узнать Советский Союз, какой он на самом деле, должен организовывать своё путешествие через МГБ, а не через Интурист, который возит своих гостей всё время по одному и тому же скучному маршруту Ленинград-Москва-Сталинград-Крым».¹⁴⁰ (Йозеф Шольмер)

Одиссея по лагерям и тюрьмам

Для осуждённых военными трибуналами следственный изолятор Потсдам-Нойер Гартен был промежуточной станцией. После приговора их депортировали для отбывания наказания в различные лагеря и тюрьмы на территории СОЗ/ГДР и в Советском Союзе. Некоторые оставались всё время в одном месте, в то время как другим предстояла одиссея по многочисленным местам заключения. Здесь возникает вопрос, можно ли проследить некую системную логику депортаций (зависимость её от пола, возраста или тяжести наказания), основываясь на судьбах 28 бывших заключённых, с которыми мы провели интервью?

Неясно, отличалось ли отношение к мужчинам и женщинам, пока они отбывали наказание. Если заключённые оставались в СОЗ/ГДР, то женщин с начала 1950 года помещали отдельно от мужчин в тюрьме Хоенек. В Советском Союзе женщины частично работали в тех же лагерях, что и мужчины, выполняя другую работу.

¹⁴⁰ Scholmer 1954: 564.

На основе опросов всё же не удалось установить внутреннюю логику: кто, куда, почему и на какой срок был депортирован. До сегодняшнего дня приказы советских органов, относящиеся к приговорённым по статье 58, недоступны исследователям. Постановление №2728-1124, принятое Советом Министров СССР 23 декабря 1946 года, «О вывозе из Германии немцев, содержащихся в тюрьмах и лагерях» может что-то объяснить, однако оно относится не только к категории заключённых, приговорённых советскими военными трибуналами, о которых шла речь в этой книге.¹⁴¹ В соответствии с этим постановлением, генерал-полковник и руководитель МГБ в советской оккупационной зоне И.А. Серов приказал в течение двух месяцев заключить 27 500 физически здоровых немецких мужчин в лагеря и тюрьмы МВД в советской зоне оккупации и выслать их в Советский Союз. Там их должны были использовать для добычи угля и постройки электростанции. В качестве компенсации, такое же количество больных немецких заключённых и интернированных должно было вернуться из Советского Союза обратно в Германию. Обмен должен был произойти между 15 января и 1 марта 1947 года. Однако в этот период ни один из наших респондентов не был депортирован в Советский Союз. Примечательно, что всех приговорённых с начала 1949 года депортировали в лагеря Советского Союза.

В октябре 1949 года первое правительство ГДР даже призывало к депортации всех осуждённых советскими военными трибуналами до 1949 года в трудовые лагеря Советского Союза, что Сталин, однако, отклонил. Вместо этого заключённые, остававшиеся в ГДР в начале 1950 года, оставались в уголовно-правовой системе ГДР. Однако, как свидетельствуют судьбы наших опрошенных, заключённых и дальше отправляли в Советский Союз.

Советская практика депортаций в последующие годы была, видимо, настолько успешной, что в феврале 1953 года готовилось новое постановление Совета Министров. Им предусматривалось возведение ещё четырёх специальных лагерей в советской автономной республике Коми, Казахстане и Иркутской области для заключения немцев, австрийцев и других иностранцев, осуждённых советскими военными трибуналами в

¹⁴¹ Опубликовано в: Mironenko/Niethammer/von Plato 1989, Bd. 2: 268-270. Для выполнения этого постановления министр внутренних дел Круглов издал 26.12.1946 г. приказ № 001196 «О переводе 27 500 немцев из спецлагерей и тюрем МВД из Германии». См. там же: 270-275.

Германии и Австрии. Это постановление, однако, не было принято в свете изменившейся ситуации после смерти Сталина.¹⁴²

Из 28 опрошенных нами бывших заключённых тюрьмы на Ляйстиковштрассе девять отбывали срок исключительно в тюрьмах и лагерях в границах СОЗ/ГДР, двенадцать – сначала там же, а затем в Советском Союзе, семерых из тюрьмы на Ляйстиковштрассе сразу выслали в Советский Союз. В этой части книги мы попытаемся кратко рассказать о впечатлениях и пережитом нашими респондентами, отправленными по отдельности в лагеря и тюрьмы в ГДР и в Советском Союзе. Эти рассказы дают лишь отрывочное представление об общей картине.

Заксенхаузен

В соответствии с решениями МГБ, только приговорённые к 15 годам отправлялись в Заксенхаузен, а приговорённые к 25 годам мужчины отправлялись в Баутцен.¹⁴³ Имеющиеся примеры это подтверждают. В общей сложности десятеро из опрошенных нами заключённых провели часть своего заключения в специальном лагере №7 (с августа 1948: №1) НКВД/МВД в Заксенхаузене под Ораниенбургом. Три женщины оставались там почти два года и в 1950 году их перевели в только построенную тюрьму Хоенек. Остальные семеро заключённых провели там несколько месяцев и потом были транспортированы в Советский Союз, так что для них Заксенхаузен стал транзитным лагерем.

Среди респондентов, получивших приговор 25 лет и находившихся в Заксенхаузене, речь идёт о тех, кого недавно депортировали оттуда в Советский Союз. Ханс-Рудольф Вернер (Hans-Rudolf Werner) знал, что его повезут в русское Заполярье: «Был ли это лагерь для русских (для заключённых, которых должны были депортировать в Советский Союз), или это бывший концлагерь, я не знаю. В противоположность баракам, это было кирпичное здание, массивное, серьёзное тюремное строение.¹⁴⁴ Там никто ничего не хотел о вас знать, но вам ясно давали понять, что однажды вы будете есть белых медведей».

¹⁴² Примечание Вениамина Иофе (НИЦ «Мемориал»).

¹⁴³ Prieß 1998: 386.

¹⁴⁴ Судя по этому описанию, Вернер имеет в виду блок камер в Заксенхаузене.

Бывший нацистский концлагерь Заксенхаузен при советском режиме был поделён на три зоны: передняя зона для администрации и мастерских, зона I. с деревянными бараками для заключённых без вынесенных приговоров, а также зона II. с небольшими каменными домами для военнопленных, солдат Армии Власова, репатриированных поляков и советских «остарбайтеров», а с лета 1946 года – прежде всего для приговорённых советскими военными трибуналами, которые поступали из тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен.¹⁴⁵ Герда Мюллер (Gerda Müller) все ещё хорошо помнит эту классификацию: «В первой зоне вы могли работать, а во второй нет. Там вы просто сидели и ждали, от одного приёма пищи до другого. Там все были больны. Вторая зона, это был лагерь туберкулёзников, там все умирали, как мухи. Пищу готовили в первой зоне, а потом приносили во вторую и там распределяли. (...) Мы, женщины, пытались не опуститься, даже если носили кучу песка из одного угла в другой. Мы пытались себя хоть чем-то занять».

Летом 1948 года, после отсылки 5000 интернированных, всех женщин перевели из зоны II. в зону I.

Йоханнес О. считает, что в сравнении с тюрьмой на Ляйстиковштрассе условия в Заксенхаузене были лучше. Он мог регулярно принимать душ и менять бельё. Однако в лагере Заксенхаузен заключённым также были запрещены контакты с семьями.

Хоенек

Три респондентки, которых не депортировали в Советский Союз, были заключены в специальный лагерь Заксенхаузен, вплоть до его закрытия в феврале 1950 года. Тогда их перевезли в женскую тюрьму Хоенек на поездах – всё в тех же платьях, которые были на них в момент задержания. В это же время охранники были в меховых куртках.¹⁴⁶

¹⁴⁵ См. Prieß 1998: 386. Военнопленные вернулись из плена западных союзников в свои дома в СОЗ, но вскоре были отправлены в лагерь Заксенхаузен, а оттуда – в лагерь Советского Союза. Так называемых «остарбайтеров» из Советского Союза насильственно принуждали трудиться ещё в Германии во время Второй мировой войны, и в Советском Союзе их считали предателями родины. Многие из них затем прошли ГУЛАГ.

¹⁴⁶ См. Matz-Donath 1995: 468.

Крепость Хоенек, расположенную выше саксонского Штольберга, тюремные сотрудники никак не подготовили для приёма почти тысячи женщин: «В Хоенеке они просто схватились за головы. Мы приехали на поезде из Заксенхаузена в Хоенек. Русские их обманули. Когда мы приехали в Хоенек, нас было, думаю, больше 600. Там совсем ничего не было устроено в Хоенеке. Они не знали, что был вагон с мамами и маленькими детьми, потому что в Заксенхаузене у многих родились дети. Этого ничего они не знали. У них не было спальных мест, нас отвели в столовую, в церковь и везде положили солому на пол, и мы спали на соломе. Якобы, у русских был целый вагон с провизией для нас, но это было неправдой».¹⁴⁷

По словам Герды Мюллер, ситуация с продовольствием была катастрофичной. Она рассказывает, что ела траву и выжила только благодаря регулярным посылкам семьи, с которой ей, наконец, разрешили связаться из Хоенека.

Из воспоминаний Герды Мюллер можно сделать вывод, что приказ стрелять в Хоенеке воспринимался серьёзно: «Когда мы приехали в Хоенек, мы должны были находиться в двух метрах от окна. Одна из нас подошла к окну – зачем, я не знаю, может, хотела его открыть? И тут как затрещало! По стене здания снаружи. (...) Она отпрыгнула. Потом открылась дверь, вошли постовые с карабинами и охранный персонал, и сказали: "Кто был сейчас у окна, выходи вперёд!". Она не вышла. Я бы тоже этого не сделала. (...) Тогда они сказали: "Хорошо, задрать юбки!". Мы должны были задрать платья, и он сказал: "Вот эта. У неё была красная нижняя юбка". И он рассмотрел это со своего поста, хотя там в Хоенеке были только скворечники, где сидели наружные постовые».

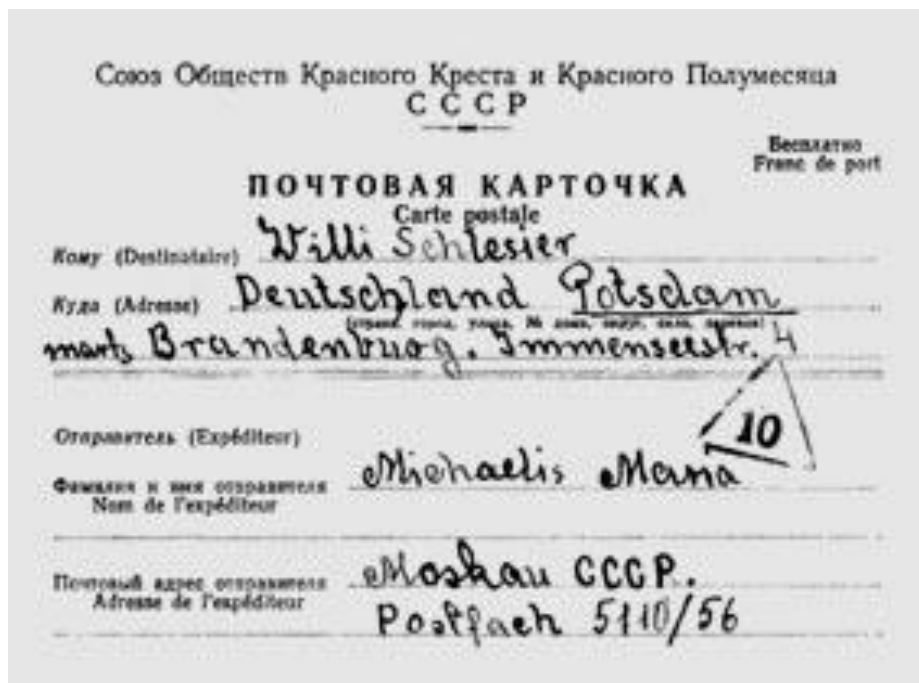
В 1953 году Герда Мюллер приняла участие в недельной голодовке, начатой, когда стало известно об освобождении заключённых со сравнительно высокими сроками в Советском Союзе. Вероятно, эта голодовка послужила причиной того, что её срок сократили с 15 до 10 лет. Однако если Эдит Виршин уже в 1954 году вышла на свободу, Герда Мюллер освободилась только в канун нового 1955 года, якобы из-за конфликта с надзирателями, которые обвиняли её в «отсутствии классового сознания»: «Вы дочь трудового класса, а имеете взгляды как у капита-

¹⁴⁷ Из интервью с Эдит Виршин.

листа". Я сказала: "Знаете, что: молодёжь, которую вы осыпаете сахаром, и пожилые люди, которые получают, тогда это было 200 марок пенсии в месяц. (...). Старики могут подохнуть – они, проработавшие всю жизнь". И из-за этого они решили, что у меня были взгляды капиталиста».

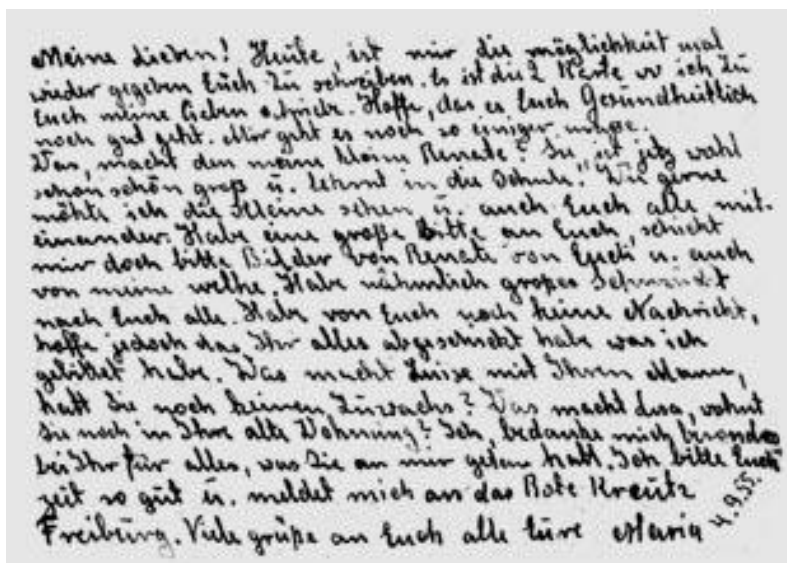
Баутцен

Опрошенные бывшие заключённые-мужчины, которых не депортировали в Советский Союз, были отправлены в спецлагерь №4 (с января 1948: №3) НКВД/МВД в Баутцене – в тюрьму, которую описывали как «жёлтая нищета».¹⁴⁸ В марте 1950 она была передана в компетенцию Министерства внутренних дел ГДР.¹⁴⁹

¹⁴⁸ В этом спецлагере были заключены и женщины, в том числе одна из наших респонденток.

¹⁴⁹ Официальный роспуск советского спецлагеря № 3 состоялся 20.3.1950 г., см. Naritonow 1998: 346.

Почтовая карточка Красного креста, которую Марии Фрикер было позволено отправить домой (1955)

Вольфганг Беккер (Wolfgang Becker) описывает жестокость местных советских и с 1950 года немецких надзирателей. Сразу по прибытии в Сочельник 1947 года его избили: «Большое помещение было абсолютно пустым. Мы должны были полностью раздеться, встать лицом к стене, поднять руки вверх, и получить первые удары от примерно шестерых солдат».

Во время подавления мятежа арестантов в 1950¹⁵⁰ году полицейские ГДР разбили ему череп, причинив до сих пор видимые повреждения. Йоахим Ланге рассказывает также о столкновениях заключённых между собой. Особенно в две недели между выводом советского охранного персонала и полной передачи тюрьмы Баутцен народной полиции ГДР, когда он и другие мстили в подвале доносчикам.

Качественное различие между отбыванием приговора при советском режиме и при ГДР опрошенные заключённые видели, прежде всего, в том, что при ГДР можно было установить связь с родственниками. Как Вольфганг Беккер, так и Вернер Донат вспоминают, что до 1950 года им было позволено отправить семье только одну открытку без обратного адреса

¹⁵⁰ Сразу после передачи ГДР в стране вспыхнули два жестоких восстания против тюремного режима – 13 и 31 марта 1950 года. Они были жестоко подавлены – см. Bautzen-Komitee 1997: 11.

– «признак жизни». ¹⁵¹ После передачи тюрьмы в компетенцию ГДР были разрешены письма и посылки от семьи.

Когда в 1951 году умерла мать Вольфганга Беккера, его отец обращался к руководству тюрьмы с просьбой разрешить Вольфгангу посетить похороны в Брауншвейге. Эта просьба, однако, была отклонена.

В 1950 году заключённым выдали новую одежду; их перевели из камер по четыре человека в большое помещение до 400 человек, ¹⁵² что, конечно, облегчило общение между заключёнными. Йоахим Лангес так оценивает тогдашние перемены в условиях содержания: «Тюрьма при немцах была клинически чистой, корректной, совершенно немецкой».

Не все заключённые советских специальных лагерей были переведены в тюрьмы ГДР. Некоторых осуждённых были освободили, других депортировали в Советский Союз, с промежуточным пребыванием в других тюрьмах, к примеру, в «Красном быке» в Галле, как рассказывает один из опрошенных.

Этапы

Транспортировку в Советский Союз многие заключённые помнят очень хорошо.

О том, получили ли они перед транспортировкой в Советский Союз новую одежду, опрошенные заключённые дают разные сведения. Кристина Шмидт-Кенше, которая непосредственно до отъезда в 1949 году находилась на Ляйстиковштрассе, подчёркивает, что её увезли в том же самом платье, которое было на ней в день ареста.

Напротив, члены так называемой «группы Тешнера», например, Йоханнес О., рассказывают, что они получили «жёлтые и ярко-красные рубахи как своего рода униформу, меховую шапку и пальто».

Заключённых отвозили в грузовиках на вокзал Потсдам-Вильдпарк или на Силезский вокзал (сегодня Восточный вокзал) в Берлине и закрывали

¹⁵¹ Эти воспоминания расходятся с записями, согласно которым с апреля по декабрь 1949 года разрешалось одно письмо в квартал. См. Haritonow 1998: 341.

¹⁵² Из воспоминаний опрошенных.

в вагонах. В случае Петера Зееле (1952) речь шла о почтовых вагонах с матовыми стёклами. Карл Хеберляйн описывает вагон, в котором он (также в 1952 году) был вывезен, так: «На вокзале Вильдпарк нас погрузили в поезд-экспресс. С одной стороны был проход, с другой – отделения, где всё время сидело по 8 человек. Двери были заблокированы. Немецкие вагоны, мы ехали по немецким рельсам до Брест-Литовска. Поэтому люди удивились там, в ремонтной мастерской в Эберсвальде, тому, что эти вагоны были перестроены для транспортировки в Россию. Кто-то мне рассказывал, кто их перестраивал: "Нас всё время удивляло, почему мы делаем здесь тюремные вагоны?" Потому что снаружи это выглядело так, как должно быть».

В случае Клауса Хофмана, в купе были приделаны разделительные доски и другие дополнительные кровати на стенах. В общей сложности там было заперто 23 человека. Когда однажды его не пустили в туалет, он справил нужду прямо возле входа. В качестве наказания он был заключён в вагон-карцер. Мыться было нельзя.¹⁵³

Ханс-Рудольф Вернер также вспоминает очень некомфортные условия перевозки (1949 год): «В старых грузовых вагонах было забито по 80 человек. Не только 80 человек смогли туда вместиться, но им даже удалось так сделать, чтобы 80 человек столпились на одной стороне, в то время как они делали пересчёт. На каждой остановке поезда они стучали большими молотками по внешней обшивке вагонов. Это как с чашей, если там дырка, она больше не звенит, так же и с вагонами. Деревянными молотками они простукивали, не разрушаются ли планки или нет ли дыры, через которую кто-нибудь мог бы вылезть. И при пересчёте заставляли людей стать с одной стороны вагона, внутри. И потом считали с одного конца на другой, все ли на месте. В общем, невозможно представить, как 80 человек, которым и так не хватает места, могут ещё встать с одной стороны... Там люди давили и ломали себе кости, и что я ещё знаю, это было ужасно, совершенно ужасно».

Карл Хеберляйн вспоминает, что вагоны с заключёнными прицепляли к обычным плановым поездам, и как на вокзале были слышны берлинские электрички: «Там, на Силезском вокзале, мы стояли достаточно долго и

¹⁵³ Из последующего интервью.

всё время слышали, как гудят городские электрички, ехавшие на озеро Ванзее... это было тяжело».¹⁵⁴

Ханс Вальтер и Карл Хеберляйн вспоминают, что в 1949 году их депортировали вместе с советскими заключёнными. Чаще всего поезда проходила через Брест-Литовск, потом через Оршу или Гомель (Беларусь) в Москву, где заключённых, но не всех, несколько недель держали в различных тюрьмах, в том числе в штаб-квартире МГБ на Лубянке.

Воркута¹⁵⁵

Дальнейшие этапные тюрьмы вели многих заключённых до трудового лагеря в Автономной Социалистической Советской Республике Коми на северо-востоке европейской части Советского Союза. Одиннадцать наших респондентов отправили в Воркуту, пятерых – в Инту, троих – в Абезь, а некоторые из них побывали в двух из названных мест.¹⁵⁶

Мужчины работали преимущественно в угольной промышленности. Как и многих других немцев, Хорста Шефуса и Герхарда Пенцеля распределили в 40-ю шахту в Воркуте. Женщин чаще всего водили на работы вне лагеря.¹⁵⁷

Учитывая климатические условия, выданная одежда была явно неподходящей: «Мы получили одежду, но это были настолько гнилые вещи, только старые бушлаты (ватные куртки) и старые хлопчатобумажные вещи, просто чтобы можно было в принципе выжить. Иначе человек бы вообще не пережил этот холод. Пара гнилых валенок, старые портянки, ничего, что можно носить.

¹⁵⁴ Из интервью с Карлом Хеберляйном.

¹⁵⁵ В рамках этой работы невозможно дать исчерпывающее описание советских исправительных лагерей и сослаться на обширную вторичную литературу. Ниже приводятся подробные воспоминания двух заключённых: Scholmer 1912 и в сжатом виде: Scholmer 1954, а также Schüler 1993.

¹⁵⁶ Ирмфрида Кермеса и Марию Фрикер отправили в другой регион, в лагерь Тайшет в Сибири. Госпожа Фрикер работала там на ремонте Транссибирской магистрали.

¹⁵⁷ Однако, Урсула Шульц подчёркивает, что женщины также могли работать в шахтах.

Карта службы поиска ГДР (Места заключений и тюрьмы СССР, из которых писали немецкие заключённые)

Набросок расположения лагеря в Воркуте, созданный обществом «Мемориал» (Воркута)

Десять градусов мороза, это было для нас уже... Ташкент, мы всегда это называли, "ох, сегодня Ташкент, тёплое солнце". Когда светило солнце, это было для нас прямо лето, потому что всё время этих восьми месяцев зимы температура там минус 50-55 градусов. И ещё ветер, это самое худшее. Короче, минус десять градусов были для нас облегчением». ¹⁵⁸

У другого бывшего заключённого двойственные воспоминания об этом времени: «Я до сих пор не знаю, почему я попал в режимный лагерь, ¹⁵⁹ а остальные нет. Те, с кем я общался, в 4-й и 12-й шахте, они держались очень обычно. Мы – люди, мы все считали время. Мне уже всё равно, я выжил. Это была хорошая школа. Просто можно было обойтись без неё». ¹⁶⁰

Печально известные «блатные» – уголовные заключённые, чья жёсткая самоорганизация и жестокость определяют лагерный порядок, – упоминались некоторыми опрошенными.

Отношение к представителям других национальностей, к полякам, эстонцам, латышам, по словам Петера Зееля было хорошим. Немцы с евреями создавали своего рода «защитные сообщества», как рассказывает Герхард Пенцель), потому что и те, и другие оказались, ненавидимые русскими, в самом низу лагерной иерархии. Пенцель добавляет, что русские, снова приговорённые к принудительным работам как бывшие «остарбайтеры», ¹⁶¹ обвиняли немцев в том, что их поражение вернуло русских в руки Сталина: «Если бы вы не проиграли войну, мы бы сейчас здесь не сидели».

В начале 1953 года охранники сообщили заключённым, что они могут писать домой: «Немцы написали письма, они все поверили. Я даже ручку в руки не взял. И через два-три месяца выяснилось, что где-то в бараке чекистов между окнами стоял пакет со всеми письмами, чтобы не пропускать холод, как изоляционный материал. Потом, после смерти

¹⁵⁸ Из интервью с Хансом-Рудольфом Вернером.

¹⁵⁹ Имеется в виду лагерь строгого режима.

¹⁶⁰ Этот заключённый – уникальный случай, поскольку он хотел бы остаться в Воркуте, так как в лагере у него появился круг друзей. После освобождения он даже пытался вернуться в Воркуту из Германии, но всё же в конце концов оставил эту идею.

¹⁶¹ См. прим. 211.

Сталина в марте 1953 году, мы получили подписанные двусторонние открытки Красного Креста,¹⁶² которые мы могли отправить. Я снова сначала не писал, потому что сказал себе, они опять исчезнут. От русских всего можно было ожидать. А потом прибыли первые посылки».¹⁶³

После смерти Сталина положение немецких заключённых значительно улучшилось. Благодаря посылкам родственником они смогли заботиться о себе, помогать менее обеспеченным товарищам по несчастью или даже наладить торговлю. Так Петер Зееле подкупал медсестру в лазарете кофе, сигаретами и консервами, чтобы получить пенициллин от пневмонии. В целом, медицинское обслуживание бывшие заключённые описывают как сносное, хотя некоторые рассказывают о дизентерии, гепатите, тифе и цинге с потерей зубов.

О том, изменилась ли после смерти Сталина ситуация с принудительными работами, сведения противоречивые. Некоторые бывшие заключённые подчёркивают, что они свободно перемещались по лагерю и не обязаны были работать. Петер Зееле объясняет, что он работал по собственному желанию, потому что в шахте было теплее, чем на поверхности.

В конце июля 1953 года в Воркуте прошла большая забастовка, после которой надежды заключённых на скорое освобождение растаяли. Несколько дней солдаты терпели, но затем жёстко подавили восстание¹⁶⁴. Один из респондентов вспоминает: «Мы сразу сказали, мы не работаем. Мы идём в БУР.¹⁶⁵ Через несколько минут, конечно, пришёл дежурный и забрал нас. "Как вас зовут? Пойдёмте". Мы свернули наши покрывала и пошли в БУР, в карцер. Там было меньше еды и так далее. В помещении, длинном помещении, нас там сидело 30, 35, 40 человек. Сначала мы получили три дня и потом нас выпустили. На следующий день мы снова должны были идти на работу, но мы не пошли. Тогда снова пришёл дежурный и сказал: "Идёмте в карцер". И мы снова пошли в БУР».

¹⁶² Одна половина открытки отрывалась родственниками и отправлялась обратно в лагерь.

¹⁶³ Из интервью с Карлом Хеберляйном.

¹⁶⁴ См. Scholmer 1954.

¹⁶⁵ БУР – барак усиленного режима.

Пересыльный лагерь как подготовка к освобождению

Уже весной 1953 года вступили в силу первые амнистии. Некоторые из опрошенных заключённых были переведены в пересыльный лагерь Тапиау под Калининградом (бывший Кёнигсберг).

«Я думаю, там было несколько тысяч немцев, по крайней мере, очень много. Так много в одном месте я ещё никогда не видел. Прежде всего, там я впервые снова увидел женщин, потому что за всё время мы, конечно же, не видели ни одной. И вдруг немецкие женщины! Которые тоже были арестованы, они их вернули назад. Там они ещё держали нас отдельно. В общем... мы перебрасывали безумные любовные письма через стены... Это было сумасшествие».¹⁶⁶

Предположительно по причине восстания 17 июня 1953 года в ГДР, дальнейший этап из Тапиау задержали. Респонденты рассказывают о перестрелке в лагере. Вследствие этого с женщинами обращались по-другому, чем с мужчинами. Кристину Шмидт-Кенше и Урсулу Шольц выпустили в ГДР в конце 1953 года. Вольфганг Вольрабе и Ханс-Рудольф Вернер попали в лагерь в посёлке Потьма (Мордовия) до амнистии после визита в Москву канцлера ФРГ Аденауэра в сентябре 1955 года.

Для других респондентов освобождение происходило постепенно, главным образом через лагерь Сухобезводное¹⁶⁷ (около Горького, сегодня – Нижний Новгород). Немцы сами поддерживали функционирование лагеря, готовили пищу, но, по словам Герхарда Пенцеля и Ханса Вальтера, не выполняли больше никаких принудительных работ. В противоположность трудовым лагерям, здесь уже не было заключённых других национальностей. Вальтер был в относительно хорошей физической форме и взял на себя обязанность заботиться о товарищах по несчастью, более слабых физически или психически: «Нашей задачей было: привезти всех настолько здоровыми, насколько это возможно, или в том же состоянии, в каком они были, домой. Это уже значило многое».

¹⁶⁶ Из интервью с Хансом-Рудольфом Вернером.

¹⁶⁷ Название лагеря говорит само за себя: источники воды в районе этого лагеря, расположенного в лесу, были очень скудны.

В сборном лагере заключённые играли в футбол и в 1955 году слушали передачу международного матча СССР-ФРГ по радио. Пенцель добавляет: «И когда стали играть немецкий национальный гимн, мы поняли, что наше заключение позади, и стали плакать».

Футбол в лагере Сухобезводное, 1955 г.

Освобождение куда?

Опрошенные нами бывшие заключённые, как уже упоминалось, были освобождены между 1950 и 1960 годом, большинство в 1955 году. Выпущенный только в 1960 году Йоханнес О. после своего возвращения из Советского Союза в 1955 году ещё на пять лет был заключён в тюрьму Баутцен в Бранденбурге как «социально опасный элемент». Как проходило освобождение? Сообщались ли заключённым причины их преждевременного освобождения? С какими трудностями они столкнулись, когда попробовали перебраться в Западную Германию?

Большинству причины освобождения лично не сообщали. По существу эти причины следует искать в изменении отношений между Советским Союзом и обоими немецкими государствами. Уже на конференции министров иностранных дел союзников в январе 1954 года в Берлине советская делегация объявила об освобождении приговорённых советскими военными трибуналами.

Как видно из секретного письма министра иностранных дел Молотова в Центральный комитет КПСС от 30.09.1954 года, президент ГДР Вильгельм Пик, учитывая частые просьбы от родственников заключённых, просил освободить часть заключённых к пятой годовщине ГДР, особенно тех, кого уже прежде вернули из Советского Союза. По этому поводу президиум Центрального комитета 5.10.1954 года принял решение передать 5628 восточногерманских заключённых, осуждённых советскими военными трибуналами, в компетенцию правительства ГДР. Одновременно требовалось создать комиссию из трёх советских генералов, которые бы рассматривали дела, предложенные для амнистии и подготовленные компетентными немецкими органами. Это решение было опубликовано в прессе ГДР.¹⁶⁸ Хотя приговорённые советскими военными трибуналами в ГДР уже четыре года находились в тюрьмах ГДР, советское руководство всё ещё оставляло за собой право на решение об их освобождении или амнистии. Очевидно, однако, что с 1950 года советские органы уже не имели сведений о датах освобождения, поскольку на выданных Российской Федерацией свидетельствах о реабилитации как в случае Германа Шлютера, освобождённого в 1950 году, так и в случае Вольфганга Беккера, выпущенного в 1956 году, отсутствует информация о дне освобождения.

Волна освобождений приговорённых советскими военными трибуналами из советских лагерей в 1955 году, которая касалась последних немецких военнопленных в Советском Союзе (почти 10 000 человек), стала возможной благодаря государственному визиту в сентябре 1955 года канцлера ФРГ Конрада Аденауэра в Москву и установлению дипломатических отношений между Федеративной Республикой Германии и Советским Союзом. В наших интервью значение этих событий особо подчёркнуто.

Трое из заключённых ГДР, с которыми мы беседовали, были полностью освобождены в 1954-1956 годах по амнистии президента ГДР Вильгельма Пика; другие рассказывают, что были помилованы непосредственно в Советском Союзе. Вольфганг Беккер узнал только из своего досье в МГБ, что его срок был сначала (в 1955 году) снижен с 25 до 12 лет «по причине помилования»; его освобождение в 1956 году, спустя девять лет заключения, было допущено на условии трёх лет условно. По

¹⁶⁸ См. Mironenko/Niethammer/von Plato 1998, Bd. 2: 385-387.

собственному желанию он отправился в ФРГ сразу после того как отказался от гражданства ГДР, квартиры и «хорошей работы».¹⁶⁹

Свидетельство об освобождении Вольфганга Беккера

У Йоахима Ланге, арестованного в 15 лет и освобождённого, когда ему было почти 24 года, были смешанные чувства, когда он покидал тюрьму Баутцен: «Баутцен стал, если хотите, моим домом. Представьте себе, в день, когда я его покинул, перед воротами Баутцена я сделал стойку на руках. Я неохотно это говорю: я плакал, как щенок. Стоял там перед дверьми, один. Моё помилование ГДР было очень личным, поскольку моя мать была сильно больна. Я плакал. Баутцен стал моей семьёй, там были мои друзья, там я вырос. Мне было страшно. Если хотите, Баутцен стал моим родным домом, там были очень доверительные отношения. Я не знаю, удаётся ли человеку на протяжении жизни построить такие доверительные отношения со своей женой...».

Вне зависимости от того, каким советским трибуналом они были осуждены, освобождение всегда проходило по одному принципу: заключённые с местом жительства в ФРГ освобождались в приграничном транзитном лагере Фридланд; заключённые с местом жительства в ГДР

¹⁶⁹ Из интервью с Фольфгангом Бекером.

должны были, хотя бы они этого или нет, туда вернуться. Некоторым однако удавалось аргументировать своё переселение или им просто повезло попасть в Западную Германию, как они и хотели. Ханс Вальтер рассказывает: «Причина была в том, что я сказал себе: профессионально в ГДР с судимостью у тебя нет шансов. Это казалось правильным. Тогда меня (в Фюрстенвальде под Берлином) позвали – как на Ляйстиковштрассе – в 22 часа в зал, где стояло четыре стола. Я был не единственным, там было много людей, которые говорили: "Я не останусь в ГДР, я хочу во Фридлинд". Там сидело трое сотрудников штази. Они пытались обрабатывать меня до двух часов ночи. Доходило даже до того, что они вызвали жену одного из заключённых, который тоже не хотел освобождаться в ГДР, чтобы она повлияла на своего мужа, чтобы он там остался.

Я был на грани нервного срыва, и я сказал себе: "Сейчас ты должен что-то придумать". И тогда я сказал тем людям: "Знаете, вот что я вам скажу: Я говорил с генералом таким-то, главой комиссии по репатриации из Москвы, и с генералом таким-то и таким-то. С советской стороны, со стороны советской администрации мне было сказано, что я амнистирован, что я свободный немецкий гражданин, а вы пытаетесь принудить меня жить в ГДР, чего я не хочу. Если вы принуждаете меня жить в пределах ГДР, я немедленно пишу жалобу в Верховный суд СССР". Мои собеседники были ошеломлены такими словами. Один, наконец, сказал: "Мы сообщим командующему лагерем. Спокойной ночи, господин Вальтер!" На следующее утро я был в желанном списке, и нас на автобусах повезли во Фридлинд».

Для Ханса-Рудольфа Вернера освобождение прошло не так, как он бы того хотел: «Там во Франкфурте-на-Одере надо было сказать, где ты хотел бы быть освобождён. Поскольку у меня не было родственников или знакомых в Западной Германии, я испугался. Если ты в тот момент говоришь "Западная Германия", а они знают, что у тебя там никого нет, они задержат тебя снова. Так что лучше сказать правду, что ты из Восточной Германии.

Во Франкфурте-на-Одере они собирали поезда и сортировали, какие в Западную Германию, какие в Восточную. Так что, я подумал, ты просто прыгнешь в "западный поезд". Но они не пустили поезда просто так. Они тысячу раз пересчитывали, и нас всё время было на два человека больше. Так что мне пришлось вылезти пересесть обратно на "восточный поезд". Таким образом я приехал в Галле. Там, конечно, мне всюду отказывали,

я не смог дальше учиться. Все отказывали, как только ты говорил, откуда приехал... Потом, 11 ноября 1955 года я бежал через Берлин сюда, в южную Германию.

В то время можно было проехать с Фридрихштрассе на электричке. Хотя их тоже проверяли, но не так, как позже, когда стена появилась. Так что было существенно легче проскользнуть».

Некоторым другим также удавалось бежать через Западный Берлин в ФРГ. Как и Вернер, Эдит Виршин решилась на побег вместе со своим сыном, который рос у её свекрови, пока она была в заключении. Её муж за это время с ней развёлся и жил с другой женщиной в Киле.

VG 22 ^{11/11/55}
13 383
Grenzdurchgangslager
Friedland Nr.: 408

Vermerk

Herr Hoffmann Vorname: Klaus, Otto
geb. am 20.1.34 in Beckla-Murbela Kreis _____
traf heute im einen geschlossenen Transport aus Russland
in Grenzdurchgangslager Friedland ein.
Er (sie) dürfte nach Auffassung der Lagerleitung Leistungen nach dem
Gesetz über Hilfsmaßnahmen für Personen, die aus politischen Gründen
in Gebieten außerhalb der Bundesrepublik Deutschland und Berlins (West)
in Gewahrsam genommen wurden, vom 8. August 1955 (Häftlingshilfegesetz)
erhalten.
Nach seinen (ihren) Angaben
wurde er (sie) am 16.10.55 interniert,
am 16.10.55 entlassen.
~~Über Befund:~~ *Friedland ist ein Transitlager
Maf. d. Bundeswehr - gem. J. B. 209 - Dienstverf.
Später 20.11.55 - Fortland nach Lagerleitung
Blut zur Elektrophorese entnommen
Es wurden ausgezahlt:
1. Begrüßungsgeld der Bundesregierung in Höhe von 100,- M.
2. Entlassungsgeld in Höhe von 200,- M unter dem Vorbehalt
einer Rückzahlungspflicht für den Fall, das die Be-
scheinigung gemäß § 10 Abs. 4 des Häftlingshilfegeset-
zes von der zuständigen Behörde später vorzegt werden
müßte.
Er (sie) nimmt ständigen Aufenthalt in Beckla-Geiswathungen
(Kreis) Osterteich
(Straße und Nr.)*

Friedland bei Göttingen, den 11.10. 1955

  Lagerleiter. *n. Hoffmann*

Регистрация в пограничном транзитном лагере Фридланд

«Меня арестовали в Дрездене и в Дрездене же выпустили на свободу. Тогда у меня была только одна мысль: бежать из Дрездена. Я не хотела больше ничего иметь с русскими. С меня было достаточно. Но я хотела к своему ребёнку. Поэтому я подготовила побег. Меня выпустили в январе 1954 года, а в ночь с 3 на 4 апреля мы с сыном бежали в Берлин. Моя свекровь, жившая в Дрездене, не должна была ничего знать, потому что ребёнок жил с ней все 7 лет моего заключения, и вы можете себе представить, что меня он не помнил, я была для него чужим человеком. Это все было катастрофой».

Только шестеро наших респондентов остались в ГДР навсегда.

Герда Мюллер не могла больше оставаться в Стендале, чувствуя себя там чужой, изгоем в родном городе. Хуже всего было на предписанной ей работе, где она столкнулась с трудностями: «Уже через четыре дня я должна была выйти на работу, сначала в бюро по трудоустройству, затем на работу – в государственном торговом объединении, отделе по торговле промтоварами. Директор мне сказал, что я не имею права говорить, откуда я и вообще не имею права разговаривать». Через месяц Мюллер сбежала в Западный Берлин и позже уехала в Мюнхен.

Вернувшись на родину и только приехавшим в ФРГ было необходимо время, чтобы адаптироваться. Вольфганг Беккер вспоминает: «Когда я приехал домой, мой брат взял отпуск на шесть недель за свой счёт – шесть недель, это факт – чтобы мы вместе гуляли по Брауншвайгу. Я был не в состоянии один ходить по улицам. Когда я в первый раз увидел патрульную машину, я спросил брата "Зачем у них синяя лампочка?". Всё было для меня новым, я шесть недель не мог один ходить по улицам, они бы меня переехали. Брат всё делал со мной, шесть недель, и тогда я медленно восстанавливался. Мне надо было сходить к социальным работникам и к врачам, и там всё снова рассказывать, и временами мне становилось очень, очень плохо. В социальной службе я расплакался, без остановки, было просто невозможно об этом рассказывать». Только когда он получил работу в большом универмаге, Беккеру удалось отстраниться от своего лагерного заключения.

Прошли десятилетия с тех пор, как приговорённые военными трибуналами были освобождены. Каждый прошёл свой путь в том или ином

немецком городе, каждый вынужден был жить вместе со всем своим невообразимым для большинства людей жизненным опытом. С какими проблемами они столкнулись, выстраивая свою новую жизнь? Как поступили они со своими воспоминаниями? Как проходит их жизнь теперь, через десять лет после падения Стены?

Жизнь после тюрьмы: профессиональная и личная

Вне зависимости от того, были ли бывшие заключённые выпущены в ФРГ, переметнулись туда или остались жить в ГДР, новое начало их профессиональной жизни было сложным. Многие до заключения ещё даже не успели начать образование либо были арестованы в процессе обучения¹⁷⁰. Для Ханса-Рудольфа Вернера и Герды Мюллер, освобождённых в ГДР, проблемы с учёбой или с работой послужили причиной их бегства в Западную Германию. За другими в ГДР велась слежка, как, к примеру, за Вернером Донатом, который после своего освобождения работал на железнодорожном вокзале.

«Мне не ставили палки в колеса, но за мной постоянно наблюдали. У меня было даже свидетельство, что я "опасный элемент". Служба государственной безопасности ГДР постоянно контролировала...».

Другим опытом поделился Йоханнес О.: когда он писал заявление о приеме в Дрезденский университет и предоставлял полицейское свидетельство, его приговор и 12 лет лагерного заключения удивительным образом просто не всплыли.

В ФРГ большинству также пришлось старательно прокладывать свою профессиональную тропу. Ханс Вальтер, который в 1944 году из-за войны был вынужден прервать своё образование, до задержания работал в СОЗ в администрации Гёрлица. После освобождения восемь лет спустя в Бремене он снова пошёл на третий курс обучения, чтобы затем вновь начать службу.

В целом, однако, можно сказать, что профессиональное развитие опрошенных нами, хотя и медленно из-за многолетнего «простоя», всё же

¹⁷⁰ Только Вольфганг Вольрабе смог продолжить своё обучение в области гражданского строительства в Техническом университете Западного Берлина без особых проблем.

сложилось удовлетворительно. Руководящие посты заняли лишь немногие. Некоторые из женщин оставили работу, чтобы растить детей.

Большинство опрошенных рано или поздно снова вышли замуж или женились, в том числе те, чей супруг/чья супруга бросили их из-за тюрьмы. Часто новый супруг был из круга приятелей по заключению. Другие овдовели, некоторые развелись. Необычно сложилась судьба супругов О., которых арестовали влюблёнными и разлучили на семь лет – и которым по возвращению из Советского Союза пришлось ждать свадьбы ещё пять лет из-за продлённого заключения Йоханнеса О.

Признание заключения, финансовая компенсация и профессиональная реабилитация

Большинству опрошенных во время их заключения и принудительных работ был нанесён серьёзный вред здоровью, они заработали хронические заболевания печени, почек, позвоночника, также психологические травмы, такие как агорафобия, бессонница и кошмары. Некоторые в соответствии с законом ФРГ об обеспечении получают пенсию по инвалидности.

Бывших заключённых, проживающих в Федеративной Республике, уже в 1950-е годы в соответствии с частью 4 §10 Закона «О помощи бывшим заключённым» признали политическими заключёнными и выделили им финансовую компенсацию. Условием для компенсации по параграфу 10-4 было немецкое гражданство или этническая принадлежность, а также осуждение «по политическим мотивам, не признанным в свободной демократической системе». К ним относились также приговоры советских военных трибуналов, когда они были вынесены в СОЗ/ГДР для «создания и обслуживания коммунистической тирании».¹⁷¹

С момента вступления ГДР в Федеративную Республику те, кто остались в ГДР, и кому не возместили ущерб за их заключение, смогли получить соответствующее свидетельство и финансовую компенсацию.¹⁷² Только

¹⁷¹ Информационная брошюра „Strafrechtliche Rehabilitierung“, hg. vom Bundesministerium für Justiz, 1998: 19.

¹⁷² В соответствии с Законом о реабилитации преступников (1-й Закон об исправлении несправедливости SED) компенсация для них составляет с ноября 1992 года, 550 марок за месяц лишения свободы; 300 марок за месяц заключения для тех, кто

Рут К. уже в ГДР добилась того, чтобы годы заключения учитывали в начислении её пенсии.

Другой закон «Об урегулировании несправедливости» от июля 1994 года также подразумевает профессиональную реабилитацию приговорённых советскими военными трибуналами, которые из-за своего заключения столкнулись с трудностями (понижение на работе, увольнение, запрет на учёбу). Всё это должно учитываться при начислении пенсии. Условием для этого является всё тот же параграф 10-4.¹⁷³ Другими преимуществами, предусмотренными этим законом, такими как льготные субсидии для заинтересованных в профессиональном обучении, бывшие заключённые тюрьмы Ляйстиковштрассе воспользоваться сегодня уже не могут.

Реабилитация со стороны Российской Федерации

По упомянутому закону «Об урегулировании несправедливости» приговорённые советскими военными трибуналами не могут быть реабилитированы. Для этого они должны через МИД подать запрос к генеральному прокурору Российской Федерации как правопреемнику Советского Союза.

Половина наших респондентов в течение 1990-х годов получила реабилитацию от Российской Федерации. Некоторым из них не пришлось заниматься этим самостоятельно, как, например, членам «группы

жил в ФРГ до падения Стены. Эта разница обосновывается тем, что бывшие заключённые в ГДР часто подвергались дополнительной дискриминации, в то время как граждане ФРГ «получали различные льготы по поддержке за их, несомненно, трудное начало жизни». (См. Информационная брошюра „Strafrechtliche Rehabilitierung“, hg. vom Bundesministerium für Justiz, 1998: 15). Некоторые из респондентов, проживающих на территории прежней ФРГ, проявляют понимание к такому неравному обращению. Другие, особенно те, кто не добивался признания их политическими заключёнными до падения Стены, в некоторых случаях выражают непонимание по этому поводу.

¹⁷³ Компенсация рассчитывается и выплачивается учреждениями пенсионного страхования, при этом периоды лишения свободы считаются периодами обязательных взносов.

Тешнера», за которых скончавшийся уже Клаус Людерс отправил в МИД коллективный запрос о реабилитации.¹⁷⁴

В основании реабилитации написано: «Ни в ходе предварительного следствия, ни в судебном заседании не были обнаружены конкретные действия, связанные с передачей, кражей или сбором сведений с целью передачи иностранной организации или частным лицам информации, которая по своему содержанию представляла бы охраняемую государственную или военную тайну».¹⁷⁵ Вольфганг Беккер придаёт своей реабилитации большое значение: «Я сам этого добился и теперь держу реабилитацию в руках, и могу с чистой совестью говорить, что я провёл девять лет в тюрьме как политический заключённый».

Кристина Шмидт-Кенше обратила внимание, что в свидетельстве о реабилитации нет ни слова, выражающего сожаление. Другие опрошенные вообще не знали о существовании возможности его получить или, как Ханс-Рудольф Вернер, сомневаются в его пользе: «Нет, что вы просите у русских? Ну хорошо, я сказал себе, какая была бы в этом практическая польза... Я больше не хочу обо всём этом ни слышать, ни видеть. Я плевал на то, реабилитировали они меня или нет, что мне от этого? Они все должны были со мной встретиться! (...). Некоторые пытались получить свои бумаги. Часть бумаг получили, приговор по большей части в письменном виде, написанный от руки, но реабилитация... в это верит только Санта-Клаус! Кто хочет вас теперь реабилитировать, в этой стране? Прокуроры... Они такие же, какими они были. Просто не трогайте меня больше».

¹⁷⁴ Из 28 реабилитированных трое – наши респонденты: Кристина Шмидт-Кенше, Йоханнес О. и Рут К.

¹⁷⁵ Этот вольный перевод сделал один из бывших заключённых. Полный текст находится у авторов.

Генеральная прокуратура Советского Союза		Решение
Министерство прокуратуры		100
12. Mai 1991		100
Nr. 5 ud-312-92		100
103160 Москва K-160		100
<u>Rehabilitationsentscheidung</u>		
Herr/Frau	Wolfgang Becker	100
Geburtsjahr und -ort:	1925 in Braunschweig	100
Staatsangehörigkeit	deutsch	100
Volkzugehörigkeit	Deutscher	100
Vor Inhaftierung wohnhaft:	Braunschweig	100
letzter Arbeitgeber vor der Inhaftierung/ beschäftigt als:	Angestellter im Handel	100
wann inhaftiert:	30.08.1947	100
wann und durch wen verurteilt/verfolgt:	am 27.11.1947 durch das Militärtribunal der Sowjetischen Militäradministration des Landes Brandenburg	100
der Verurteilung zugrundeliegende Paragrafen und Strafmass (Grund- und Zusatzstrafen):	gemäss Art. 58-6, Abs. 1 StGB der RSFSR, zu 25 Jahren Freiheitsstrafe in einem Arbeits-Besserungslager und Einziehung der bei der Verhaftung beschlagnahmten Wertsachen	100
Datum der Haftentlassung:	keine Angaben in der Akte vorhanden	100
Gemäss Artikel 3, Pkt. a des Gesetzes der Russischen Föderation "Über die Rehabilitierung von Opfern politischer Repressionen" vom 18. Oktober 1991 wurde Herr/Frau Wolfgang Becker rehabilitiert.		
Anmerkung: Die Entscheidung über die Rehabilitierung kann nicht als Grundlage für nicht im Einklang mit den geltenden gesetzlichen Bestimmungen und internationalen Verpflichtungen stehende Vermögensansprüche deutscher Staatsangehöriger dienen.		
Leiter der Abteilung Rehabilitation der Ministerprokuratursverwaltung: [Siegel, Unterschrift]		100
		(...P. Kopalan
[Bitte beachten: Die Namensschreibung auf diesem Formblatt erfolgt im Grund des Schutzes vor unzulässigen Original. Bei der Rückübertragung in lateinische Buchstaben kann es dabei zu kleinen (technischen) Ab- weichungen kommen.]		

Свидетельство о реабилитации Вольфганга Беккера

Йоachim Ланге даже не думает о том, чтобы себя реабилитировать: «Я это отвергаю. Я не принадлежу к людям, которые счастливы от того, что, наконец, реабилитированы. Быть реабилитированным значит сказать: да, я ничего против них не имел – но всё же, я имел. Это так было, так есть и это я возьму с собой в могилу. Меня не надо реабилитировать. Я не хочу быть реабилитированным этими людьми, ничего от них не хочу. У них тысяча лиц...»

Как пояснил тогдашний военный прокурор Леонид П. Копалин, согласно закону РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от октября 1991 года, расчёт компенсаций возможен «только для тех иностранцев, которые преследовались непосредственно на территории России». ¹⁷⁶ Под «преследованием» тут понимается арест и осуждение, а это в случае опрошенных заключённых происходило на территории СОЗ/ГДР, т. е. не на советской территории. Соответственно, они не могут получить какую-либо финансовую компенсацию от Российской Федерации.

Личное осознание заключения

Для многих годы в заключении стали впоследствии долгой травмой. В первое время они, прежде всего, хотели «встать на ноги, выздороветь и найти новую профессиональную опору в жизни». ¹⁷⁷ При этом опыт заключения часто был сначала вытеснен. Даже после успешной самореализации в профессиональной и личной жизни супруг или супруга бывшего заключённого оставался единственным, с кем можно было обсуждать прошлое. Йоханнес О. и Рут К. только много лет спустя рассказали дочери о пережитом, чтобы «не запутать» её своим рассказом, отличающимся от официальной картины истории ГДР.

Многие наши респонденты до сегодняшнего дня поддерживают контакты с товарищами по заключению, создав прочный круг друзей из этой группы. Многие участвуют в сообществах заключённых, которые вместе составляют «Союз жертв коммунистической тирании». Вольфганг Беккер, председатель «Ассоциации политических заключённых сталинизма» так описывает её задачи: «Память и назидание. Это две вещи, которые обязательно нужно сохранить, чтобы диктатура никогда больше не появилась».

Герхард Пенцель, который 23 года был председателем бременского отделения общенациональной «Ассоциации жертв сталинизма», из-за чего служба государственной безопасности ГДР наблюдала за ним до 1985 года, выражает свой скептицизм относительно интереса своих сограждан к судьбам, подобным его собственной: «Кому это всё надо? Люди здесь не могут понять, не могут представить, что кто-то мог получить 25

¹⁷⁶ Kopalin 1995:39.

¹⁷⁷ Из интервью с Хансом Вальтером.

лет ни за что. Они всё равно говорят: "Ну что-то должно было быть, нет?". О том, что за такие мелочи получали такие наказания, просто потому что они что-то там надумали, чёрт знает что, что мы угрожаем всей системе, – этого никто уже не может представить».

Некоторые респонденты недовольны недостаточным, по их мнению, освещением в СМИ и отсутствием информации в школьной программе о судьбах приговорённых военными трибуналами.

Хайнц Шволлиус находит примирительный тон: «Это – мой долг перед людьми, которые мне помогли. Без помощи других ничего невозможно. Многие принимают это как нечто само собой разумеющееся. Я же благодарю не самих людей, а общество. Общество, которое дало мне возможность снова жить нормальной жизнью и добиться в ней определённых вещей. Я вижу в этом сегодня мотивацию для меня также что-то сделать для других людей».

Многие по прошествии десятилетий признали, что не могут забыть о своём прошлом. Политические перемены в 1989-1990 годах реанимировали вытесненные в бессознательном воспоминания. Благодаря дебатам о жертвах советской оккупационной власти и режима ГДР, личные судьбы снова стали интересными обществу.

«Связи с бывшими сокамерниками никогда не прерывались, вплоть до настоящего времени, это понятно. Но в остальном, наверное, я не совсем прав, когда вижу всё это с сегодняшней точки зрения... Это была часть моей жизни, я принял её как таковую и должен был с этим жить. Но до этого момента, пока я был там снаружи, я пытался всё просто забыть. Это все меня обременяло. Я всё ещё вижу во сне русских. И когда я вижу эти сны, я вижу всё как в тумане, всегда как-то... До недавнего времени я хотел всё это просто забыть, и отчасти мне это удавалось. Но из-за новых событий, среди прочего из-за воссоединения Германии, когда вдруг открылись новые возможности – никто бы не поверил, что это вообще может случиться... У меня слёзы лились. Это было... всё снова стало таким актуальным. И потом ещё этот потсдамский музей [с момента вывода российских солдат в 1994 году появилась возможность посетить здание бывшей тюрьмы на Ляйстиковштрассе]... и всё снова встало передо мной как гора».¹⁷⁸

¹⁷⁸ Из интервью с Хансом-Рудольфом Вернером.

Похожие ощущения описывает Карл Хеберляйн, вспоминая о пережитом пятьдесят лет назад вместе со своей женой госпожой Х.: «В первое время об этом вообще не говорили. А теперь, когда мы становимся старыми, когда ночами больше не можешь спать, всё это возвращается... больше, чем раньше. Мы снова позвонили одной знакомой, которая также была в советском заключении, и она спросила: "Ну, как вы? Я всё время убегаю от колючей проволоки". Я сам всё время представляю... Наш сын подарил нам отпуск в Финляндии. Каюты на пароме были такими неудобными... У меня клаустрофобия, когда пространство сжатое, мне страшно. Поэтому мы оба, как только узнали адрес музея, поехали в Потсдам, чтобы избавиться от этих страхов. Те три четверти года в Потсдаме были самым страшным временем».

Ута Герлант (Uta Gerlant)

«Мы служили Советскому Союзу»: Служащие советских войск в ГДР как заключённые тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен

В то время как в первое десятилетие после окончания войны немецкие граждане также становились заключёнными Потсдамской следственной тюрьмы на улице Ляйстиковштрассе 1, по нашим сведениям в последующие три десятилетия там находились под стражей исключительно служащие советских войск. О них до настоящего времени известно очень немного, однако это немногое по меньшей мере не должно остаться неизвестным. Международные исследования не могут предложить подробной информации о советских военнослужащих, которые были осуждены системой военного правосудия.

В этой части книги мы расскажем о десяти бывших заключённых следственной тюрьмы. Двое из них передали нам свои записи, так что мы знаем о них не только из документов российских властей. Доступ к архивным документам о четырёх других людях мы получили при поддержке Научного информационного центра «Мемориал» в Санкт-Петербурге. О некоторых нам доступна лишь очень скудная информация, полученная, с одной стороны, от Вениамина Иофе («Мемориал»), а с другой – найденная в литературе о советских диссидентах.

Исходя только из десяти судеб и учитывая небольшое количество источников информации, трудно делать обобщения о том, кем были задержанные, по каким причинам их задержали и как складывалась их жизнь после приговора и позже после освобождения. Об обстоятельствах их заключения в Потсдамской тюрьме КГБ, о повседневной жизни в тюрьме и о методах допроса практически ничего не известно. И всё-таки стоит попытаться пролить свет на те несколько историй, которые мы знаем. Если судьба некоторых бывших заключённых при этом кажется особенно заметной, это говорит не о репрезентативности, а о скудности известного материала.

Побег и другие способы «изменить Родине»

Из десяти советских заключённых Потсдамской тюрьмы КГБ, известных нам, двое были офицерами, остальные – рядовыми солдатами. Оба офицера были задержаны в ранний период (в 1949 и 1952 годах), семь из известных нам солдат – в период между 1959 и 1966 годом, ещё один – в 1983 году. Семь солдат были задержаны за попытку побега. Другие причины для задержания – «антисоветская агитация», «организация группировок» и «попытка государственного переворота».

Георгий Рихтер

Георгий Рихтер происходил из семьи русских немцев. Он уже был арестован в январе 1938 года во время «большого террора» и приговорён к пяти годам лагерного заключения как «социально опасный элемент». В ноябре 1941 года он бежал из лагеря на Волгу (Саратовская область) с документами на имя Михаила Смирнова и в 1942 году вступил в Советскую Армию. После войны он стал начальником советского военного госпиталя в Потсдаме. Там этот военврач в звании подполковника был задержан 11 августа 1949 года, после того как его настоящее имя было раскрыто.¹⁷⁹

Лейтенант Александр Плаксин на момент своего задержания служил руководителем хозяйственного снабжения советских войск в Дрездене. 4 марта 1952 года его задержали вместе с тремя другими офицерами. Их обвинили в «организации группировки», «антисоветской пропаганде» и «попытке государственного переворота». Что за этим скрывается, мы не знаем, поскольку не располагаем никакой информацией лично от Александра Плаксина.¹⁸⁰

¹⁷⁹ ФСБРФ 10/А-1776; Иофе 1998: 5.

¹⁸⁰ ФСБРФ 10/27-2981; три офицера, арестованные вместе с Александром Плаксиным – Арнольд Мурошкин, Дмитрий Кручинин и Николай Сидоренко.

Также «антисоветская пропаганда» упоминалась в приговоре против солдата Александра Удачина, задержанного в 1983 году, – наряду с «преднамеренной изменой Родине».¹⁸¹

Одной из наиболее частых причин задержания советских солдат, служивших в ГДР, была попытка побега.

Владимира Коченцова задержали в 1959 году, когда он пытался дезертировать из советских войск и бежать в Западную Германию.¹⁸²

Георгий Гладко

Георгий Гладко, которого перевели в Потсдамскую тюрьму в 1962 году, уже ранее в Дрездене был приговорён за дезертирство к семи годам заключения в лагерях. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор и решение апелляционного суда, направив дело на дополнительное рассмотрение в Потсдамский военный трибунал.¹⁸³ Георгий Гладко вспоминает: «Этап задерживался, сидели два месяца. Я вёл в камере разговоры о жизни в Америке (любил слушать «Голос Америки») и предложил мотануть из тюрьмы. Из одиннадцати человек в камере согласились на побег пять человек. Обсудили план побега. В назначенный день Тимофеев стал стучать в стену и кричать.

Охранник вошёл, стал ругаться. Попался охранник двух метров роста. Мы его ударили табуреткой, связали простынями. Взяли ключи, вышли из камеры».¹⁸⁴

¹⁸¹ Иофе 1997с.

¹⁸² Иофе 1997b.

¹⁸³ ВСРФ 2н – 01334/62.

¹⁸⁴ Гладко 1998: стр. 2. Это описание подтверждается в официальном источнике: ВСРФ 2н – 01224/62.

Хотя Георгию Гладко и четырём его товарищам удалось покинуть здание тюрьмы и преодолеть некоторые препятствия, их поймали до того, как они смогли бежать из военного городка КГБ.¹⁸⁵

26 января 1966 года солдаты Пётр Личутин и Михаил Панифидин попытались бежать в Западную Германию на украденном военном автомобиле. Эта попытка побега также не удалась.¹⁸⁶

О Витольде Абанькине нам известно больше всего. В автобиографических записях он рассказывает о том, что произошло ещё в детстве и определило его отношение к официальной пропаганде, повлияв на его решение бежать. Его записи начинаются с такого предложения: «Моя мать Ляховская Элеонора Дмитриевна в 1946 году бросила листовки против Сталина на вокзале в г. Ейске, где родила меня несколько месяцев назад».¹⁸⁷ За это её поместили в психиатрическую клинику, где она умерла в 1965 году.

Абанькин, живший какое-то время в Ростове-на-Дону, продолжает: «В одиннадцать лет отец одел мне на голову наушники, поймал "Голос Америки" и сказал: "Слушай правду о нашей стране, но пока держи язык за зубами". В 1962 году, когда стреляли людей в Новочеркасске,¹⁸⁸ я шёл с тренировки по плаванию и меня обыскали четыре раза. Привлекала внимание «штатских» моя спортивная сумка. В кинотеатре "Комсомолец"

¹⁸⁵ В своих воспоминаниях Георгий Гладко называет также имена четырёх заключённых, попытавшихся сбежать вместе с ним: Геннадий Бубенщиков, Пётр Дмитриков, Вячеслав Сахаров и Вадим Тимофеев. Гладко 1998: 5; о Вадиме Тимофееве см. Dictionary 1982: 581.

¹⁸⁶ Dictionary 1982: 325 и 416.

¹⁸⁷ Абанькин 1992: 1.

¹⁸⁸ В то время во многих городах Советского Союза происходили социальные волнения, центр забастовочного движения был в Донбасском регионе. В начале июня советское правительство повысило цены на мясо и молоко. За несколько месяцев до этого произошло сокращение заработной платы на местах. На Новочеркасском электровозостроительном заводе сокращение зарплат доходило до 35%. 1 июня 1962 года рабочие объявили забастовку, а на следующий день около 5 000 человек вышли на демонстрацию перед зданием городского комитета партии. Восстание было кроваво подавлено; по сообщениям, при этом 80 человек были убиты и 250 человек были ранены. На показательном судебном процессе в августе 1962 года 14 «главарям» были вынесены приговоры: семеро из них приговорены к смертной казни, остальные – к тюремному заключению на срок от 10 и 15 лет. Приговоры были приведены в исполнение. См. Mannteufel 1998: 728.

прекратили сеанс и устроили обыск. Говорили, что ищут оружие и бандита, но рылись даже в маленьких, женских сумочках, а я думаю, что искали мел, которым кто-то на дверях обкома напротив кинотеатра нарисовал свастику. На улицах запрещали собираться больше трёх человек, то воцмущался, хватали и бросали в «воронки», которые торчали повсюду за углами. Много было милицейских газиков и мотоциклов. Власти делали всё, чтобы Ростов не поднялся на помощь Новочеркасску. (...) Потом стал писать стихи. (...) Из школы пришлось уйти. (...) Поступил на работу на судоремонтный завод и постоянно информировал рабочих о том, что творится в мире, как коммунисты издеваются над своим народом. Никто меня не предал. После Новочеркаска рабочие были настроены антикоммунистически. Я читал им свои стихи. Потом я попал на службу в Германию».¹⁸⁹

Витольд Абанькин

Там Витольд Абанькин сошёлся с семьёю другими солдатами, планировавшими совместный побег. Тетрадь, в которой он писал стихи об армии и событиях в Новочеркасске, передавали по казарме из рук в руки. «И вот в один из дней ко мне в мастерскую прибежал мой товарищ и сказал, что старшина забрал у одного солдата из тумбочки мою тетрадь. Раздумывать я не стал и решил бежать. Оружие взять не удалось, одежду тоже. Со мной решил уходить и Виктор Чесноков, хотя я его отговаривал. Никто не мог доказать, что он читал тетрадь и знал о моих планах. Но он всё-таки пошёл со мной. Трое суток пробирались мы к Западному Берлину. Шли только ночью. Нас искали полиция ГДР и чекисты ГСВГ, войска немецкие и советские, но нам удалось пройти все заслоны и уже на самой границе по чистой случайности нас задержали. Если бы я шёл один, мне удалось бы уйти. В суде я сказал, что не изменил Родине, а изменил власти палачей, которые не имеют никакого права отождествлять себя с Родиной».¹⁹⁰ Беглецов арестовали

¹⁸⁹ Абанькин 1992: 1.

¹⁹⁰ Абанькин 1992: 2. Описание побега подтверждается информацией в обвинительном приговоре. Согласно последнему Абанькин и Чесноков были пойманы на тре-

два солдата Национальной народной армии ГДР, которые впоследствии участвовали в процессе в качестве свидетелей.¹⁹¹

Причины побега были разнообразными. Абанькин говорит об общем недовольстве: «В Германию запрещалось посылать посылки, деньги, переводы, поехать в отпуск возможности не было. Пайка не хватало и процветало воровство продуктов».¹⁹² Георгий Гладко упоминает дедовщину.

Но и внешнеполитические причины сыграли свою роль. «Когда был карибский кризис, мы спали одетыми, с автоматами».¹⁹³ Оба слушали «Голос Америки» и в мечте о Западе нашли альтернативу своей печальной и тяжёлой реальности. К тому же, Витольд Абанькин хотел рассказать всему миру правду о событиях в Новочеркасске.¹⁹⁴

Впрочем, не все попытки побега заканчивались неудачей. Нам известно о нескольких дезертирах, которые после удачного побега добровольно возвратились, предположительно из-за тоски по родине и в конечном итоге были осуждены.¹⁹⁵

тый день в 300 метрах от границы севернее Потсдама после того, как они уже преодолели заграждение и переплыли канал. Ср. Prigovor 1966; zu Viktor C̄esnokov vgl. Dictionary 1982: 90.

¹⁹¹ Приговор 1966, 3; ср. Verordnung.

¹⁹² Aban'kin 1992: 1.

¹⁹³ Gladko 1998: 1.

¹⁹⁴ Aban'kin 1992: 1; Gladko 1998: 2.

¹⁹⁵ Например, офицер Иван Овчинников бежал в ФРГ в декабре 1955 года, где вступил в эмигрантскую организацию и работал на радио «Свобода». вступил в эмигрантскую организацию и работал на радио «Свобода». В 1958 году он вернулся в Советский Союз в 1958 году и был приговорён там к семи годам лагерей. Уже заочно был приговорён к десяти годам лагерей Андрей Новожицкий, который в 1961 году дезертировал из танковой части, а через год вернулся в Советский Союз из ФРГ. Анатолий Гуров бежал в Западный Берлин в 1958 году и работал там радиотехником в ЦРУ. Он был арестован во время установки микрофонов и приговорён к десяти годам лагерей. Примечательно, что приговоры этим лицам были не более суровыми, чем приговоры осуждённым только за попытку побега. Dictionary 1982: 412, 399 и 186. Поскольку вышеприведённая информация взята из книги, в которой описаны только попытки побега и состоявшиеся, но впоследствии наказанные по закону побегу, можно предположить, что на самом деле удачных побегов было гораздо больше. Т. е. людей, которым удалось сбежать, и которые не вернулись в Советский Союз, было много.

«В связи с отсутствием оснований» – приговоры, заключения и реабилитация

Промежуток времени между задержанием и приговором, т. е. время пребывания в Потсдамской тюрьме, варьируется от одного до двенадцати месяцев. 11 августа 1950 года Георгий Рихтер был приговорён к пяти годам заключения в лагерях, с лишением воинского звания. В связи с амнистией после смерти Сталина, осуществлённой Президиумом Верховного Совета СССР 27 марта 1953 года, он вышел на свободу уже 27 мая 1953 года.¹⁹⁶

Александр Плаксин

Судьба Александра Плаксина также повернулась в лучшую сторону после смерти Сталина. После того, как 22 мая 1952 года по статье 58-11 Уголовного кодекса РСФСР («организационная деятельность») он был приговорён к 10 годам заключения в лагерях, Военная коллегия Верховного суда 10 октября 1953 года изменила приговор на «подготовку уголовных преступлений», что повлекло за собой сокращение срока наказания до пяти лет. Два месяца спустя он и трое его товарищей также вышли на свободу по амнистии.¹⁹⁷

Эти два примера показывают неуверенность режима после смерти Сталина. Ожидание того, что более поздние приговоры военного трибунала в Потсдаме должны были бы быть мягче, в случае с известными нам 8 заключёнными не оправдалось. Владимира Коченцова приговорили к 7 годам лагерного заключения, и весь

¹⁹⁶ ФСБ РФ 10/А-1776; ФСБРФ 10/А-3355. В отличие от других советских военнослужащих, представленных здесь, Георгий Рихтер был осуждён не военным трибуналом (полевая почта № 75092), а советской военной прокуратурой (полевая почта № 48240).

¹⁹⁷ ФСБРФ 10/27-2981.

этот срок он отсидел до 1966 года. Михаил Панифидин, Виктор Чесноков и Александр Удачин были приговорены к 10 годам лагерного заключения каждый в промежутке между серединой 1960-х – началом 1980-х годов. Владимир Тимофеев, Пётр Личутин и Витольд Абанькин получили по 12 лет, Георгий Гладко – 13 лет лишения свободы. Всех их (в известных нам случаях) обвинили по статье 64 Уголовного кодекса РСФСР («измена»). Известно, что Георгий Гладко и Витольд Абанькин оба отбыли весь срок наказания. Михаил Панифидин был освобождён в 1974 году за два года до окончания срока; Александр Удачин был освобождён во время перестройки в 1990 году как один из последних политических заключённых.¹⁹⁸

После оглашения приговора, заключённых направляли в лагеря в Советском Союзе. В то время как политические заключённые в 1950-х годах все ещё распределялись по разным лагерям,¹⁹⁹ с начала 1960-х их стали посылать в лагеря Мордовии и в Пермь. Тех, кто участвовал там в акциях сопротивления, могли перевести во Владимирскую тюрьму (в 170 км от Москвы).²⁰⁰

Наиболее подробные описания лагерей мы получили от Георгия Гладко и Витольда Абанькина. Прежде всего, заключённые отправлялись в тяжёлый путь по этапным тюрьмам.

Георгий Гладко вспоминает: «Из Потсдама после осуждения на 13 лет этапом повезли через тюрьму в Бресте, Харькове, Ростове-на-Дону, затем тюрьму в Рузаевке (Саранск), в Потье (посёлок Явас). Там разделили с подельниками. Затем в лагерь №7 пос. Сосновка (Мордовия)». ²⁰¹ О других заключённых он пишет: «(...) перевели в лагерь 7/1 – "верующая зона" (была группа истинно православная странствующая, руководителю 94 года). Там ещё сидел один человек за кронштадтский мятеж;

¹⁹⁸ Иофе 1997б; Dictionary 1982: 416 и 90; Иофе 1997с; Dictionary 1982: 581, 325, 1 и 162.

¹⁹⁹ Георгий Рихтер был отправлен в Волжский лагерь в Саратовской области, а Израиль Ямин, осуждённый в 1950 году военным трибуналом в Берлине, находился сначала в лагере Восток-Урал в Свердловской области, а затем в лагере в Донецкой области. ФСБРФ 10/А-3355; КДБРБ 232.

²⁰⁰ Тюрьма была самой суровой формой лишения свободы, за ней следовали лагеря (где условия различались степенью тяжести) и изгнание как самая мягкая форма. Суды также назначали наказания, сочетающие эти три категории или две из них. Самым распространённым видом лишения свободы было лагерное заключение.

²⁰¹ Гладко 1998: 6.

(...). Видел в крытой тюрьме секретаршу Бандеры (получила 25 лет)».²⁰² Витольд Абанькин встретился в лагере со многих диссидентами.²⁰³ Особенно он сошёлся с Юрием Галансковым, осуждённым в 1968 году за участие в самиздате. Галансков умер от рака в 1972 году в заключении, после того как ему долго отказывали в медицинской помощи. Абанькин и в лагере пытался бороться с негуманными действиями администрации: «В лагерях я всё время вёл активный образ жизни. Участвовал в голодовках, забастовках, писал протесты, заявления, жалобы. В лагере №36 готовил побег, но нас предали, распространял листовки, вешал на штабе лагеря флаг ООН, потом попал на три года во Владимирскую тюрьму и там тоже боролся с произволом, как мог».²⁰⁴ Георгий Гладко и переведённый вместе с ним из Потсдамской тюрьмы Владимир Тимофеев также принимали участие в протестных акциях против незаконных действий лагерного персонала и были за это направлены в тюрьму во Владимир.²⁰⁵ Бороться против произвола означало, например, при помощи голодовки заставить охрану предоставить медицинскую помощь заболевшему товарищу. Чтобы не позволить лагерному персоналу перейти все границы, политические заключённые контрабандой передавали сообщения о нарушениях прав человека «на зоне», а их приятели издавали

²⁰² Там же: 6 и 8.

Истинно-православная церковь появилась в конце 1920-х годов. После массовых гонений на православную церковь со стороны молодой советской власти её митрополит Сергей согласился на сближение с государством. В результате этого «истинная» православная церковь откололась от официальной Православной церкви и существовала подпольно, некоторые приходы существуют и по сей день. В «истинной» Православной церкви нет иерархии; её учение носит апокалиптические черты. В Кронштадтском восстании в начале марта 1921 года моряки выступили против диктатуры партии. Их целью были новые выборы и свободная демократия. Восстание было кроваво подавлено. Только за три последующих месяца было вынесено более 2 000 смертных приговоров. Почти 6 500 приговоров подразумевали тюремное и лагерное заключение.

Степан Бандера (1909-1959) – украинский националист, боровшийся против иностранного господства. Он провёл более трёх лет в немецких концентрационных лагерях. В 1946 году ему пришлось бежать из Советского Союза. В 1959 году он был убит в Мюнхене агентами КГБ.

²⁰³ «Я знаком с Андреем Синявским и Кронидом Любарским, Сергеем Ковалёвым и Владимиром Буковским, Семёном Глузманом, Егором Давыдовым и ещё со многими известными правозащитниками. Сидел я в Мордовии с Юрием Галансковым». Абанькин 1992: 2.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Dictionary 1982: 162 и 581.

эту информацию самиздатом и передавали иностранным корреспондентам. Так диссиденты оказывали ненасильственное сопротивление за колючей проволокой. Многие платили за это своим здоровьем, некоторые жизнью.

В хрущёвские времена некоторая часть граждан, осуждённых в сталинский период, по инициативе партии была реабилитирована. Так в конце 1950-х оба приговора против Георгия Рихтера – как первый 1938 года, так и второй 1950 года – были отменены «в связи с отсутствием оснований» – читаем в сведениях преемника КГБ – ФСБ.²⁰⁶

25 декабря 1963 года Александр Плаксин и его товарищи также были реабилитированы решением Верховного суда СССР.²⁰⁷

дорогу и едешь первой те
военной машины.
Видим в Вязьме, едущих на 4-й
и отправим в станцию поташи-
скую тюрьму.
Этап задерживался, едешь
я месяца. Я был в камере
разговора о тюрьме в Америке
(можно слушать, голос Америк)
и предложили поташинскую
тюрьму.
У 11 человек в камере
согласовали на побег 5 человек.
Возвращались к нам побег.
В камере было дело Пили-
пов стал стучать в стену
и кричать. Охранник вышел,
стал ругаться. Тотчас охран-
ник двинул метров роота.
Мы во ударили табуреткой,
сбегали проломивши.
Видим кножки, вошли из ка-
меры. Забор окрестная тюрьму,
а по углам вешки с калачами
и сеть двери две входы в ме-
дунные помещения. Открыли
дверь кножкой, вошли в сосед-
ний двор изде. Котуре
Там была кножка, чтобы от-
крыть калачку с 2-й калачкой.
Через окно увидели, что ком-
ната большая, все углы
перетили черту ксе, как они
капелют кножку тревоги.
Когда проходили мимо пра-
вой вешки, калачкой заштыли
кае и стали обстреливать
из автомата. Мы через
трапециевую стену поташин
попали на другую сторону,
а за стеной было карачко-
ное помещение. Тюремца на-
водили в чужие карачко-
на. Когда мы перелезли через
первый забор, попали в ка-
рачконое помещение, где

Фрагмент записи воспоминаний Георгия Гладкова

Однако реабилитация тех, кто был осуждён уже после смерти Сталина, требует больше времени. В отличие от 1950-х и 1960-х годов, реабилитация возможна только по запросу. Случается, что некоторые приговоры подтверждаются частично или полностью. Верховный суд Российской Федерации 20 февраля 1997 года сообщил Георгию Гладко, который провёл 13 лет в лагере, что «по совокупности совершённых преступле-

²⁰⁶ ФСБРФ 10/А-1776; ФСБРФ 10/А-3355.

²⁰⁷ ФСБРФ 10/27-2981.

ний Гладко определить наказание путём погашения менее строгих наказаний более строгими – семь лет лишения свободы в ИТК особого режима».²⁰⁸

Жизнь после тюрьмы

Как сложились жизни бывших заключённых после тюрьмы? Об этом известно немного – опять же, из историй упомянутых здесь десяти потсдамских заключённых. Некоторым посчастливилось снова найти работу по профессии. Георгий Рихтер стал научным сотрудником университета Ужгорода в Украине, Владимир Коченцов нашёл место в конструкторском бюро в Санкт-Петербурге.²⁰⁹ А вот Георгию Гладко было запрещено вернуться в Ростов. Поскольку он всё-таки пытался, через несколько месяцев после освобождения его выслали из Ростова. Затем он жил в Ростовской области, где нашёл работу на кирпичном заводе.²¹⁰

Витольд Абанькин пишет о времени после своего освобождения: «Мне предложили квартиру за раскаяние²¹¹, но я нашёл ничейный участок на берегу Дона и построил дом. Чекисты были от злости, когда я клал стены из кирпича, который насобирали сломанных домов (...). Вместе с тем я писал книгу о лагерях. Переписывался со своими товарищами, хотя письма всё время пропадали».²¹² И, наконец, исполнилась мечта, которая была ещё у его отца, – о том, что времена изменятся: «В 1990 году мы провели первый митинг памяти жертв расстрела в Новочеркасске в 1962 году. Потом провели мощный митинг на другой год. В этом году на 30-летие готовим перезахоронение расстрелянных на площади им. Ленина перед горкомом КПСС».²¹³ В 1991 году останки его друга Юрия Галанкова были перевезены из лагеря в Москву: «На площади Маяковского, где

²⁰⁸ Часть приговора, основанная на §§15 и 64 («подготовка и попытка преступления» и «государственная измена»), которая могла быть использована для наказания за произвольные политические преступления, была отменена. Приговор по уголовному делу был оставлен в силе, поскольку Георгий Гладко при первой попытке побега из гарнизона Цайтхайн взял солдатскую гражданскую одежду, проник в магазин ширпотреба и украл там еду и нож.

²⁰⁹ Иофе 1998: 5.

²¹⁰ Dictionary 1982: 162; Иофе 1997a.

²¹¹ Принуждение диссидентов к покаянию и публичному отречению было одним из способов КГБ расшатать движение.

²¹² Абанькин 1992: 2.

²¹³ Абанькин 1992: 2.

Юра читал свой "Человеческий манифест", мы провели митинг в его память, гроб стоял на том месте, где он читал свои стихи».²¹⁴

Во времена перестройки многие из бывших политических заключённых и родственников жертв сталинского режима, вместе с защитниками гражданских прав, которые не были в заключении, объединились в движение, получившее название «Мемориал». Общества «Мемориал» есть сегодня во многих городах бывшего Советского Союза. Их задачей стало переосмысление истории репрессий, предоставление социальной помощи пострадавшим и защита прав человека сегодня. Так, Владимир Коченцов являлся членом Мемориала до самой смерти. Ни наша выставка о Потсдамской тюрьме КГБ, ни эта книга не были бы возможны без сотрудничества с Санкт-Петербургским отделением «Мемориала».

²¹⁴ Абанькин 1992: 2.

Приложения

Краткие биографии бывших заключённых тюрьмы Потсдам-Нойгартен (информация дана на момент первого издания книги в 1999 году – Е. Г.)

Вольфганг Бекер (*Wolfgang Becker*)

Родился 16 января 1925 года в Брауншвайге. Обучение в направлении коммерции. Солдат во Второй мировой войне. Арестован 29 августа 1947 года в Халле по пути к родственникам во Фрайберг по доносу собеседника, с которым он обсуждал текущие политические вопросы и войну. После трёх с половиной месяцев предварительного заключения в тюрьме Потсдам-Нойер Гартен 14 декабря 1947 года, он был приговорён к 25 годам заключения в трудовом и воспитательном лагере за предполагаемый шпионаж. После почти девяти лет заключения в Баутцене был освобождён в Брауншвайг 8 сентября 1956 года. Живёт в Зальцгиттер-Хеерте и является председателем Ассоциации политических заключённых сталинизма (*Verband politischer Häftlinge des Stalinismus*), секция Зальцгиттер-Брауншвайг.

Вернер Донат (*Werner Donath*)

Родился 14 декабря 1922 в году Фалькенберг/Эльстер. Учился на кузнеца. Зачислен в армию в 1940 году. После освобождения из американского плена жил в Мюнхене. 14 сентября 1947 арестован при пересечении границы сектора в СОЗ, где он хотел навестить жену и ребёнка в Хемнице, а также передать письма для знакомого в Дрезден. После нескольких коротких промежуточных мест заключения он оказался в тюрьме Потсдам-Нойер Гартен. Приговорён 6 марта 1948 к 25 годам за предполагаемый шпионаж. Заключение в Баутцене в «Жёлтой нищете» до осени 1952 года, затем одиночное заключение в Бранденбурге. Освобождён 17 января 1954 года. Его брак был расторгнут во время заключения, и он вернулся к своим родителям в Фалькенберг. Там он устроился на работу в области техники безопасности на железной дороге. Сегодня он живёт в Лангельсхайме, недалеко от Гослара.

Мария Фрикер (урожд. Михаэлис) (*Maria Fricker*)

Родилась 8 июня 1925 года в Варшаве. Обучалась на продавца. В 16 лет она приехала в Потсдам, чтобы «онемечиться»: её семья происходила из Швабии.

После окончания войны она стала заведующей отделением Главного склада русской военной администрации в Потсдаме. После того, как она провела несколько месяцев в Западном Берлине, чтобы избежать сотрудничества с советской разведкой, по возвращении в Потсдам её арестовали в марте 1950 года.

После примерно года предварительного заключения на Ляйстиковштрассе она была приговорена к 25 годам заключения в исправительно-трудовом лагере за саботаж, шпионаж и нарушение трудового договора. Вскоре её депортировали в Сибирь. 20 октября 1955 года – освобождение во Фридланд. После двухмесячного пребывания в больнице она встретила своего будущего мужа в Баварии, вернувшегося несколькими неделями ранее из советского плена. 12 мая 1956 года они поженились и переехали в Вюрцбург, где живут и по сей день.

Карл Хеберляйн (*Karl Häberlein*)

Родился 19 августа 1923 года в Эберсвальде. Стажировался в качестве коммерческого клерка. 1941-1942 годах служил солдатом в России. После войны женился и работал таксистом, затем водителем в Эберсвальде. В феврале 1949 года был уволен с работы и арестован НКВД. Причина: возможно, донос из-за частых поездок в Западный Берлин. До суда Хеберляйна содержали под стражей сначала в бывшей тюрьме окружного суда Эберсвальде, затем перевели в тюрьму Потсдам–Нойер Гартен. Там, примерно после девяти месяцев заключения, его приговорили к 25 годам. Хеберляйн депортирован со станции Потсдам-Вильдпарк через Москву в Воркуту, где провёл шесть лет в лагере. Освобождён 6 октября 1955 года в Фюрстенвальде. Оттуда он выехал во Фридланд. Поселился в Соесте, сменил разные профессии. Сейчас работает на себя, управляет собственным небольшим бизнесом.

Клаус Хоффманн (*Klaus Hoffmann*)

Родился 20 января 1934 года в Берлине. Стажировался на литографа или репродукционного фотографа в типографии в Шпиндлерсфельде под Берлином. Уже во время ученичества он работал фотографом для

прессы. После одного из таких рабочих заданий его арестовали 15 декабря 1952 года в Ораниенбурге. Вскоре после этого в Эберсвальде Хоффманну присудили 25 лет воспитательно-трудовых лагерей. Спустя два месяца его депортировали из тюрьмы Потсдам-Нойер Гартен в тюремный лагерь Воркуты. В конце 1955 года его должны были отпустить в ГДР. Однако на границе Германии и Польши ему удалось пересесть на другой поезд и добраться до Фридланда. Оттуда он вернулся в Западный Берлин и стал начальником пожарной бригады. Вышел в отставку после несчастного случая на службе.

Рут К. (*Ruth K.*)

Родилась в 1926 году в Дрездене. Обучалась на химика-ассистента. Арестована 10 мая 1948 года в Дрездене после обыска дома под предлогом оправдания её арестованного жениха. После недели предварительного заключения в Веймаре последовало заключение в тюрьме Потсдам-Нойер Гартен до октября 1948 года и приговорена вместе со своим женихом и его предполагаемой «группой шпионов» к 15 годам лагерного заключения по обвинению в том, что она служила им «почтальоном». После нескольких недель в Заксенхаузене её перевезли в Инту, где она находилась в заключении с июля 1949 года по февраль 1955 года в женской тюрьме. В октябре 1955 года её перевезли в ГДР и освободили. Чтобы не навредить своему жениху, который всё ещё находился в заключении, она осталась в Дрездене и возобновила свою профессию. После освобождения жениха они поженились в 1960 году. С тех пор живёт в Радебойле.

Ирмфрид Ханс-Йоахим Кермесс (*Irmfried Hans-Joachim Kermeß*)

Родился 24 октября 1925 года в Лейпциге. Окончил школу сержантского состава в Потсдаме. Военная служба в 1943-1945 годах; с 1945 по 1949 год Кермесс был советским военнопленным. После возвращения в Германию работал на бензиновом заводе под Лейпцигом, затем переквалифицировался в электросварщика.

Арестован 31 октября 1951 года за предполагаемый шпионаж и переведён в тюрьму Потсдам-Нойер Гартен, где провёл шесть месяцев. 22 марта был приговорён к 15 годам трудовых лагерей за предполагаемый шпионаж и создание группировки. Затем депортирован в Тайшет, где ему пришлось работать на лесопилке. Его освободили в конце 1955 года.

На обратном пути в Германию Кермесс встретил свою будущую жену. Сейчас он живёт в Киле.

Йоахим Ланге (*Joachim Lange*)

Родился 6 июля 1931 года в Йене. Стажировался в качестве электрика. Арестован в Лейпциге после доноса 28 мая 1947 года. Находился в следственных тюрьмах Лейпцига, Магдебурга и Потсдама. После почти пяти месяцев заключения в тюрьме Ляйстиковштрассе Ланге был осуждён 30-31 октября 1947 года по обвинению в антисоветской пропаганде, принадлежности к партизанскому ополчению «Вервольф», опорочивании Красной Армии, распространении лжи о советской оккупационной власти, шпионаже. С 1947 по 1955 год был заключён в Баутцене и Люкау. В связи с тяжёлой болезнью матери его освободили и выпустили из ГДР в Западную Германию 3 мая 1955 года по указу о помиловании. Работал электриком. Сегодня живёт в Фельдберге (Мекленбург).

Софи-Луизе Майзе (урожд. Хаупт) (*Sofie Luise Meise*)

Родилась 26 сентября 1921 года в Дрездене. Обучалась в языковой школе в Гамбурге (английский/испанский). Вышла замуж в 1944 году и в 1945 году родила дочь. После войны жила с дочерью и семьёй в Дрездене. Вероятно, причиной её ареста стали частые визиты в ФРГ к мужу, другим членам семьи и знакомым. Задержана в Дрездене 28 ноября 1947 года, после того как её под благовидным предлогом выманили из дома. До начала января Майзе находилась в тюрьме Радебойль, затем провела семь месяцев в тюрьме Ляйстиковштрассе. Там 13 августа 1948 года её приговорили к 20 годам лагерей по обвинению в подготовке оружейного восстания. После краткого пребывания в Заксенхаузене 16 октября 1948 года она была депортирована в Потьминский лагерь. В 1949 году она заочно развелась с мужем. 16 октября 1955 года освобождена и отправлена в Дрезден. Вскоре после этого она переехала в Мюнхен.

Герда Мюллер (урожд. Кёк) (*Gerda Müller*)

Родилась 15 апреля 1928 года в Штендале. Обучалась на служащего административного учреждения. 7 ноября 1947 года её арестовали в танцевальном зале по доносу западного агента. До суда её содержали под стражей в Магдебурге и Потсдаме, где она провела шесть с половиной

месяцев в тюрьме Нойер Гартен. 15 апреля 1948 года её приговорили к 15 годам лагерей за предполагаемый шпионаж.

Дальнейшие места заключения: Заксенхаузен (1948-1950 гг.) и Хохенек (1950-1955 гг.). 31 декабря 1955 года её освободили, Мюллер отправляется в родной в Штендаль. Ещё через месяц она бежала в Западный Берлин. Долгое время жила в Мюнхене. Сегодня проживает в Ротенбургена-Вюмме.

Йоахим О. (*Joachim O.*)

Родился в 1925 году в Дрездене. После окончания средней школы в 1943 году был призван в военно-воздушные силы в качестве солдата. Его арестовали 1 мая 1948 года – за неделю до запланированной свадьбы, под предлогом опознания арестованного знакомого. После пяти месяцев предварительного заключения сначала в Веймаре, затем в тюрьме Потсдам-Нойер Гартен, приговорён 11 октября 1948 года к 25 годам лишения свободы за предполагаемый шпионаж и создание группировки. Несколько недель он провёл в советском спецлагере Заксенхаузен, затем депортирован в Инту, где находился в заключении с 1949 года до возвращения в Германию в 1955 году. В то время как почти все остальные были освобождены в 1955 году, О. пришлось отбывать ещё один тюремный срок в ГДР: сначала год в Баутцене, а затем с декабря 1956 года до освобождения в ноябре 1960 года в Бранденбурге. После этого он учился на технического переводчика русского языка. Он снова поселился в Дрездене, потому что не хотел оставлять своих родителей. Сегодня он живёт со своей женой в Радебойле.

Герхард Пенцель (*Gerhard Penzel*)

Родился 26 апреля 1917 в Дрездене, брат Эдит Виршин (урождённой Пенцель). Учился в области машиностроения. Во время войны служил зенитчиком. После ранения в Берлине в 1945 году он лечился в британском госпитале в Госларе. 28 марта 1947 его арестовали в Эрфурте в квартире знакомого. После пяти месяцев предварительного заключения в тюрьме Потсдам-Нойер Гартен, 28 августа 1947 года он был приговорён к 25 годам лагерного заключения за предполагаемый шпионаж. Далее он находился в заключении в Баутцене (1947 – февраль 1950 года), Галле (февраль – октябрь 1950 года), Воркуте (ноябрь 1950 – февраль 1955 года) и Сухобезводном вплоть до освобождения 12 января 1956

года. Затем Пенцель отправился в Фридланд. В течение многих лет председатель Общества жертв сталинизма (VOS, Бремен). В 1974 году он получил Орден «За заслуги» с лентой. Сегодня живёт в Вейхе под Бременом.

Ханнс-Хеннинг Саркамм (*Hanns-Henning Sarkamm*)

Родился 23 июля 1926 года в Берлине. Призван в Вермахт в 1944 году. Британский военнопленный в 1945-1948 гг., затем вернулся в Берлин-Далем. Сначала он работал в спецслужбе США «Энтертейнмент» в Титания-Паласт. С мая 1948 года был священнослужителем Унитарийской церкви Берлина. 27 октября 1948 года он по их поручению отправился в Эберсвальде, чтобы сфотографировать военные могилы. В этот день его арестовали советские солдаты. Заключён на несколько месяцев в тюрьму Потсдам-Нойер Гартен. В мае 1949 года его приговорили к 25 годам лагерей за предполагаемый шпионаж и депортировали в Воркуту. В 1955 году оттуда его перевели в лагерь Сухобезводное (Унжлаг). В январе 1955 года его освободили и Саркамм отправился в Берлин. Работал журналистом. Сегодня он живёт в Оснабрюке.

Герман Шлютер (*Hermann Schülter*)

Родился 22 апреля 1930 в Потсдаме. После введения русского языка в качестве обязательного предмета в школе он несколько раз отказывался посещать занятия. Поэтому был арестован в доме своих родителей в Потсдаме 18 декабря 1945 года. Приговорён к смертной казни за предполагаемое участие в движении «вервольф» 22 января 1946 года на вилле Рюттен и Лёнинг (тогда Викториаштрассе 54). Затем его перевели на Ляйстиковштрассе, где 18 апреля 1946 года он был помилован и осуждён на 20 лет исправительно-трудовых лагерей. Заключение в Торгау и Баутцене. Освобождён 6 октября 1950 года. Подрабатывает и учится на инженера по отоплению, продолжает семейное дело. Сегодня живёт в Потсдаме.

Кристина Шмидт-Кенше (урожденная Кенше) (*Christina Schmidt-Kensch*)

Родилась 15 ноября 1927 года в Лигнице (Силезия). После войны закончила школу в Ошаце. Она отвергла предложение знакомых работать на Запад. Шмидт-Кенше начала учиться в Грайфсвальде, где 30 июня 1948

года её арестовали в столовой, потому что её имя было в записной книжке Дитера Тешнера, который уже был арестован ранее. Её поместили в тюрьму Нойер Гартен, где 9 октября 1948 года приговорили к 15 годам лагерного заключения. Свой срок она отбывала в лагерях Инты. После освобождения отправилась в Котбус в декабре 1953 года. В 1954 году она поступила в вуз в Бонне, чтобы изучать экономику. Сегодня живёт в Висбадене.

Урсула Шольц (*Ursula Scholz*)

Родилась 20 января 1928 года в Потсдаме. Выучилась на продавца розничной торговли. После войны работала секретарём в германо-советской строительной фирме. 5 марта 1949 года в Потсдаме её арестовали во время деловой поездки.

На четыре с половиной месяца заключена в тюрьму Потсдам-Нойер Гартен. В конце июня 1949 года её приговорили к 25 годам лагерей за предполагаемый шпионаж. Сначала находилась в Заксенхаузене (июль-сентябрь 1949 года), затем её отправили в Воркуту (1949-1953) и Тапиау (до декабря 1953 г.). После освобождения 29 декабря 1953 года отправилась в Потсдам. Сразу же переехала в Западный Берлин, где живёт и по сей день.

Хайнц Шволлиус (*Heinz Schwollius*)

Родился 24 мая 1929 года в Потсдаме. В 1943 году – смерть обоих родителей. С 1943 года посещает военно-морское профессиональное училище в Линдау на Боденском озере. После окончания войны в 1945 году вернулся в Потсдам к бабушке, которая вскоре после этого умерла. Молодёжный лидер «Антифа» (антифашистская организация). Арестован 13 января 1946 года в Потсдаме после доноса под предлогом наличия оружия, но предположительно из-за отказа вступить в КПП. Заключён на два месяца в подвал виллы «Рюттен и Лёнинг» (*Viktoriastraße 54*). 1 марта 1946 года приговорён к смертной казни через расстрел за предполагаемую деятельность в организации «вервольф». Затем его перевели в тюрьму на Ляйстиковштрассе в Потсдаме ещё на два месяца. В то время как смертные приговоры его друзей, также арестованных, привели в исполнение, Шволлиуса помиловали 17 мая 1946 года и присудили десять лет принудительных работ. Его перевели в специальный лагерь в Торгау. Затем в ноябре 1946 года – в Баутцен. Освобождён 18 января 1954 года

с тяжёлой формой туберкулёза. После освобождения поселился в Штутгарте. Там он освоил профессию банкира и изучал страховое дело.

Петер Зееле (*Peter Seele*)

Родился 27 октября 1928 года в Мюльхаузене/Тюрингия. Стажировка в качестве токаря. Во время войны служил в военно-воздушных силах. После освобождения из американского плена работал на советские власти. Арестован 9 октября 1951 года в своей квартире в Потсдаме по доносу. Содержался в тюрьмах Потсдам-Линденштрассе и Нойер Гартен, в том числе полтора месяца в тюрьме Потсдам-Нойер Гартен. Приговорён в марте 1952 года к 25 годам заключения в ИТЛ за шпионаж. Заключён в тюрьмы в Рабочем и Сухобезводном до конца 1955 года. Освобождён 22 декабря 1955 года в Потсдаме, где живёт и по сей день.

Х. В. (*H. W.*)

Родился в 1925 году в Силезии. В 1943-1945 годах – военная служба. Арестован советскими офицерами на своём рабочем месте 30 апреля 1948 года и доставлен в Веймар. Там 9 октября 1948 года он был приговорён к 25 годам лагерей за предполагаемый шпионаж. После нескольких промежуточных заключений он провёл свой срок в лагерях Инты. Он был освобождён оттуда через Фридланд в октябре 1955 года. Во Франкфурте-на-Майне он получил образование промышленного клерка. Сегодня живёт недалеко от Ханау.

Ганс Вальтер (*Hans Walter*)

Родился 22 февраля 1927 года в Гёрлице, вырос в Лигнице (Силезия). Обучался на государственного служащего. Последние месяцы войны служил на фронте в Венгрии. После ранения скитался по чешским госпиталям и лагерям. Арестован 4 мая 1948 года в Ниески (Лаузиц) за принадлежность к оппозиционной группе. Заключён на четыре с половиной месяца в тюрьму Потсдам-Нойер Гартен. Приговорён 9 октября 1948 года к 25 годам ИТЛ за предполагаемый шпионаж и антисоветскую пропаганду. Сначала находился в Заксенхаузене (1948-1949), затем отправлен в Инту и Абезь (1949-1955), Сухобезводное (несколько месяцев в 1955 году). Выпущен в декабре 1955 года, первоначально в Фюрстенвальд, но после протеста против этого – во Фридланд. Сегодня живёт в Бремене.

Ганс-Рудольф Вернер (*Hans-Rudolf Werner*)

Родился 2 сентября 1925 года в Халле. Учился в Национально-политическом воспитательном учреждении (*Napola*) в Наумбурге, затем служил в армии. После войны изучал химию, стажировался в компании *Buna-Werke*. Арестован в Халле 27 июня 1948 года по доносу. После этапов в Халле и Веймаре был заключён на четыре месяца в тюрьму Потсдам-Нойер Гартен. 9 ноября 1948 года приговорён к 25 годам лишения свободы по обвинению в подготовке вооружённого восстания, (промышленном) шпионаже и агитации. В феврале 1949 года его отправили в Заксенхаузен на четыре недели в качестве временного заключённого, а оттуда депортировали через Брест в Инту, где он работал в угольных шахтах. В 1953 году – обратный этап в Тапиау (Восточная Пруссия). Однако из-за инцидента в тамошнем лагере для сборщиков Вернера снова отправили в Потьму ещё на два года. Выпущен только 10 октября 1955 года в Халле. 11 ноября 1955 года сбежал через Берлин-Фридрихштрассе в южную Германию. Сегодня живёт в Эсслингене.

Эдит Виршин (урожденная Пенцель) (*Edith Wierschin*)

Родилась 12 июля 1915 года в Дрездене. Старшая сестра Герхарда Пенцеля. Училась, а затем работала клерком в коммерции. Арестована 29 марта 1947 года в Дрездене, вскоре после ареста её брата, приехавшего из британской оккупационной зоны (Гослар), чтобы посетить Дрезден. В то время она была замужем и имела трёхлетнего ребёнка. Пять месяцев предварительного заключения провела в тюрьме Потсдам-Нойер Гартен. 27 августа 1947 года приговорена к 15 годам заключения в исправительно-трудовом лагере за шпионаж. Затем последовало заключение в Заксенхаузене и в тюрьмах Хоэншёнхаузен и Хоенек. Выпущена в Дрезден в январе 1954 года. В ночь с 3 на 4 апреля 1954 года она вместе с сыном бежала в Западный Берлин и позже поселилась в Хайльбронне. Развелась 13 июня 1955 года. Работала волонтером в Союзе жертв сталинизма в Хайльбронне, где встретила своего второго мужа, за которого вышла замуж в 1983 году. Сегодня живёт на юге Германии.

Вольфганг Вольрабе (*Wolfgang Wohlrabe*)

Родился 22 марта 1927 года в Лейпциге. После окончания средней школы в 1944 году был призван в армию в качестве солдата. Вернулся в

Лейпциг в июне 1945 года. После повторного получения аттестата о школьном образовании начал изучать инженерию и строительство в Техническом университете Берлина. Поскольку он имел пресс-удостоверение Технического университета, его арестовали 17 февраля 1951 года на паспортном контроле в Ораниенбурге, где он хотел навестить боевого товарища. Вольрабе содержали в одиночной камере в Фюрстенберге до вынесения приговора в апреле 1951 года. После этого он находился в тюрьме Потсдам-Нойер Гартен до депортации в Советский Союз. Его отправили в ИТЛ Воркуты и Потьмы в июле 1951 года. 11 октября 1955 года его освободили и Вольрабе отправился в Западный Берлин, где в 1956 году возобновил обучение. В 1960 году переехал в Мюнхен.

Витольд Андреевич Абанькин

Родился в 1946 году в Ейске (Краснодарский край), вырос в Ростове-на-Дону. Потрясённый кровавым подавлением рабочих волнений в Новочеркасске в 1962 году, он бросил школу и работал на заводе. В 1965 году был призван в армию и вступил в ряды советских войск в ГДР. Он дезертировал и после трёх дней бегства его арестовали вместе с Виктором Чесноковым на границе с Западным Берлином. 19 октября 1966 года Витольд Абанькин был приговорён в Потсдаме военным трибуналом № 75092 к двенадцати годам лишения свободы в лагерях, которые он отбывал в Мордовии и Перми. Участвовал в многочисленных акциях протеста и был наказан за это тюремным заключением и переводом во Владимирскую тюрьму. В 1978 году он вернулся из лагеря в Ростов-на-Дону. В период перестройки Витольд Абанькин участвовал в памятных мероприятиях, посвящённых жертвам Новочеркасска и погибшему в лагере поэту и диссиденту Юрию Галанскову.

Виктор Гаврилович Чесноков

Родился в 1946 году в Краснодарском крае. Проходил военную службу в рядах советских вооружённых сил ГДР. Вместе с Витольдом Абанькиным пытался бежать в Западный Берлин летом 1966 года. Оба были арестованы 4 августа. 19 октября 1966 года Виктор Чесноков был арестован по статье 64 («государственная измена») Уголовного кодекса РСФСР, последовал приговор: десять лет лишения свободы. В лагере «Пермь-36» он принимал участие в акциях сопротивления заключённых. К примеру,

в 1973 году он подписал письмо политзаключённых в защиту Андрея Сахарова.

Георгий Владимирович Гладко

Родился в 1942 году в Ростове-на-Дону. Призван в группу советских вооружённых сил ГДР. 16 июня 1962 года он бежал из гарнизона Цайтхайн и через три дня сдался советским военным. 6 августа 1962 года он был осуждён военным трибуналом № 77025 в Дрездене. Однако этот приговор был отменён, дело вернули на доследование, в связи с чем Гладко был помещён в тюрьму Потсдам-Нойер Гартен. Оттуда он снова попытался бежать, на этот раз вместе с четырьмя товарищами. 3 декабря 1962 года он был приговорён военным трибуналом № 75092 в Потсдаме к 13 годам лагерей строгого режима, которые он отбывал сначала в мордовских лагерях, а затем в Перми. Поскольку он принимал участие в акциях сопротивления политзаключённых, ему пришлось провести три с половиной года во Владимирской тюрьме. После освобождения 19 июня 1976 года ему было запрещено возвращаться в Ростов. Затем он жил в Аксае (Ростовская область), где работал на кирпичном заводе. В 1997 году он был частично реабилитирован.

Владимир Георгиевич Коченцов

Родился в 1938 году в Ленинграде. Окончил строительный техникум по специальности архитектор и работал бригадиром в строительстве до призыва в ряды Вооружённых Сил СССР в Восточной Германии. В 1959 году он был арестован за попытку побега и в Потсдаме приговорён к семи годам заключения в лагерях строгого режима. Весь срок заключения отбывал в мордовских лагерях. Вернувшись в Ленинград в 1966 году, он устроился на работу в строительную контору. Владимир Коченцов был членом «Мемориала» до своей смерти в 1996 году.

Пётр Владимирович Личутин

Родился в 1945 году, проходил военную службу в советских вооружённых силах ГДР. 26 января 1966 года вместе с Михаилом Панифидиным пытался бежать в ФРГ на армейской машине. Оба были арестованы и обвинены по статьям 64.89 («кража государственного имущества») и 146 («разбой») Уголовного кодекса РСФСР. Военный трибунал Потсдама приговорил Петра Личутина к двенадцати годам заключения в лагерях.

Михаил Михайлович Панифидин

Родился в 1945 году. Во время военной службы в советских вооружённых силах ГДР пытался бежать вместе с Петром Лицютиным в армейской машине 26 января 1966 года. Обвиняемый по тем же обвинениям, что и последний, Михаил Панифидин был приговорён в Потсдаме к десяти годам тюремного заключения. в Потсдаме. В 1974 году он был досрочно освобождён из лагеря Пермь-36.

Александр Антонович Плаксин

Родился в 1926 году. Служил лейтенантом советских войск, расположенных в ГДР, и возглавлял их бюджетное управление в Дрездене. В марте 1952 года, вместе с тремя другими офицерами, его обвинили в создании антисоветской группировки и арестовали. 22 мая 1952 года в Потсдаме он был приговорён военным трибуналом № 75092 к десяти годам тюремного заключения. 10 октября 1953 года его срок заключения был сокращён до пяти лет. Александра Плаксина освободили в декабре 1953 года по амнистии. Затем он работал слесарем. Реабилитирован через десять лет. Умер в 1994 году.

Георгий Рихтер (он же – Михаил Смирнов) (*Georgij Richter*)

Родился в 1906 году в Онеге (Архангельская область). Был врачом и работал старшим научным сотрудником в психиатрической клинике в Москве до своего первого ареста в 1938 году. Поскольку он происходил из семьи русских немцев, в то время его приговорили к пяти годам лагерного заключения как «социально опасный элемент». В ноябре 1941 года он бежал из лагеря с документами, оформленными на имя Михаила Смирнова, и под этим именем в марте 1942 года вступил в ряды Советской армии. На момент раскрытия его настоящей личности и последовавшего вскоре ареста в сентябре 1949 года, Георгий Рихтер командовал военным госпиталем в Потсдаме в звании подполковника, а также имел жену и сына, носивших фамилию Смирнова. В августе 1950 года он был приговорён к пяти годам лагерного заключения. Благодаря амнистии, объявленной после смерти Сталина, Рихтера освободили из Волжского лагеря уже в мае 1953 года. Он был реабилитирован в 1958 году. Затем Рихтер работал научным сотрудником в университете Ужгорода (Украина).

Владимир Тимофеев

Родился в 1941 году, проходил военную службу в рядах советских вооружённых сил ГДР. Нам не известно, по какой причине он сидел в следственном изоляторе Потсдам–Нойер Гартен, когда Георгий Гладко вошёл в его камеру. Владимир Тимофеев был одним из заключённых, пытавшихся совершить побег вместе с Гладко. По статье 64 Уголовного кодекса РСФСР он был приговорён к двенадцати годам лишения свободы. В октябре 1972 года стало известно, что он содержится во Владимирской тюрьме.

Александр Олегович Удачин

Родился в 1965 году в офицерской семье в Клайпеде (Литва). До призыва на военную службу в ГДР жил в Москве и работал электриком. Будучи солдатом в советской вооружённых сил ГДР, арестован в 1983 году по обвинению в «преднамеренной измене» и «антисоветской пропаганде». Его приговорили к десяти годам заключения в лагере строгого режима. Он был заключённым в лагерях Мордовии и Перми вплоть до освобождения в 1990 году в ходе перестройки. Удачин – один из последних политзаключённых лагеря «Пермь-35». Сегодня он проживает в Москве.

Список сокращений

ВСРФ – Верховный Суд Российской Федерации
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГПУ – Государственное политическое управление
ГСОВГ – Группа советских оккупационных войск в Германии
КГБ – Комитет государственной безопасности
КПГ – Коммунистическая партия Германии
ИТЛ – исправительно-трудовые лагеря
МГБ – Министерство государственной безопасности
НИЦ – Научно-информационный центр «Мемориал»
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР
РОА – Российская освободительная армия
СА – штурмовые отряды
СВАГ – Советская военная администрация в Германии

СДПГ – Социал-демократическая партия Германии
СЕПГ – Социалистическая единая партия Германии
СОЗ – Советская оккупационная зона
СС — военизированные формирования национал-социалистической
немецкой рабочей партии
ФСК – Федеральная служба контрразведки
KgU – Kampfgruppe gegen Unmenschlichkeit; Боевая группа против бес-
человечности
VOS – Verband der Opfer des Stalinismus; Союз жертв сталинизма

Библиография

- Абанькин 1992: Витольд Абанькин: Воспоминания. Неопубликованный
типокрипт, Ростов на Дону.
Amtsblatt der Stadt Potsdam vom 22.12.1994.
Amtsblatt des Kontrollrats in Deutschland. Nr. 3, 31. Januar 1946 und Nr.
11, 31. Oktober 1946, hrsg. vom Alliierten Sekretariat Berlin.
Amtsblatt für die Stadt Potsdam vom 23.5.1996
Arlt 1998: Kurt Arlt: Sowjetische (russische) Truppen in Deutschland (1945-
1994), in: Torsten Diedrich/Hans Ehler/Rüdiger Wemke (Hg.): Im
Dienste der Partei. Handbuch der bewaffneten Organe der DDR, Berlin,
S. 593-627.
Art Box Kassel/Kunstschule Potsdam 1997: Abdrücke. Schülerprojekt im
ehemaligen KGB-Gefängnis/Potsdam.
Bakatin 1993: Wadim Bakatin: Im Innern des KGB, Frankfurt.
Bailey/Kondraschow/Murphy 1997: Die unsichtbare Front. Der Krieg der
Geheimdienste im geteilten Berlin, Berlin.
Bautzen-Komitee 1997: Das Gelbe Elend. Bautzen-Häftlinge berichten
1945-1956, München/Berlin.
Berger 1998: Siegfried Berger: „Ich nehme das Urteil nicht an“ - Ein Berli-
ner Streikführer des 17. Juni vor dem Sowjetischen Militärtribunal, in:
Schriftenreihe des Berliner Landesbeauftragten für die Unterlagen des
Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen DDR, Bd. 8, Berlin.
Bethge 1995: Werner Bethge: Evangelische Christen zwischen Anpassung
und Opposition, Brandenburgische Historische Hefte 1, Potsdam.
Biographical Dictionary of Dissidents in the Soviet Union, 1956-1975. Hrsg.
v. S.P. de Boer, E.J. Driessen u. H.L. Verhaar, Den Haag / Boston /
London 1982.

- Bittel 1961: Karl Bittel (Hg.): Das Potsdamer Abkommen und andere Dokumente aus der Zeit des zweiten Weltkrieges, Berlin.
- Broszat/Weber 1990: Martin Broszat/Hermann Weber (Hg.), SBZ-Handbuch. Staatliche Verwaltungen, Parteien, gesellschaftliche Organisationen und ihre Führungskräfte in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1945-1949, München.
- Bundesministerium für Justiz 1998: Informationsheft „Strafrechtliche Rehabilitierung“, Bonn.
- Conquest 1992: Robert Conquest, Der große Terror. Sowjetunion 1934-1938, München.
- Dankert/Bästlein 1994: Uwe Dankert/Klaus Bästlein: Projektskizze. Sicherung des KGB-Gefängnisses im „Städtchen“, Potsdam. Gutachten vom 9.10.1994 (Archiv des EKH, Potsdam).
- Erlер 1998: Peter Erlер: Das sowjetische Speziallager Nr. 3 Mai 1945 - Oktober 1946 in Berlin-Hohenschönhausen.
- Fakten - Dokumente - Personen. Mit einem Vorwort von Manfred Wilke, Berlin.
- Erlер/Otto 1991: Peter Erlер/Wilfriede Otto: Wer war der Mann auf dem Schutzumschlag wirklich? Unschuldige in Stalins Hand. Reaktion auf ein ungeprüftes Foto. Die Rehabilitierung Unschuldiger ist ernst zu nehmen, in: Berliner Zeitung vom 1. Februar 1991.
- Foitzik 1998: Jan Foitzik: Organisationseinheiten und Kompetenzstruktur des Sicherheitsapparates der SMAD, in: Mironenko/Niethammer/von Plato et al., S. 117-131.
- Fricke 1979: Karl Wilhelm Fricke: Politik und Justiz in der DDR. Zur Geschichte der politischen Verfolgung 1945-1968. Bericht und Dokumentation, Köln.
- Fricke 1993: Karl Wilhelm Fricke: Politische Verfolgung und sowjetische Militärjustiz in der SBZ/DDR, in: Norbert Haase/Brigitte Oleschinski (Hg.): Das Torgau-Tabu. Wehrmachtsstrafsystem, NKWD Speziallager, DDR-Strafvollzug, Leipzig.
- Gabert/Prieß 1990: Josef Gabert/Lutz Prieß unter Mitarbeit von Peter Erlер und Jutta Finkeisen: Über den Personenkult und seine Folgen. Rede N. S. Chruschtschows in der internen Sitzung des XX. Parteitages der KPdSU, 25. Februar 1956, in: SED und Stalinismus. Dokumente aus dem Jahre 1956, Berlin.
- Гладко 1998: Георгий Гладко: Запись беседы. Неопубликованный манускрипт, Ростов-на-Дону.

- Haritonow 1998: Alexander Haritonow: Zur Geschichte des Speziallagers Nr. 4 (3) in Bautzen, in: Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945-50, Mironenko/Niethammer/von Plato 1998, Bd. 1, Berlin, S. 331-352.
- Hass 1994: Gerhart Hass: Der Werwolf 1944/45, in: Günther Agde: Sachsenhausen bei Berlin, Berlin, S. 200-215.
- Иофе 1997а: Вениамин Иофе: Георгий Гладко. Краткая биография. Неопубликованный типоскрипт, Санкт-Петербург.
- Иофе 1997б: Вениамин Иофе: Владимир Коченцов. Краткая биография. Неопубликованный типоскрипт, Санкт-Петербург.
- Iofe 1997c: Veniamin Iofe: Aleksandr Udac̃in. Kurzbiographie, unveröffentlichtes Typoskript, Sankt Peterburg.
- Iofe 1998: Veniamin Iofe: Uroki Potsdama (Potsdamer Lektionen). Erste Fassung, unveröffentlichtes Typoskript, Sankt Peterburg.
- Jeske 1998: Natalja Jeske: Versorgung, Krankheit, Tod in den Speziallagern. In: Mironenko/Niethammer/von Plato 1998, Bd. 1: S. 189 - 223, Berlin
- Kalinin/Schwekow 1987: Geschichte des Staates und des Rechts der UdSSR 1917-1977. Unter Redaktion von G. S. Kalinin und G. W. Schwekow, Berlin.
- Kersebom/Niethammer 1998: Heinz Kersebom und Lutz Niethammer: „Kompromat“ 1949 – eine statistische Annäherung an Internierte, SMT-Verurteilte, antisowjetische Kämpfer und die Sowjetischen Militärtribunale, in: Mironenko/Niethammer/von Plato 1998, S. 510-532.
- Koop 1996: Volker Koop: Zwischen Recht und Willkür. Die Rote Armee in Deutschland. Bonn.
- Kopalin 1995: Leonid P. Kopalin: Die Rehabilitierung deutscher Opfer sowjetischer politischer Verfolgung, Bonn 1995.
- Kopalin 1996: Leonid P. Kopalin: Stand der Rehabilitierung deutscher Staatsbürger, welche durch sowjetische Dienststellen verurteilt wurden, in: Horst Hennig (Hg.): Erfahrungen aus den Diktaturen - Folgen für Gegenwart und Zukunft. Vorträge auf dem Halle - Forum III Maritim-Hotel Halle vom 18.-20.05.1996, S. 40.
- Kopalin 1994: Leonid P. Kopalin: Zur Rehabilitation ausländischer Opfer der sowjetischen Militärjustiz, in: DA 1994, H. 8, S. 880.
- Mannteufel 1998: Ingo Mannteufel: Der „Blutsamstag“ in der Sowjetunion. Die Niederschlagung der Proteste in Novoc̃erkassk im Juni 1962, in: Osteuropa H.7: S. 724-737.
- Matz-Donath 1995: Annerose Matz-Donath: Wege nach Hoheneck. Frauen vor Sowjetischen Militärtribunalen, in: DA 1995, H. 5, S. 466-480.

- Merz 1987: Kai-Uwe Merz: Kalter Krieg als antikommunistischer Widerstand. Die Kampfgruppe gegen Unmenschlichkeit 1948-1959, München.
- Mironenko/Niethammer/von Plato 1998: Sergej Mironenko/Lutz Niethammer/Alexander von Plato in Verbindung mit Volkhard Knigge und Günter Morsch (Hg.): Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950, Bd. 1: Studien und Berichte, Bd. 2: Sowjetische Dokumente zur Lagerpolitik, Berlin.
- Müller 1997: Klaus-Dieter Müller: „Jeder kriminelle Mörder ist mir lieber...“ Haftbedingungen für politische Häftlinge in der Sowjetischen Besatzungszone und der Deutschen Demokratischen Republik und ihre Veränderungen von 1945-1989, in: „Die Vergangenheit läßt uns nicht los...“ Haftbedingungen politischer Gefangener in der SBZ/ DDR und deren gesundheitliche Folgen. Erweiterte Berichte der gleichnamigen Fachtagung am 25.4.1997 in Hamburg für Ärzte, Psychologen, Gutachter, Juristen der Sozialgerichtsbarkeit und Mitarbeiter der Landesversorgungssämter, S. 7-127.
- Müller/Osterloh 1995: Klaus-Dieter Müller/Jörg Osterloh: Die andere DDR. Eine studentische Widerstandsgruppe und ihr Schicksal im Spiegel persönlicher Erinnerungen und sowjetischen NKWD-Dokumente. Dresden
- Mybes 1988: Fritz Mybes: Der Evangelisch-Kirchliche Hilfsverein und seine Frauenhilfe, Köln.
- Naimark 1997: Norman N. Naimark: Die Russen in Deutschland. Die sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949, Berlin.
- Naimark 1995: Norman N. Naimark: Die Sowjetische Militäradministration in Deutschland und die Frage des Stalinismus. Veränderte Sichtweisen auf der Grundlage neuer Quellen aus russischen Archiven. In: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft Nr. 43, Berlin, S. 293-307.
- Petrov 1998: Nikita Petrov: Die Apparate des NKVD/MVD und des MGB in Deutschland 1945-1953. Eine historische Skizze, in: Mironenko/Niethammer/von Plato 1998, Bd. 1: S. 143-157.
- Petrov 1998a: Nikita Petrov: General Iwan Serow. Der erste Vorsitzende des KGB, in: Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte, Nr. 2/1998, S. 161-207.
- von Plato 1998: Alexander von Plato: Zur Geschichte des sowjetischen Speziallagersystems in Deutschland. Einführung, in: Mironenko/Niethammer/von Plato 1998, Bd. 1: S. 19-75.
- Possekel 1998: Ralf Possekel: Einleitung, in: Mironenko/Niethammer/von Plato 1998, Bd. 2: S. 15-100.

- Die Potsdamer (Berliner) Konferenz der höchsten Repräsentanten der drei alliierten Mächte - UdSSR, USA und Großbritannien (17. Juli-2. August 1945). Dokumentensammlung, Moskau/Berlin 1986
- Prieß 1995: Benno Prieß: Unschuldig in den Todeslagern des NKWD 1946-1954. Torgau. Bautzen. Sachsenhausen. Waldheim, Calw
- Prieß 1997: Benno Prieß: Erschossen im Morgengrauen. Verhaftet. Gefoltert. Verurteilt. Erschossen. „Werwolf“-Schicksale mitteldeutscher Jugendlicher, Calw.
- Prieß 1998: Lutz Prieß: Das Speziallager des NKVD Nr. 7 (Nr. 1) Sachsenhausen (1945-1950), in: Minorenko/Niethammer/von Plato 1998, Bd. 1: S. 380-410.
- Reese 1992: Mary-Louise Reese: Die Organisation Gehlen, Berlin.
- Reich 1994: Ines Reich: Potsdam und der 20. Juli 1944. Auf den Spuren des Widerstandes gegen den Nationalsozialismus, Freiburg.
- Ritscher 1993: Bodo Ritscher: Zur Herausbildung und Organisation des Systems von Speziallagern des NKVD der UdSSR in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands im Jahre 1945, in: DA 1993, H. 6: S. 732-737.
- Sacharow/Filippowych/Kubina 1998: Wladimir Wladimirowitsch Sacharow/Dmitri Nikolajewitsch Philippowych/Michael Kubina: Tschekisten in Deutschland. Organisation, Aufgaben und Aspekte der Tätigkeit der sowjetischen Sicherheitsapparate in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands (1945-1949), in: Manfred Wilke (Hg.): Anatomie der Parteizentrale. Die KPD/SED auf dem Weg zur Macht. Berlin, S. 293-336.
- Scherstjanow 1998: Elke Scherstjanow: „In 14 Tagen werden Sie vielleicht schon keinen Staat mehr haben“. Vladimir Semenov und der 17. Juni 1953, in: DA 1998 H. 6, S. 927.
- Scholmer 1981: Joseph Scholmer: Arzt in Workuta, München.
- Scholmer 1963: Joseph Scholmer: Arzt in Workuta. Bericht aus einem sowjetischen Straflager, München.
- Scholmer 1954: Joseph Scholmer: Der Streik in Workuta, in: Der Monat 3/1954, S. 563-584.
- Scholz 1990: Günther Scholz: Verfolgt - verhaftet - verurteilt. Demokraten im Widerstand gegen die rote Diktatur - Fakten und Beispiele, Berlin/Bonn
- Schüler 1993: Horst Schüler: Workuta, München.
- Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. Москва 1992. Skrytaja pravda vojny: 1941 god. Neizvestnye dokumenty, Moskva 1992

- Солженицын 1974: Архипелаг ГУЛАГ.
- Tjulpanow 1967: Sergej Ivanovic Tjulpanow: Die Rolle der SMAD bei der Demokratisierung Deutschlands, in: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 1967, H. 2, S. 246.
- Torke 1993: Hans-Joachim Torke (Hg.): Historisches Lexikon der Sowjetunion 1917/22 bis 1991, München.
- Die Toten von Bautzen 1950-1956, in: Der Stacheldraht 1997, H. 4, S. 7-9
- Wagenlehner 1994: „Aufzubewahren für ewig“. Ein Gespräch mit dem Direktor des Instituts für Archivauswertung, Dr. Günther Wagenlehner, in: Der Stacheldraht. 1997, H. 4, S. 6.
- Wagenlehner 1998: Günther Wagenlehner: Vier Jahre Auswertung in den russischen Archiven – ein Beitrag zur deutsch-russischen Aussöhnung, in: DA 1998, H. 3, S. 433.
- Wegemann 1995: Bodo Wegemann: Landesportrait Russische Föderation, in: Erich Schmidt-Eenboom: Nachrichtendienste in Nordamerika, Europa und Japan. Länderportraits und Analysen, CD-ROM, Weilheim.
- Wer kann Auskunft geben über Dr. Joachim („Jochen“) Anders, in: Der Stacheldraht 1995, H. 2, S. 12.
- Wernicke 1991: Thomas Wernicke: Staats-Sicherheit. Ein Haus in Potsdam, Potsdam,
- Wernicke 1997: Thomas Wernicke: Von der Nauener Vorstadt zur russischen Militärstadt Nr. 7, Blätter aus der Stadtgeschichte, Potsdam, unveröffentlichtes Typoskript, Potsdam-Museum (Abteilung Geschichte).
- Wieland 1994: Günther Wieland: Der sowjetische Sachsenhausenprozeß 1947, in: Günter Agde (Hg.): Sachsenhausen bei Berlin. Speziallager Nr. 7 1945-1950. Kassiber, Dokumente und Studien. Berlin, S. 234-251.
- Wilmes 1997: Julia Wilmes: Die sowjetischen Speziallager im Spannungsfeld von Besatzungspolitik, Entnazifizierung und Herrschaftssicherung. Arbeitspapiere des Forschungsverbundes SED Staat, Nr. 26, Berlin.
- Wolin 1993: Walerij A. Wolin: Russland rehabilitiert die durch sowjetische Militärtribunale unschuldig Verurteilten. Vorgetragen beim Bautzen-Forum am 17.6.1993, S. 6.
- Wolin 1994: Walerij A. Wolin: Die kommunistische Diktatur in Mittel- und Osteuropa – Aufarbeitung im Vergleich, in: Die Akten der kommunistischen Gewaltherrschaft - Schlußstrich oder Aufarbeitung? Dokumentation. 5. Bautzen-Forum der Friedrich-Ebert-Stiftung 24. bis 25. Juni 1994, Hrsg. vom Büro der Friedrich-Ebert-Stiftung, Büro Leipzig, Leipzig.

Архивы

Bundesarchiv Potsdam (BAP), 01/TB 11/1577, Bl. 27

Bundesbeauftragter für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik (BStU), Zentralarchiv, AS 2/59, Bl. 339

ФСБ РФ, Центральный архив, Москва, № 10/А-1776 от 30.04.1998 НИЦ

ФСБ РФ, Центральный архив, Москва, № 10/А-3355 от 07.08.1998 НИЦ

ФСБ РФ, Управление по Омской области, № 10/27-2981 от 03.06.1998, архив НИЦ

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), разные акты (см. сноски)

Приговор именем Союза Советских Социалистических Республик Военного Трибунала 75 092, 19.10.1966, архив НИЦ

ВС РФ, Определение № 2п - 01224/62 от 20.02.1997, архив НИЦ

Иллюстрации (источники)

Обложка: Клаус Хоффманн

стр. 2 Ута Герлант

стр. 12 «Мемориал» (Берлин)

стр. 17 НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)

стр. 30 музей г. Потсдама

стр. 32 Архив Евангелического общества помощи (Потсдам)

стр. 33 Ханнес Виттенберг

стр. 34 Ханнес Виттенберг, Томас Вернике

стр. 35 Ханнес Виттенберг, Эльке Файн

стр. 36 и 37 Из собрания музея г. Потсдама

стр. 38 музей Потсдама

стр. 39 Ханнес Виттенберг

стр. 40 Архив Евангелического общества помощи

стр. 42 музей г. Потсдама

стр. 43 Томас Вернике

стр. 46 Benjamin Gutzler/Jens Niederhut

стр. 48 Ханс-Хеннинг Саркамм, Герман Шлютер

стр. 50, 54, 56 и 59 проектная группа

стр. 60, 62, 63 Heinz Schwollius

стр. 65 Томас Вернике

стр. 72 Ренате Вальтер-Херрнкинд

стр. 78 Анке Хёне, Томас Вернике
стр. 81 Хорст Шлютер
стр. 85 Томас Вернике
стр. 97 Мария Фрикер
стр. 100 Хорст Шюлер
стр. 103 Петер Зееле
стр. 105 Вольфганг Бекер
стр. 107 Клаус Хоффманн
стр. 111 Вольфганг Бекер
стр. 117-119 121-123 НИЦ «Мемориал»
стр. 142 Эльке Файн

Об авторах книги

Андреас Декер

Родился в 1974 году в Бремене. Изучал историю и германистику в Марбурге, Берлине и Москве. MEMORIAL Deutschland.

Эльке Файн

Родилась в 1970 году в Хахенбурге/ Вестервальде. Изучала политологию и науки о Восточной Европе в Берлине, Париже и Фрайбурге. Координатор выставки «От Потсдама до Воркуты» (1997). Защитила кандидатскую диссертацию по политологии.

Ута Герлант

Родилась в 1965 году в Потсдаме. Керамистка. Изучала восточноевропейскую историю, философию и филологию в Берлине. MEMORIAL Deutschland.

Анке Хёне

Родилась в 1970 году в Люкенвальде. Медсестра. Изучала социальные науки в Лейпциге и Берлине. MEMORIAL Deutschland.

Вениамин Иофе

Родился в 1938 году в Уфе (Башкирия). Химик-инженер. С 1964 года публиковался в самиздатовском журнале «Колокол». В 1965 году приговорён к трём годам лишения свободы в лагерях строгого режима (Мордовская АССР). С 1988 года один из председателей общества «Мемориал». С 1992 года директор Научно-информационного центра «Мемориал» в Санкт-Петербурге. Автор многочисленных публикаций об истории общественно-политической оппозиции в СССР.

Нина Леонхард

Родилась в 1972 году в Берлине. Изучала политологию в Берлине и Париже. Защитила докторскую диссертацию по политологии.

Йенс Нидерхут

Родился в 1975 году в Берлине. Изучал историю, политологию и латинскую филологию в Марбурге и Берлине.

Выставка художницы Антони Бизиг (Antonia Biesig) осенью 1998 года по случаю пятидесятилетней годовщины со дня принятия Всеобщей декларации прав человека, Ляйстиковитрассе 1. С 1996 года на верхних этажах находится бюро потсдамского регионального отделения правозащитной организации Amnesty International.